

**ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского**

На правах рукописи

Ушенин Андрей Владимирович

**Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций
при расследовании преступлений**

**Специальность 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная
экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.**

**Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Лысов Н.Н.**

Нижний Новгород

2004

Содержание

Введение	4
Глава 1. Инсценировки и фальсификации информации о временных характеристиках при расследовании преступлений.	
§ 1. Роль и значение криминалистической теории о временных связях в изучении преступной деятельности и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.	12
§ 2. Мотивы и способы сокрытия преступлений. Инсценировка и фальсификация как разновидности сокрытия преступлений.	29
§ 3. Инсценировка временных характеристик преступления как способ оказания противодействия деятельности следователя.	38
§ 4. Фальсификация данных о временных характеристиках преступной деятельности путем утаивания и дачи ложной информации.	58
Глава 2. Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций, направленных на создание ложных представлений о времени события преступлений, в ходе отдельных следственных действий.	
§ 1. Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций, направленных на создание ложных представлений о времени события преступлений, в ходе следственного осмотра и обыска.	75
§ 2. Распознавание и разоблачение ложной информации о времени в ходе допроса и очной ставки	95

§ 3. Распознавание и разоблачение инсценировок о времени события преступления в ходе проверки показаний на месте.	120
§ 4. Разоблачение ложных показаний о времени в ходе следственного эксперимента.	140
Заключение	151
Список литературы	155

Введение

Изменение социально-экономических условий в России, помимо положительных изменений в жизни общества, повлекло изменения и в криминальной сфере. Лидеры преступного мира активно пользуются продолжающимся расслоением общества, социальной апатией определенных слоев населения страны и привлекают к противоправной деятельности все новых лиц, не нашедших применения своих знаний, умений и навыков в разрешенной законом сфере.

При этом произошли качественные изменения в преступной деятельности. Ее лидеры, основываясь на знании методики и тактики деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, современного уровня криминалистической техники, противопоставляют усилиям правоохранительных органов такие способы совершения и сокрытия преступлений, которые позволяют им фактически безнаказанно совершать как корыстные, так и насильственные преступления. Одним из излюбленных способов действий преступного мира является инсценировка на месте происшествия, и на ее основе – фальсификация всего доказательственного ряда с использованием как искусственно изображенной обстановки на месте происшествия, так и ложных показаний о сущности происшедшего, которые в своей совокупности позволяют фальсифицировать не только первоначальные признаки преступления, но и всю совокупность информации о происшедшем. Нередко в результате подобных действий в распоряжении следователя имеются данные об участии в преступлении только рядовых исполнителей, а организаторы преступной деятельности к уголовной ответственности не привлекаются.

Согласно Толковому словарю русского языка С.И.Ожегова, инсценировать – значит притворно изобразить что-либо¹. Это понятие фактически не отличается от определения, данного в современном словаре иностранных слов, согласно которому инсценировать – это изобразить что-либо с целью ввести этим кого-либо в заблуждение². Как видно из этих определений, в них речь идет о воздействии на материальную обстановку, которая подвергается каким-либо воздействиям, влекущим изменения, искажения с целью создания ложных представлений у лица, непосредственно не участвующего в изучаемом событии.

В криминалистической энциклопедии понятие инсценировки трактуется с позиции инсценировки преступления. Под ней понимается создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте события³, т.е. за основу взяты изменения в обстановке конкретного места.

Понятие «фальсификация», несмотря на ряд совпадающих признаков, значительно отличается от понятия «инсценировка». Оно охватывает не только изменения в материальной обстановке, но и активную деятельность по формированию ложных впечатлений путем передачи ложной вербальной информации об изучаемом событии. Так, согласно словарю С.И.Ожегова, фальсифицировать – значит подделать, исказить, с целью выдать за подлинное, настоящее⁴. Фактически такое же определение фальсификации дается в современном словаре иностранных слов⁵. В криминалистической энциклопедии понятие фальсификации не рассмотрено.

Анализ понятий «инсценировка» и «фальсификация» позволяет сделать вывод о том, что второе понятие гораздо шире первого, поскольку оно охватывает не только какие-либо изменения в обстановке, на месте, с целью вве-

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1970. – С. 245.

² См.: Современный словарь иностранных слов. – М., 1993. – С. 239.

³ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000. – С. 82.

⁴ См.: Ожегов С.И. Указ. работа – С. 834.

⁵ См.: Современный словарь иностранных слов. – М., 1993. – С. 636.

сти кого-либо в заблуждение, но и действия по передаче заведомо ложных сведений о происшедшем. Иными словами, инсценировать можно только материальную обстановку, а фальсифицировать – и обстановку, и вербальную информацию об этой обстановке. Поэтому в названии темы настоящего исследования использован термин, объединяющий элементы противодействия как в материальной среде, так и в «следах памяти» – «фальсификация». Подобное объединение позволяет изучать и преступную деятельность и деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений как две стороны одного явления – человеческой деятельности – диалектически взаимосвязанные.

Поскольку преступная деятельность и деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений – это единство противоположностей, по нашему мнению, изучать их необходимо в тесной взаимосвязи между собой и с условиями жизни общества. Научное исследование обеих форм деятельности необходимо для того, чтобы повысить эффективность правоохранительных органов и всего общества в борьбе с организованными формами преступности.

В криминалистической литературе достаточно хорошо изучены инсценировки, одной из разновидностей которых являются инсценировки, осуществляемые для маскировки времени, как отдельного обстоятельства преступления¹. Фальсификации доказательственного ряда, предпринимаемые преступниками для сокрытия данных о времени расследуемого деяния, предметом отдельного изучения до сих пор не являлись. Вместе с тем именно такой вид фальсификаций доказательств о времени события преступления нередко используется преступниками для маскировки своего участия в преступной деятельности, для создания такой следовой обстановки, которая провоцирует создание ложных отображений о времени изучаемого события в сознании

¹ См., например: Фадеев В.И. Расследование инсценировки преступных событий: Автореферат дис.... к.ю.н. – Воронеж, 1998. – С. 9.

следователя. Однако криминалистами эта проблема не изучена на общетеоретическом уровне, и не исследованы возможности субъектов доказывания по своевременному распознаванию фальсификаций доказательств о времени совершенного преступления. В ликвидации разрыва между современными методами, используемыми преступниками, и несколько запоздалыми криминалистическими рекомендациями в этой сфере, о которой упоминает и В.А. Волинский, по мнению которого действующая система правового регулирования и организации технико-криминалистического обеспечения деятельности по выявлению и раскрытию преступлений не соответствует современному состоянию преступности и уровню криминализации общества,¹ видится **актуальность** предпринятого исследования.

Степень разработанности проблемы. Проблемы инсценировок и фальсификаций при раскрытии и расследовании преступлений исследовались О.Я.Баевым, В.П.Бахиным, Р.С.Белкиным, А.Н.Васильевым, И.А.Возгриным, В.К.Гавло, В.Е.Коноваловой, И.М.Лузгиным, Г.Н.Мудьюгиным, В.А.Образцовым, В.А.Овечкиным, В.И.Шикановым.

Роль и значение установления временных характеристик преступления изучались в кандидатских диссертациях А.Авсюк, Е.А.Логвинец, В.Иванова, В.В.Лысенко, А.П.Тельцова, А.В.Чегодаева. В 1995 году по данной проблематике защищена докторская диссертация В.М.Мешкова. Отдельные аспекты влияния фактора времени на эффективность деятельности следователя при расследовании преступлений рассматривались в работах Л.Н.Викторовой, В.П.Лаврова, М.В.Салтевского, Ю.Д.Федорова, В.И.Шиканова.

Предмет настоящего исследования – это закономерности создания криминальными структурами инсценировок и фальсификаций, направленных на создание у следователя ложных представлений о временных характеристиках расследуемого деяния, а также тактика и мето-

¹ См.: Волинский В.А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники: Автореферат дис....д.ю.н. – М., 2001. – С. 35.

дика распознавания инсценировок и фальсификаций доказательств о времени совершения преступления субъектом доказывания.

Объектом исследования являются способы фальсификации источников информации о времени события в ходе преступной деятельности и способы распознавания и разоблачения этой информации следователем при расследовании преступлений, совершаемых организованными группами.

Цель исследования состоит в дальнейшем развитии криминалистического учения о временных связях и отношениях путем изучения способов создания ложной информации о времени события преступления, в разработке основ распознавания ложных сведений о времени события преступления и в выработке конкретных рекомендаций по методике и тактике своевременного обнаружения признаков фальсификации информации о времени и их разоблачения. Данная цель предопределила и постановку ряда **задач**, основными из которых являются следующие:

- определение роли и значения временных характеристик преступления в преступной деятельности и взаимосвязанной с ней деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений;
- исследование сущности процесса отражения течения времени материальным миром и сознанием лиц, вовлеченных в преступную деятельность и в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений;
- исследование возможностей и способов распознавания инсценировок, направленных на создание ложных представлений о времени расследуемого события, в ходе проведения следственного осмотра;
- исследование возможностей и способов изобличения лиц, дающих ложные показания о времени, в ходе допроса, и предложение практических рекомендаций следователю;
- исследование основных путей распознавания фальсифицированной информации о времени в ходе следственного эксперимента и проверки показа-

ний на месте и предложение рекомендаций по разоблачению лиц, сообщаемых такую информацию.

Методологической основой исследования являются положения материалистической диалектики об объективных закономерностях отражения течения времени объектами материальной природы и сознанием человека. При подготовке диссертации изучены фундаментальные работы Р.С.Белкина, Л.Н.Викторовой, А.И.Винберга, В.П.Лаврова, В.Н.Махова, В.М.Мешкова, М.В.Салтевского, В.И.Шиканова, Н.П.Яблокова, а также литература по уголовному процессу, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности, посвященная проблемам расследования преступлений. Особое внимание уделено изучению работ специалистов, изучавших криминалистические аспекты инсценировок и фальсификаций, в частности, О.Я.Баева, В.П.Бахина, Р.С.Белкина, А.Н.Васильева, И.А.Возгина, В.К.Гавло, Г.А.Густова, Г.Н.Мудьюгина, В.А.Образцова, В.А.Овечкина, В.И.Фадеева, В.И.Шиканова и других.

Научная новизна состоит в первом комплексном исследовании проблем распознавания и разоблачения фальсификаций доказательств о времени совершения преступления следователем, которое существенно обогащает криминалистическое учение о временных связях и отношениях, и способствует повышению эффективности борьбы с организованной преступностью, представители которой, как известно, активно противодействуют следствию.

В соответствии с целью исследования и поставленными задачами **на защиту выносятся следующие положения:**

- роль и значение временных характеристик преступления в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых организованными группами;

- сущность процесса отражения течения времени материальным миром и сознанием лиц, вовлеченных как в преступную деятельность, так и в деятельность по выявлению и раскрытию преступлений;
- возможности следователя в распознавании инсценировок о времени при следственном осмотре;
- способы изобличения лиц, дающих ложные показания о времени, в ходе вербальных следственных действий;
- тактические основы проверки информации о времени в ходе следственного эксперимента и проверки показаний на месте;
- предложения о законодательном закреплении изменения процедуры участия специалиста в следственных действиях и возможности фиксации его суждений в соответствующих процессуальных документах.

Теоретическое значение работы состоит в том, что она, помимо обогащения теоретических положений криминалистической теории о временных связях и отношениях, способствует повышению эффективности и рациональности деятельности следователя при расследовании преступлений, совершаемых организованными группами.

Практическое значение выводов, полученных в ходе выполнения настоящей работы, состоит в возможности продолжения исследований на ее базе по преодолению противодействия криминального мира деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений; в разработке практических рекомендаций для следователей, направленных на повышение эффективности их повседневной работы; в совершенствовании обучения будущих следователей на юридических факультетах.

Обоснованность и достоверность результатов исследования определяется эмпирической базой исследования. Выводы и предложения базируются на изучении действующего законодательства России: Конституции Российской Федерации, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, постановлений Пленумов Верховного суда России. Изучены материалы 400

уголовных дел, расследованных органами внутренних дел. По специально разработанным анкетам опрошены 150 следователей органов внутренних дел в Удмурдской Республике. При анализе полученных данных применялось сопоставление с материалами аналогичных исследований других авторов.

Апробация. Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в шести публикациях автора, приняты для использования в учебном процессе Нижегородской академии МВД России и Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; используются в деятельности правоохранительных органов Нижегородской области, а так же докладывались на трех научно-практических конференциях и семинарах.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, объединяющих восемь параграфов, заключения и списка литературы.

Глава 1. Инсценировки и фальсификации информации о временных характеристиках при расследовании преступлений.

§ 1. Роль и значение криминалистической теории о временных связях в изучении преступной деятельности и деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Проблема времени изучается специалистами в различных научных сферах – в технике, географии, археологии, биологии, медицине и др. Небезынтересна эта проблема и для социальных и юридических наук. Впервые в отечественной юридической науке данная проблема подверглась комплексному исследованию профессором А.А.Тилле, который проанализировал влияние времени на законодательную и правоприменительную деятельность.¹

Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты влияния фактора времени на процедуры предварительного расследования рассматривались Г.Гроссом, А.Гельвигом, В.И.Громовым, Э.Локаром, Р.А.Рейссом, С.М.Потаповым, И.Н.Якимовым и другими учеными, чьими усилиями была сформирована база для современной криминалистической теории².

Современная общая теория криминалистики содержит систему частных криминалистических теорий. Некоторые теории являются традиционными для криминалистики (например, теория идентификации), другие зародились сравнительно недавно (теория криминалистического прогнозирования, теория временных связей). Одна из причин зарождения новых криминалистических теорий, по мнению Р.С. Белкина, - это возникновение в практике борьбы с преступностью потребности в новых теоретических обобщениях и объясне-

¹ См.: Тилле А.А. Время, пространство, закон. – М., 1965.

² См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей жандармской полиции и др.- М., 2002. – 1088 с. ; Гельвиг А. Современная криминалистика. – М., 1925 – 99 с.; Громов В.И. Вещественные улики и научно-уголовная техника. – 2-е изд. – М., 1932 – 88с.; Локар Э. Руководство по криминалистике – М., 1941. - 544с.; Потапов С.М. Принципы криминалистической идентификации //Советское государство и право. № 1. 1940; Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. – СПб., 1912. – 178 с.; Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика.. – М., 1929. - 312 с.

ниях тех или иных сторон объективной действительности, связанных с преступностью, как социальным явлением, в новых средствах и методах борьбы с нею¹.

Точка зрения уважаемого профессора довольно точно отражает ситуацию, сложившуюся в криминалистической науке, которая в значительной степени призвана обеспечить эффективную деятельность следователя и органов дознания по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Применительно к этой деятельности криминалистическая теория о временных связях может быть рассмотрена в нескольких направлениях.

1. Уголовно-правовое. В соответствии с требованиями ст. 73 УПК РФ при расследовании любого преступления, время события преступления подлежит доказыванию. Диспозиция ряда статей УК РФ прямо связывает наступление уголовно-правовых последствий совершением определенных действий в конкретное время. Так, в соответствии со ст. 231 УК РФ уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы подлежат граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов; уголовная ответственность за самовольное оставление части или места службы дифференцируется в зависимости от срока самовольной отлучки (ч.1 ст. 337 УК РФ – продолжительностью свыше 3 суток; ч.3 ст. 337 УК РФ – свыше десяти суток, но не более одного месяца; ч.4 ст. 337 УК РФ – свыше одного месяца) и т.д.

2. Уголовно-процессуальное. В ряде статей УПК РФ содержатся требования по соблюдению временных параметров расследования уголовного дела, в частности:

- следователь обязан принять решение о возбуждении уголовного дела в трехдневный срок (ч.1 ст. 144 УПК РФ);
- подозреваемый в совершении преступления должен быть допрошен не

¹ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. - М., 1987. - С. 143.

позднее 24 часов с момента либо вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, либо фактического его задержания (ч.2 ст. 46 УПК РФ);

- производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч.3 ст. 164 УПК РФ);
- допрос не может длиться непрерывно более 4 часов (ч.2 ст. 187 УПК РФ);
- срок предварительного следствия также жестко ограничен временными рамками и т.д.

3. Криминалистическое. Ряд криминалистических рекомендаций основан на учете роли и значения временного фактора. В частности:

- наиболее эффективный допрос очевидца производят непосредственно после наблюдаемого им события;
- наиболее эффективный допрос потерпевшего, получившего травму головы, производят спустя 8-15 дней после получения травмы;
- производство осмотра места происшествия, как правило, проводят немедленно после получения сигнала о совершенном преступлении. Однако в некоторых случаях производство этого следственного действия необходимо отсрочить (ненадлежащие погодные условия, ночное время суток);
- производство обыска целесообразно отсрочить во времени, в случае получения информации, что лица, у которых должен проводиться обыск, уже приняли меры по сокрытию искомых предметов (орудий преступлений, похищенных ценностей) и т.д.

Понятно, что нами перечислены лишь небольшие сферы в уголовном и уголовно-процессуальном праве, а также в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, где необходимо учитывать влияние временных факторов.

Фактически временные связи и отношения буквально пронизывают деятельность следователя, и он обязан иметь представление не только о влиянии временного фактора на преступную деятельность, но и учитывать его влияние на собственную деятельность по раскрытию и расследованию преступле-

ний. Для этих целей криминалисты обязаны всемерно учитывать влияние фактора времени на процесс использования криминалистических технических средств, на разработку тактических приемов выполнения отдельных следственных действий, на методику расследования конкретного вида преступлений в целом. Однако в криминалистике этот аспект проблемы рассматривается достаточно редко, что явно не способствует разработке эффективных методик, помогающих следователю, оперативному работнику.

Как показало изучение криминалистической литературы, в ряде учебников криминалистики, других учебных изданиях, авторы лишь резюмируют необходимость обязательного установления времени события преступления.¹ При этом фактически не рассматриваются тактические и методические вопросы, позволяющие не только устанавливать время расследуемого деяния с точностью даже до секунд, но и планировать следователю собственную деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. В других криминалистических изданиях рекомендации по учету фактора времени затрагивают очень узкие сферы и направления в деятельности следователя, специалиста или эксперта. Например, рекомендуют следователю определять время квартирной кражи, исходя из анализа времени отсутствия в квартире ее владельцев; или рекомендуют судебному медику определять время наступления смерти по ряду характерных признаков и т.п.² Признавая безусловную полезность таких рекомендаций, следует отметить, что они обращены на разрешение какой-то одной частной ситуации, но не позволяют применять их в других случаях. В ряде работ по экспертной методике достаточно подробно исследуются возможности конкретной экспертизы по установлению каких-либо элементов временных связей. Так, вышли в свет методики, позволяющие определять время выстрела, время оставления следов пальцев рук, времени вы-

¹ См., например: Криминалистика: Учебник /Под ред. И.Ф.Пантелеева, Н.А.Селиванова. – М., 1984; Основы криминалистики: Учебник /Под ред. И.Ф.Пантелеева. – М., 1984.

² См.: Криминалистика: Учебник. – М., 1986. – С. 351.

полнения рукописного текста и т.д.¹

Иными словами, следственной практикой и наукой криминалистикой накоплен достаточный эмпирический материал, который и позволил разработать криминалистическую теорию о временных связях и отношениях, в которой заложены основы использования информации о временных характеристиках преступной деятельности при организации процесса ее выявления, раскрытия и расследования.²

В криминалистической теории о временных связях и отношениях достаточно обстоятельно обобщен имеющийся эмпирический материал, накопленный в процессе расследования преступлений, предложены стандартные понятия, позволяющие однозначно понимать те или иные свойства времени, систематизированы временные характеристики, обоснована необходимость принципиально нового подхода к пониманию роли и значения временных связей и отношений в деятельности следователя, эксперта, защитника, судьи. Таким образом, в криминалистике появилась новая криминалистическая теория, построенная в полном соответствии с традициями, сложившимися в криминалистике. В частности, подобный механизм создания частной криминалистической теории описан в фундаментальной работе А.А.Эксархопуло.³

Признавая жизненную необходимость создания этой криминалистической теории, следует обратить внимание на тот аспект, что изначально круг задач, которые должна помочь разрешить данная теория, был необоснованно сужен. Так, по мнению В.М.Мешкова, задачами данной теории являются следующие:

¹ См., например: Агинский В.П. Определение давности выстрела с помощью инструментальных методов. Заключительный отчет. – М., ГУ «ЭКЦ» МВД России, 2002; Моисеева Т.Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. – М., 2000; Короленко Л.И., Соболев А.В., Чебышев В.А. и др. Установление давности выполнения рукописных текстов методом химико-спектрального анализа /Экспертная практика и новые методы исследования. Информационный сборник. – М., 1993. вып.8.

² См.: Белкин Р.С. Криминалистика. – М., 2001. – С. 536; Мешков В.М. Криминалистическая теория о временных связях. – Калининград, 1999. – 160 с.

³ См.: Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. - СПб., 1992. - С. 43-57

1. Системное изучение феномена времени, его проявлений в криминальных событиях и в ходе деятельности по выявлению и раскрытию преступлений.
2. Выявление гносеологических особенностей проявления феномена времени, его основных свойств и разработка на их основании криминалистически значимых понятий, характеризующих течение во времени преступной деятельности.
3. Раскрытие закономерностей отражения времени различными объектами объективного мира, вовлекаемых в сферы деятельности совершения и раскрытия преступлений, степень влияния объективных и субъективных факторов на отражательную способность различных объектов применительно к различным видам преступлений.
4. Разработка на основе этих сведений теоретических и тактических основ деятельности следователя по изучению источников информации, могущих нести сведения о времени, в ходе отдельных следственных действий. В частности, при изучении материальных следов в ходе осмотра места происшествия, обыска, следственного эксперимента, при общении с очевидцами деяния в ходе допроса, очной ставки и т.п.
5. Анализ полученных в ходе отдельных следственных действий сведений о времени, рациональная их оценка лицом, производящим расследование и использование результатов этого анализа с целью ускорения и действенности оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, сужения круга заподозренных лиц, эффективности последующих следственных действий, разоблачения ложных сведений, сообщаемых отдельными участниками процесса расследования, обнаружения инсценировки преступления и т.п.
6. Разработка современных понятийных и содержательных характеристик основных свойств времени, используемых в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, определение их роли и значимости, их взаимосвязи, влияние на получение достоверного результата при осуществлении предвари-

тельного следствия.¹

Представляется, что данная криминалистическая теория должна включать в себя разделы о деятельности не только следователя при выполнении отдельных следственных действий, но и разделы о деятельности других субъектов, тем или иным образом вовлеченных в процесс доказывания по уголовному делу (сотрудник органа дознания, защитник, прокурор, судья и т.п.). Для каждого из перечисленных субъектов должны быть разработаны соответствующие разделы криминалистической теории о времени, которые позволяют ему в полной мере участвовать в процедуре предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела. Эти рекомендации не могут быть одинаковы для всех, поскольку их деятельность в некоторых аспектах не только не совпадает, но и находится в определенных противоречиях. Так, под этим углом зрения можно рассматривать деятельность следователя и защитника. Первый обязан качественно расследовать уголовное дело и установить по нему истину. Второй же имеет более узкие задачи, и в первую очередь, обеспечить надлежащую защиту интересов своего клиента. Установление истины по делу не является для защитника главной целью, хотя он может и стремиться к ее достижению. Главное для него – защита своего клиента (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и др.). Поэтому и криминалистические рекомендации по использованию фактора времени и должны быть различными для стороны обвинения и стороны защиты. В этом видятся недостатки криминалистической теории о временных связях и отношениях при расследовании преступлений, предложенной В.М. Мешковым.

Частная криминалистическая теория о временных связях и отношениях помимо общетеоретического значения в определенной степени содействует борьбе с преступностью. В частности, при выдвижении версий в первую оче-

¹ См.: Мешков В.М. Указ. работа. – С.54.

редь проверяются те из них, которые основаны на временном анализе деятельности как заподозренных лиц, так и потерпевших от насильственных преступлений.

В данной криминалистической теории предложены основные термины, позволяющие описывать различные временные характеристики преступной деятельности как в научных исследованиях, так и в следственной практике: момент времени, временной интервал и временные отношения.

Так, *момент времени* характеризует нахождение в пространстве объекта, либо степень его изменения. Момент времени может отражать как начало или окончание какого-либо взаимодействия, так и любой другой фиксированный момент в ходе такого взаимодействия. Например, момент возникновения опасной ситуации на проезжей части дороги, момент первоначального контакта между автомобилем и пострадавшим, моменты последующих контактов и момент выхода из соприкосновения. Точная фиксация этих моментов создает предпосылки для определения всего интересующего следователя временного интервала, в течение которого произошло дорожно-транспортное происшествие, поскольку временной интервал можно вычислить лишь имея в наличии информацию о двух моментах времени, характеризующих начало и окончание события.

Помимо установления длительности события, интересующего следователя, моменты времени позволяют вычислить и последовательность процессов и явлений, например, определить последовательность образования телесных повреждений на теле потерпевшего в результате наезда на пешехода. Следственной практикой накоплен солидный эмпирический материал, свидетельствующий о том, что при наезде на пешехода, перебежавшего проезжую часть дороги перед транспортным средством, когда не имеется очевидцев, установить механизм происшествия возможно лишь основываясь на временном анализе последовательности причинения телесных повреждений потерпевшему, которые, как правило, образуются в следующей последовательности.

1. Перелом лучевой кости, кровоизлияния в мягких тканях наружной поверхности голени, которые образуются в результате первичного контакта бампера автомобиля с нижними конечностями пешехода.
2. Тупая закрытая черепно-мозговая травма вследствие удара о лобовое стекло автомобиля.
3. Образование отдельных ссадин на теле при падении пострадавшего на дорогу и скольжении по ее покрытию.

Момент времени является исходной точкой отсчета при определении процессов развития события во времени, его длительности и последовательности. Таким моментом может быть, по мнению Р.С. Белкина, "момент, когда произошли изменения в обстановке места происшествия, связанные с действиями преступника, момент, когда были оставлены следы, причинены телесные повреждения потерпевшему и другие ориентиры"¹.

Следующее понятие криминалистической теории о временных связях и отношениях – это **временной интервал**, который характеризует длительность какого-либо события (например, длительность нахождения пешехода перед дорожно-транспортным происшествием в опасной для дорожного движения зоне). Иными словами, временной интервал - это отрезок времени, отражающий одно из свойств времени - длительность движения, развития события между двумя моментами времени (точками отсчета).

Понятие "временной интервал" имеет некоторое сходство с понятием "скорость" - как характеристики движения точки (тела), численно равная при равномерном движении отношению пройденного пути к промежутку времени². Однако это не однозначные понятия. Термин "скорость", в основном, используют для характеристики изменения течения во времени каких-либо явлений, процессов. Временной интервал охватывает весь период этого изменения, независимо от его скоростных характеристик.

¹ Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. - М., 1966. - С. 183

² См.: Советский энциклопедический словарь. - М., 1990. - С. 1232

Для характеристики последовательности течения событий в рассматриваемой криминалистической теории предложен термин **«временные отношения»**, при помощи которого характеризуют события с позиции их последовательности, взаимосвязи, то есть хронологию их возникновения, развития и исчезновения. Применительно к расследованию преступлений это может быть последовательность нанесения перекрещивающихся штрихов в тексте, следов транспорта на проезжей части дороги, телесных повреждений на теле потерпевшего и т.п. Временные отношения характеризуют как определенную очередность процессов, так и процессы, происходящие параллельно, независимо друг от друга. Поэтому принято выделять два типа связи во времени: синхроническую и полихроническую.

Синхроническая связь явлений присуща отношениям сосуществования, когда изучаемые процессы не связаны друг с другом и проистекали независимо друг от друга. При наличии отношений сосуществования исключаются причинно-следственные отношения между независимыми процессами. При этом проистекающие в одно и то же время события, не могут быть связанными отношениями причинности, хотя могут совпадать и во времени и в пространстве. Каждое такое событие имеет свою причину и вызовет свои последствия.

Полихроническая связь во времени типична для причинно-следственного развития событий. Время является атрибутом при определении причинности. Причинность в философии определяется как генетическая связь явлений, в которой одно явление, называемое причиной, при наличии определенных условий неизбежно приводит, порождает, вызывает к жизни другое явление, называемое следствием (или действием)¹.

В ряде статей Уголовного кодекса России предусмотрена ответственность только в случае наступления каких-либо последствий, т.е. следователь обязан

¹ См.: Кузнецов И.В. Категории причинности и ее познавательное значение /Теория познания и современная наука. - М., 1967. - С. 3

установить причинно-следственную связь между действиями (бездействием) конкретного субъекта и наступившими последствиями. Следственная практика свидетельствует, что подобную связь можно установить только основываясь на временном анализе между действиями (бездействием) и наступившими последствиями. Проще говоря, действия всегда предшествуют во времени наступившим последствиям. Именно поэтому знание следователем временных характеристик расследуемого события нередко является залогом успешного расследования преступления в целом. Чтобы доказать взаимосвязь между действиями и последствиями зачастую исследует не одно какое-либо действие, а несколько разнообразных действий, сопоставляя их результаты с наступившими последствиями. Чем больше будет доказано таких рядовых отношений, тем более обоснованным будет и вывод о наличии причинно-следственной связи. Р.С. Белкин подобные доказательственные ряды называет временной, хронологической или пространственно-хронологической связью, когда налицо совпадение и в пространстве, и во времени¹.

Различие между синхронической и полихронической связями очень существенно. Общеизвестно, что если факты причинно связаны между собой, то между ними должны быть строго определенные причинно-следственные отношения. Наоборот, при известных отношениях сосуществования во времени между событиями можно лишь допускать отношения попутности во времени.

Следователь, доказывая причинно-следственные связи между действиями конкретного субъекта и наступившими последствиями, оперирует не только временными отношениями, но и другими атрибутами события, позволяющими установить закономерности между действиями и последствиями. Применительно к сфере предварительного расследования убийства такими атрибутами могут быть не только возможность совершения убийства, исходя из временных характеристик события, но и наличие мотива в причинении смер-

¹ См.: Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. - М., 1966. - С. 77.

ти, наличие соответствующих орудий убийства у нападавшего, его психологической готовности причинить смерть потерпевшему и т.п. Иными словами, наличие временной связи между действиями подозреваемого и наступившими последствиями в виде смерти пострадавшего, далеко не во всех случаях свидетельствует о причастности подозреваемого лица к убийству. Однако установление возможности совершения убийства, исходя из временных характеристик развития его механизма, позволяет более целенаправленно проверять причастность заподозренного лица к расследуемому деянию. Отсутствие возможности выполнить конкретные действия в целях лишения жизни потерпевшего у конкретного подозреваемого (так называемое алиби) исключает какую-либо ответственность за происшедшее.

Вышеизложенное позволяет разделить понятия «временные отношения» и «временные связи». Временные отношения являются основой для выявления временных связей. Временные отношения могут как подтверждать временные связи между действиями и последствиями, так и существовать самостоятельно, не подтверждая факт установления объективных связей между исследуемыми событиями. Нередко закономерный характер временных отношений между событиями проверяют при помощи выявления других доказательственных рядов, анализом других данных по делу (в частности, наличие или отсутствие умысла, наличие технической возможности совершить преступление и т.п.). При подтверждении новых доказательственных рядов следователь делает вывод о правильности своих расчетов, основанных на временном анализе расследуемого события.

В криминалистической теории о временных связях и отношениях обращено внимание на то обстоятельство, что среди ученых-криминалистов нет единого понимания относительно сущности терминов "временная связь" и "временные отношения". Так, М.Л. Мамотюк ставит между этими понятиями

фактически знак равенства, не отличая их друг от друга¹. М.Я.Сегай употребляет термин "временная связь" и справедливо считает, что отсутствие временной связи лишает следы каузально-причинного содержания как необходимого элемента относимости объективных связей к событию преступления². И.Д. Кучеров также рассматривает только временную связь, которая, по его мнению, характеризуется последовательностью, очередностью процессов, проистекающих в материальном мире, и последовательностью возникновения отражений этих процессов в объективной живой и неживой природе³.

Более точно относительно соотношения этих понятий высказался В.И. Шиканов, который отметил, что подчиненную роль играют временные отношения при отыскании временных связей⁴. Эту точку зрения, по существу, разделяют Ю.Д. Федоров⁵ и К.Е. Пятницын⁶.

Представляется более верным суждение В.М. Мешкова о том, что вся совокупность временных отношений (например, отношения случайного совпадения во времени, сосуществования во времени, отношения предшествования, сопутствующие, последующие, а также не связанные с каким-либо событием), являются основой, "кирпичиками", для определения той или иной связи между событиями, явлениями (в частности, синхронической или полихронической)⁷. Иными словами, без всестороннего анализа обнаруженных временных отношений между событиями (например, между действиями и последствиями), невозможно сделать однозначный вывод о наличии или отсутствии временной связи между ними, и в конечном счете - и о причинно-

¹ См.: Мамотюк М.Л. К вопросу о диагностике временных отношений в судебно-биологической экспертизе //Криминалистика и судебная экспертиза. - Киев, 1985. № 31. - С. 95-99.

² См.: Сегай М.Я. Методология судебной идентификации. - Киев, 1970. - С. 81.

³ См.: Кучеров И.Д. Соотношение тождества и различия. - Минск, 1968. - С. 48.

⁴ См.: Шиканов В.И. Указ. раб. - С. 34-40

⁵ См.: Федоров Ю.Д. Указ. раб. - С. 59-67.

⁶ См.: Пятницын К.Е. Анализ пространственно-временных отношений в процессе расследования /Криминалистические проблемы пространственно-временных факторов в методике расследования преступлений. - Иркутск, 1983. - С. 67-74.

⁷ См.: Мешков В.М. Указ. работа. - С. 68.

следственной связи, а следовательно и о наличии в действиях подозреваемого лица состава преступления.

Таким образом, в криминалистической теории о временных связях и отношениях сделан принципиальный вывод о том, что временные отношения являются более широким понятием, чем временные связи, поскольку включают в себя не только причинно-следственные отношения, но и отношения сосуществования. Помимо этого, временные связи основаны на генетических явлениях, для временных отношений это не свойственно. Временные отношения носят подчиненный по отношению к временным связям характер и являются основой для определения качества этих связей.

Следующим термином, который рассматривается в изучаемой криминалистической теории, является «*фактор времени*», под которым понимается обобщенная характеристика влияния течения времени на изменение объектов, событий, явлений. Она может касаться как длительности какого-либо события или его фазы, так и последовательности определенных периодов в развитии событий¹. Фактор времени не устанавливают, как перечисленные выше временные характеристики события. Его учитывают при уяснении сущности изучаемого события, при организации каких-либо розыскных мероприятий, при выборе тактических приемов производства следственного действия, при выборе методики расследования конкретного вида преступлений и т.п.

Помимо перечисленных терминов, в рассматриваемой работе обосновывается понятие «*следа времени*» как такое изменение в живой и неживой природе, вовлеченное в сферу деятельности субъекта по выявлению и раскрытию преступной деятельности, которое отражает момент времени, длительность и последовательность протекания определенных процессов, явлений или их фаз, периодов.

След времени - это не само изменение объекта, а лишь источник информации, который можно использовать в практических целях для точного уста-

¹ См.: Мешков В.М. Указ. работа. – С. 69.

новления какой-либо временной характеристики происшедшего события¹.

Таковы основные термины, изложенные в криминалистической теории о временных связях и отношениях, которые предложено использовать в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

Следует отметить, что данная криминалистическая теория была положительно воспринята криминалистами. Р.С. Белкин включил ее в систему частных криминалистических теорий, указав на ряд моментов, требующих дополнительного изучения. В частности, по мнению уважаемого профессора, криминалистический аспект времени должен включать характеристику процесса доказывания, процесса выявления, раскрытия и расследования преступления. Применительно к процессу доказывания криминалистический аспект времени означает:

1. Зафиксированные моменты времени обнаружения признаков совершенного преступления и принятия предписанных законом процессуальных решений (возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого, приостановления производства по делу или направления его в суд и т.п.).
2. Выдвижение версий о полихронических связях обстоятельств дела, о хронологии преступной деятельности.
3. Определение очередности и последовательности действий по выявлению, исследованию и фиксации наряду с другими следами и следов времени и содержащейся в них доказательственной информации.
4. Определение длительности и последовательности планируемых действий при составлении плана расследования уголовного дела.
5. Установление моментов времени в причинно-следственных связях с целью определения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений.²

Основы криминалистической теории о временных связях достаточно активно развиваются в кандидатских диссертациях, посвященных различным

¹ См.: Мешков В.М. Указ. работа. – С. 75.

² См.: Белкин Р.С. Криминалистика. – изд. 3-е дополненное. – М., 2001. – С. 536.

аспектам раскрытия и расследования преступлений. Так, Е.А.Логвинец исследовала вопросы использования судебной экспертизы в установлении временных связей, А.В.Чегодаев рассмотрел фактор времени применительно к расследованию квартирных краж, В.В.Лысенко осуществил исследование о собирании, проверке и оценке сведений о временных характеристиках при расследовании дорожно-транспортного преступления.¹

В настоящее время работа под криминалистической теорией о временных связях и отношениях продолжается, в основном, по направлениям, упомянутым Р.С. Белкиным, т.е. применительно к деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Так, для следователей, специализирующихся на расследовании дорожно-транспортных происшествий, подготовлено научно-практическое пособие, которое должно способствовать повышению эффективности расследования этого вида преступлений.²

Признавая несомненную значимость проводимой работы, следует отметить и то обстоятельство, что в перечисленных работах фактически не изучен вопрос о противодействии криминальной среды проведению предварительного расследования путем организации инсценировок и фальсификаций, направленных на искажение информации о временных характеристиках преступления. Отмечая существенное повышение профессионализма в действиях преступников, особенно участвующих в организованных группах, следует обратить внимание и на способы, направленные на создание у следователя ложных представлений о развитии механизма преступления во времени.

Нередко эту информацию искажают путем организации фальсификаций

¹ См.: Логвинец Е.А. Проблемные вопросы использования судебной экспертизы в установлении временных связей: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 2000. – 24 с.; Чегодаев А.В. Установление в процессе расследования времени совершения краж: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 2001. – 25 с.; Лысенко В.В. Собрание, проверка и оценка сведений о временных характеристиках дорожно-транспортного преступления: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 2002. – 26 с.

² См.: Лысенко В.В., Мешков В.М. Дорожно-транспортное преступление: уголовно-правовая и криминалистическая характеристики. Роль и значение фактора времени в расследовании: Научно-практическое пособие. – Калининград, 2002. – 61 с.

доказательственного ряда. При этом на первом этапе инсценируют обстановку на месте происшествия. На последующих этапах подготавливают доказательственную базу в виде ложных показаний о достоверности тех негативных изменений, которые следователь обнаружил при осмотре места происшествия. И в дальнейшем зачастую выдвигаются ложные алиби, которые, казалось бы, подтверждаются обстановкой, обнаруженной лично следователем в ходе следственного осмотра, а также показаниями свидетелей, якобы, лично наблюдавшими расследуемое событие. Так, нередко факты, когда на месте происшествия обнаруживаются предметы со следами пальцев рук того лица, которое никогда не было на этом месте. Это характерно для деятельности организованных преступных групп, члены которых заранее обсуждают вопросы, кому «брать на себя» вину в случае задержания. Поэтому на свободе остаются лидеры этих групп, а отбывают наказание ее рядовые члены, так называемые «бойцы».

Разоблачить подобные фальсификации без знания закономерностей образования доказательственных рядов, в том числе без знания закономерностей логических построений, основанных на необратимости течения времени, фактически невозможно.

§ 2. Мотивы и способы сокрытия преступлений. Инсценировка и фальсификация как разновидности сокрытия преступлений

Лицо, совершившее преступление, как правило, пытается избежать уголовной ответственности за совершенное. С этой целью преступники в абсолютном большинстве случаев скрываются с места происшествия, нередко даже покидают местность, где длительное время проживали; изменяют внешность; меняют документы; изменяют свои анкетные данные и т.д.

Одним из распространенных способов избежать уголовной ответственности, является сокрытие следов преступления, под которым в криминалистике понимается преступная деятельность, направленная на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника, либо их носителей.¹

Сокрытие преступлений может осуществляется путем утаивания сведений, ставших известными лицу, в результате чего следователь длительное время не располагает достоверной информацией о сущности происшедшего. Поэтому он вынужден после производства комплекса неотложных действий выдвигать и проверять большое количество версий о происшедшем, и в первую очередь, о лице, совершившем преступление.

Понятно, что основным фактором, побуждающим человека принимать меры к сокрытию преступления, является желание избежать разоблачение за содеянное. По мнению Р.С.Белкина, не последнее место в мотивах сокрытия преступления занимает страх перед наказанием, особенно при совершении таких преступлений, за которые грозит лишение свободы на длительный срок или даже исключительная мера наказания. Иногда преступником движет не только и даже, может быть, не столько страх перед наказанием, сколько стыд, боязнь позорящей огласки, как бывает при совершении преступлений против близких людей, сексуальных преступлений, сопряженных с половыми извращениями.²

¹ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: учебный словарь-справочник. – М., 1999. – С. 209.

² См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. Изд. 3-е. – М., 2001. – С. 772.

В современной России необходимо выделить еще один фактор, побуждающий к сокрытию преступления – это так называемая составная часть организованной преступной деятельности, когда членам организованной преступной группы (далее – ОПГ) после совершения преступления необходимо сохранить состав своей ОПГ, не допуская возможности привлечения к уголовной ответственности никого из ее членов. Как показывает уголовная статистика, особо бережного отношения к себе требуют лидеры ОПГ, которые даже участвуя в совершении преступления, как правило, не привлекаются к уголовной ответственности, т.к. уголовное наказание за них нередко несут рядовые члены ОПГ.

Для того, чтобы понимать, о чем идет речь, необходимо обозначить структуру и иерархию ОПГ. Признавая тот факт, что ОПГ могут иметь самую различную структуру и состоять из огромного числа членов, можно отметить, что фактически в любой ОПГ имеются следующие члены (или структуры):

1. Лидер (организатор) ОПГ, обладающий глубокими познаниями в той сфере деятельности, на которую направлены интересы криминального формирования. Лидер объединяет под своим руководством людей с разными характерами. Отличается твердостью в достижении цели. Имеет «покровителей» во властных и правоохранительных структурах. Обладает солидным капиталом.

2. Советники, консультанты – это хорошо осведомленные о положении дел в экономической сфере (если ОПГ функционирует в теневой экономике), в местах лишения свободы (при наличии «интересов» ОПГ в учреждениях, исполняющих наказания), знакомые с процессами и противоречиями, т.е. использующие свои знания, авторитет, связи и знакомства для решения криминальных вопросов.

3. Боевики – основной костяк которых составляет молодежь, бывшие спортсмены, не нашедшие себя в спорте после окончания спортивной карьеры; бывшие сотрудники специальных подразделений (десантники, спецназ).

В последние годы категория «боевиков» регулярно подпитывается безработной молодежью, поскольку именно эта категория наиболее часто привлекается к уголовной ответственности.¹

При подготовке к совершению преступления членами ОПГ, как правило, разрабатываются подробные планы, позволяющие избежать уголовной ответственности. С этой целью нередко лидеры ОПГ изучают криминалистическую литературу, пытаясь в своих целях использовать полученные сведения. Кроме того, на службе ОПГ нередко оказываются опытные адвокаты, готовые за соответствующие вознаграждение организовать как консультирование лидера ОПГ, так и прямое противодействие деятельности правоохранительных органов. Как отмечают в своих публикациях адвокаты, они в настоящее время не связаны никакими обязательствами при участии в расследовании преступлений. Они приветствуют, что из Уголовно-процессуального кодекса России исчезло требование установления истины по делу и считают, что главная задача адвоката-защитника – защита прав и интересов клиента.²

Основой основ деятельности ОПГ было и будет прикрытие своих лидеров боевиками. Это осуществляется в жилищах, на дорогах, в банях, ресторанах и иных местах, связанных с пребыванием лидера ОПГ. Это имеет место и в случаях, когда лидеру ОПГ грозит опасность быть привлеченным к уголовной ответственности за совершенное преступление. Поэтому ОПГ используется весь арсенал сокрытия преступлений, известный им из собственного опыта и из учебников криминалистики.

В.А.Овечкин способы сокрытия условно подразделил на две группы:

- способы, выступающие в форме воспрепятствования получению органами предварительного расследования информации о преступлении;

¹ См.: подробнее: Мешкова В.С. Криминалистическая характеристика организованной преступности и ее субъектов. – Калининград, 1998. – С. 22-23.

² См., напр.: Конин В.В. Профессиональная этика в деятельности адвоката //Федеральное законодательство об адвокатуре. Материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 164.

- способы, выступающие в форме воспрепятствования получения органами предварительного расследования информации о преступлении и выдачи вместо нее ложной информации.

К первой группе В.А.Овечкин отнес:

1) перемещение материальных источников информации о преступлении; 2) маскировку материальных источников информации о преступлении; 3) уничтожение материальных, а в некоторых случаях и идеальных источников информации о преступлении; 4) уклонение от явки в орган расследования; 5) отказ от дачи показаний; 6) недонесение.

Ко второй группе: 1) фальсификацию; 2) инсценировку; 3) заведомо ложное сообщение с целью сокрытия преступления; 4) заведомо ложное показание с целью сокрытия преступления.¹

По нашему мнению, эта классификация достаточно полно учитывает все ситуации, которые могут иметь место при расследовании преступлений. В частности, применительно к теме настоящей работы можно отметить, что сокрытие преступлений посредством утаивания и фальсификации информации о временных характеристиках преступления, как правило, имеет место в виде инсценировки или фальсификации, что нашло отражение в классификации, предложенной В.А.Овечкиным.

Информация при расследовании преступлений, как известно, может быть укрыта от следователя путем:

- 1) утаивания как самой информации, так и ее носителей;
- 2) уничтожения информации или ее носителей;
- 3) маскировки информации или ее носителей;
- 4) фальсификации информации или ее носителей;
- 5) возможны также и смешанные формы.²

Под *утаиванием* информации понимается оставление следователя в неведении относительно тех или иных обстоятельств расследуемого собы-

¹ См.: Овечкин В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. – Харьков, 1975. – С. 7.

² См. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Изд-е 3-е. – М., 2001. С. 768.

тия или источников для установления истины информации, что может быть осуществлено как в активной, так и в пассивной формах.

Пассивными способами утаивания является умолчание, недонесение, несообщение запрашиваемых сведений, отказ от дачи показаний, невыполнение требуемых действий. К числу активных способов утаивания относят сокрытие предмета посягательства, вещественных доказательств, денег и ценностей, нажитых преступным путем, иных объектов – источников информации, уклонение от явки в орган расследования. Применительно ко временным характеристикам преступления, утаивать можно путем инсценировки обстановки на месте происшествия, когда из поля зрения следователя, производящего осмотр, исчезает информация, свидетельствующая о времени совершения преступления (например, преступник забирает с собой часы, остановившиеся от удара, документ, на котором осталась дата его изготовления и пр.).

Под **уничтожением** понимается как уничтожение самой доказательственной информации, так и ее носителей. В частности, преступники нередко уничтожают материальные следы преступления (путем сжигания автомобилей, сбрасывания оружия в водоемы), и также идеальные источники (путем убийства очевидцев). Источники, несущие временную информацию, также могут быть уничтожены как во время уничтожения материальных объектов, так и в во время убийства случайных (или неслучайных) очевидцев.

Под **маскировкой** понимается факт изменения представления о способе совершения преступления, о личности преступника. С этой целью объекты могут перемещаться, внешний вид преступника – изменяться, преступные действия, например, по взлому жилища – маскироваться под ремонтные работы и т.д.

Под **фальсификацией** понимается подделка истинной информации либо полностью либо с частичными включениями ложных сведений. С целью уничтожения информации о времени также можно фальсифицировать и

следы преступления и фальсифицировать показания лица, которому якобы известно обо всех обстоятельствах происшествия.

Различают следующие формы фальсификации:

- заведомо ложное показание;
- заведомо ложные заявления, сообщения, донос;
- создание ложных следов и иных вещественных доказательств;
- полная или частичная подделка документов;
- подмена, дублирование объектов;
- частичное уничтожение объекта с целью изменения его внешнего вида, фальсификации назначения и т.д.

Рассмотрев все возможные способы сокрытия преступления, можно сделать вывод о том, что наиболее полно создать ложное впечатление о временных характеристиках преступления у следователя можно двумя путями:

- путем инсценировки на месте преступления (то есть воздействовать на материальные объекты);
- путем фальсификации доказательств, при которой воздействие распространяется как на материальную обстановку, так и на идеальные следы.

Существуют различные способы инсценировки и фальсификации информации относительно развития события во времени, среди которых особое место занимает *алиби*, не вошедшее в классификацию, предложенную В.А.Овечкиным. По нашему мнению, такой подход не совсем оправдан, поскольку алиби является уникальным способом повлиять на принятие следователем решения о привлечении заподозренного субъекта к уголовной ответственности.

Термин *алиби* известен российскому законодательству с давних пор. В XIX веке его именовали как *инобытность* и к его доказыванию относились со всей серьезностью. Установление алиби позволяло как доказать истинную невиновность человека (в случае действительного, истинного алиби), так и ввести следователя в заблуждение, и позволить виновному субъекту

екту избежать уголовной ответственности (если было заявлено ложное алиби), не разоблаченное следователем.

Под термином *алиби* в Энциклопедическом юридическом словаре понимается нахождение обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте как доказательство невиновности. Такое алиби называется объективным. Наряду с объективным, иногда готовят о так называемом субъективном алиби, как невозможности совершения обвиняемым преступления в силу психологических или иных субъективных особенностей его личности¹.

Проверка алиби немыслима без изучения всех элементов криминалистического аспекта времени. Распространенность алиби и в настоящее время достаточно высока. В следственной практике никаких сведений о количестве истинных алиби не имеется. Да их и не может быть, поскольку, если на первоначальном этапе расследования лицо заявляет о своем алиби и его заявление находит подтверждение, то естественно, ни о какой уголовной ответственности речь не может идти и ни в какие статистические отчеты никогда не попадет цифра, например, о том, у скольких человек оказалось алиби при раскрытии убийства. На первоначальном этапе раскрытия и расследования убийства, как правило, проверяются десятки или сотни человек, и наличие у каждого из них алиби ни в какие статистические отчеты не попадает.

Другое дело – заявление ложного алиби. И количество, и сущность такого алиби возможно проследить при изучении уголовных дел, по которым вынесены приговоры. Для обеспечения себя алиби, виновное лицо нередко использует два варианта:

- для подтверждения заявленного ложного алиби виновный склоняет своих близких, знакомых людей к даче заведомо ложных показаний о том, что в период совершения преступления он находился вместе с ними, но отнюдь не на месте происшествия. По данным В. Мешкова, в 20 % подтверждают ложные алиби умышленно;

¹ См.: Энциклопедический юридический словарь. – 2-е изд. – М., 1998. – С.19.

- нередко для подтверждения ложного алиби виновное лицо использует добросовестное заблуждение своих знакомых, которое зачастую сам и создает (например, путем демонстрации такому лицу часов, стрелки которых умышленно сдвинуты таким образом, что показывают неверное время). Таких случаев, судя по данным В. Мешкова, несколько больше – 22,5 %.¹

Для проверки алиби главное значение имеет установление временной связи между времяпрепровождением заподозренного лица и временем совершения преступления. Временная связь не может быть двужанной, она всегда однозначна, также однозначна, как однозначно течение времени. Поэтому в случае подтверждения алиби, то есть при доказанности, что заподозренное лицо в момент нанесения ударов, допустим при убийстве, находилось в другом месте, следователь обязан выдвинуть другую версию и организовать поиск другого преступника, как бы не завлекательна ни была первая версия.

Проблема алиби достаточно сложна и многоаспектна, требует отдельного изучения, и в рамках настоящей работы не может быть рассмотрена полностью.

Подводя короткий итог изложенному в параграфе, следует отметить, что способов сокрытия преступления существует достаточно много. С этой целью скрывают следы преступления, в том числе труп, орудия преступления, ценности, полученные в результате преступления, искажают информацию о сущности происшедшего (что имеет место при совершении преступления в сфере экономики) и т.п. Помимо этого, преступление можно скрыть, изменяя, утаивая, скрывая или фальсифицируя сведения об его временных характеристиках, временных связях и отношениях. Достигается это, в основном, тремя способами:

¹ См.: Мешков В.М. Установление временных характеристик при расследовании преступлений. – Нижний Новгород, 1993. - С. 15.

- путем инсценировки материальной обстановки, в результате чего следователь на основании изучения следов на месте происшествия, делает неверные выводы относительно времени совершения преступления;

- путем утаивания информации о временных характеристиках преступления или путем дачи ложной информации о развитии события во времени;

- путем фальсификации сведений о времени, которая носит комплексный характер, поскольку заинтересованное лицо использует как инсценированную обстановку на месте происшествия, так и представляет следователю фальсифицированную информацию о времени в ходе допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, следственном эксперименте.

Каждый из перечисленных способов передачи неверной информации о времени преступления имеет свои особенности, которые будут рассмотрены ниже.

§ 3. Инсценировка временных характеристик преступления как способ оказания противодействия деятельности следователя

В последние годы преступность приобрела качественные изменения. Как верно отмечено в специальной литературе, преступления нередко умышленно маскируют, скрывают, рассчитывая ввести следователя в заблуждение.¹ Одним из наиболее распространенных способов маскировки следов преступления является инсценировка. Согласно словарю русского языка, одно из значений этого термина состоит в притворном изображении чего-нибудь.² Применительно к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений инсценировка – это создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию.³ Инсценировка может быть направлена на сокрытие преступления в целом, так и на сокрытие отдельных деталей или элементов преступления, в частности, на сокрытие временных характеристик деяния. Цель таких инсценировок состоит в искажении «времясодержащих» признаков обстановки, которые наиболее часто изучаются при осмотре места происшествия.

Можно вполне обоснованно предположить, что по мере нарастания профессионализма преступного мира следователи при осмотре места происшествия все чаще будут сталкиваться с негативными обстоятельствами, вызванными умышленными действиями заинтересованных лиц в искажении обстановки места происшествия, в том числе и в искажении тех свойств и признаков объектов, которые несут в себе потенциальную информацию о времени события преступления. С этой целью на место происшествия нередко подбрасываются какие-либо письменные документы с фальсифицированными датами, оставляются предметы, изменения на которых не соответствуют времени совершения преступления (в криминалистической литературе одним из самых

¹ См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996. – С. 181.

² См.: Словарь русского языка. – М., 1970. – С. 245.

³ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000. – С. 82.

распространенных примеров подобных действий было обнаружение замка с перепиленными дужками, след распила которых был покрыт слоем ржавчины), подбрасываются предметы, на которых оставлены следы рук лиц, не причастных к совершению преступления, но на которых преступник хотел бы «бросить тень». Нередко на месте происшествия оказывается стакан со следами пальцев рук того человека, кого заинтересованные лица желали бы видеть в качестве подозреваемого по уголовному делу. Если этот человек в день события преступления находился в состоянии алкогольного опьянения, то ознакомившись с заключением дактилоскопической экспертизы, вероятнее всего признал бы себя виновным по делу.

Подобные факты несоответствия материальной обстановки реальному развитию преступления в криминалистической литературе называются негативными, а обнаружение комплекса таких признаков косвенно свидетельствует об инсценировке места происшествия. В криминалистической литературе отмечены два вида так называемых «негативных обстоятельств». Первый из них характеризуется отсутствием следов, которые должны быть (например, отсутствие следов на почве у того места, через которое, как предполагается, преступники проникли в магазин). Второй отражает наличие следов, которые не должны быть (например, следы применения орудия взлома изнутри помещения при общей картине проникновения преступников в охраняемое помещение извне).¹

Инсценировка представляет собой своеобразную модель инсценируемого события, т.к. она никогда не может полностью совпадать с инсценируемым событием по своему содержанию. Любая инсценировка лишь в большей или меньшей степени совпадает с объектом подражания.² По мнению Г.Н.Мудьюгина, инсценировка – это создание преступником ряда искусственных доказа-

¹ См.: Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. – М., 1981. – С. 38.

² См.: подробнее: Ханин В.Ф., Ханина Н.В. Выявление признаков инсценировки при производстве следственных действий //Вестник Калининградского ЮИ МВД России. № 4. – Калининград, 2003. – С. 15.

тельств, в своей совокупности образующих обстановку, характерную для определенного события.¹

Продолжая это суждение, можно сделать вывод о том, что инсценировка в целом представляет собой один из элементов, способов сокрытия преступления, под которыми Р.С.Белкин понимает деятельность (элемент преступной деятельности), направленной на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника и их носителей².

Один из основных разработчиков учения о способах сокрытия преступлений В.А.Овечкин условно разделил эти способы на две группы:

- а) способы, выступающие в форме воспрепятствования получению органами предварительного расследования информации о преступлении;
- б) способы, выступающие в форме воспрепятствования получению органами предварительного расследования информации о преступлении и выдачи вместо нее ложной информации.³ При этом инсценировки В.А.Овечкин отнес ко второй группе способов сокрытия преступления.

Инсценируют обстановку на месте происшествия с различными целями. В 80-х годах XX века считалось, что таким образом действуют преступники, имеющие близкое отношение к потерпевшему, которых А.Н.Васильев по отношению к убитому назвал «своими». Они с целью сокрытия преступления производили поджог, «бесцельно» уничтожали имущество, в конечном счете имея цель получить наследство, страховую сумму, занять освободившуюся жилплощадь, избавиться от уплаты алиментов или долга и т.п.⁴ В настоящее время к инсценировке на месте происшествия нередко прибегают лидеры ор-

¹ См.: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. – М., 1974. – С. 4.

² См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 2001. – С. 767.

³ См. подробнее: Овечкин В.А. Расследование преступлений, скрытых инсценировками. – Харьков, 1979. – 64 с.

⁴ См.: Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М., 2002. – С. 40

ганизованных преступных групп с целью не только избежать уголовной ответственности за совершенное преступление, но и убедить следователя, который должен осматривать это место в том, что преступление было совершено, например, членами конкурирующей группировки.

Содержательную сторону активных действий по сокрытию следов преступления, в том числе охватывающих способы инсценировки, раскрыл Р.С. Белкин.¹ Применительно к сокрытию информации о времени на месте происшествия или обыска такими действиями могут быть:

- уничтожение либо следов преступления, либо следов преступника, которое может быть как полным, так и частичным;
- маскировка, которая преследует цель изменения представлений о способе совершения преступления, личности виновного, назначения объектов. В качестве такого способа могут быть сокрытие следов обуви, следов рук на объектах, которые были вовлечены в преступную деятельность;
- фальсификация – то есть создание ложной информации в виде ложных следов, подделки документов, изменения внешнего вида объектов. Примером фальсификации может служить факт подбрасывания на место происшествия стакана со следами пальцев рук человека, не присутствовавшего на нем.

Нам представляется, что для глубины исследования целесообразно рассмотреть два аспекта, характеризующих деятельность по сокрытию преступления:

- инсценировку «времясодержащих» признаков преступления на материальных объектах, которые, в основном, локализуются на месте преступления и на месте производства обыска;
- фальсификацию сведений о временных характеристиках преступления, которую заинтересованные лица осуществляют во время вербальных следст-

¹ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 2001. – С. 768.

венных действий, нередко используя и предварительную инсценировку на месте преступления (о ней речь пойдет в следующем параграфе).

В криминалистической литературе проведен ряд исследований об инсценировке преступлений, однако комплексных исследований о признаках инсценировки, направленной на создание ложных представлений о времени события преступления, не проводилось. Однако данная проблема требует всестороннего и комплексного исследования. Так, по мнению сотрудников органов внутренних дел, принявших участие в настоящем исследовании, они достаточно часто сталкиваются с различными инсценировками на местности, направленными на создание ложных представлений о механизме развития преступлений во времени.

Некоторые аспекты этой проблемы были освещены в фундаментальной работе Г.Н.Мудьюгина, который исследовал проблемы инсценировки, возникающие в ходе расследования убийств. Значительная часть из них касалась временных характеристик убийства, совершенного разными способами: путем утопления, нанесения телесных повреждений острым предметом, замаскированных поджогами и т.д. Так, по сведениям Г.Н.Мудьюгина, в ряде случаев при вскрытии трупов, обнаруженных в водоемах, выясняется, что смерть погибшего наступила еще до попадания тела в воду и, как правило, носила насильственный характер. В таких условиях чаще всего оказывается, что потерпевший был убит, а его труп брошен в воду. Поэтому при установлении факта наступления насильственной смерти Г.Н.Мудьюгин рекомендует немедленно возбудить уголовное дело.¹

В указанной работе совершенно справедливо отмечено, что вывод о временных характеристиках убийства при осмотре места происшествия делают на основании оценки как окружающей обстановки, так и определения време-

¹ См.: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. – М., 1973. – С. 34.

ни наступления смерти.¹ Чтобы обеспечить судебно-медицинскому эксперту возможность более точно определить давности наступления смерти, Г.Н.Мудьюгин рекомендует следователю самым подробным образом зафиксировать в ходе осмотра все трупные явления, в частности, определить степень охлаждения различных частей трупа на ощупь и измерить его температуру в подмышечных впадинах и прямой кишке. Необходимо также измерить и зафиксировать в протоколе осмотра температуру окружающей среды (воздуха, воды, земли и т.п.). Помимо этого определяется наличие или отсутствие окоченения и степень его выраженности в нижней челюсти, верхних и нижних конечностях. Отмечается расположение, степень выраженности и окраска трупных пятен, их побледнение и скорость восстановления окраски при давлении на кожу пальцем.²

В последнее время исследования по проблемам инсценировок проводились рядом криминалистов, в частности, В.И.Фадеевым, который рассмотрел криминалистическую сущность инсценировки события преступления, классифицировал криминальные инсценировки, выделил наиболее значимые признаки инсценировок и т.п.³

Однако в данной работе проблемы инсценировок временных характеристик рассмотрены совместно с другими видами инсценировок, что не позволило автору детально изучить проблему инсценировок, связанных с временными параметрами расследуемого события. Вместе с тем, В.И.Фадеев выделил из всего многообразия инсценировок такие, которые осуществлялись для маскировки времени совершения преступления.⁴

Следственной практикой накоплен достаточно обширный эмпирический материал, позволяющий устанавливать время наступления смерти в условиях,

¹ См.: Мудьюгин Г.Н. Указ. работа. – С. 39.

² См.: Мудьюгин Г.Н. Указ. Работа. – С. 39-40.

³ См.: Фадеев В.И. Расследование инсценировок преступных событий: Автореферат дис....к.ю.н. – Воронеж, 1998. – 23 с.

⁴ См.: Фадеев В.И. Указ. работа. – С. 9

вызванных инсценировкой на месте происшествия и дачи ложных показаний очевидцами о времени наступления смерти. Для этой цели судебными медиками разработана специальная карта, в которой фиксируется множество признаков наступления смерти, которые основаны на объективной оценке состояния трупа. В частности в такой карте находят отражение следующие признаки:

1. Признак Белоглазова.
2. Пятна Лярше.
3. Температура на ощупь.
4. Трупное окоченение.
5. Реакция скелетных мышц в динамике.
6. Высыхание кожи и слизистых.
7. Трупная зелень.
8. Гнизостная венозная сеть.
9. Гнилостная эмфизема.
10. Гнилостные пузыри.
11. Отделение эпидермиса.
12. Признаки яйцекладки, личинки.
13. Консервирующие формы трупных явлений.¹

Вместе с тем, как бы подробно не были зафиксированы признаки, свидетельствующие о времени наступления смерти, окончательный вывод делает судебно-медицинский эксперт в ходе производства соответствующей экспертизы. Понятно, что окончательную оценку выводам, содержащимся в заключении эксперта, делает судья, который учитывает множество факторов, нашедших отражение в протоколах следственных действий, в том числе в протоколе осмотра, в заключениях судебных экспертиз, а также в иных процессу-

¹ См.: Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях. – Калининград, 1999. – С. 86-87.

альных документах (например, в постановлении о прекращении уголовного дела в отношении одного из участников преступления).

Однако в ряду других процессуальных документов заключение эксперта имеет ряд признаков, выделяющих его из числа других доказательств по делу. В первую очередь это обусловлено тем фактом, что судебную экспертизу производит высококвалифицированный специалист, вооруженный современными методиками определения времени наступления смерти. В частности, специалист в области судебной медицины в состоянии дать ответы на следующие вопросы, связанные с временными характеристиками жизни и смерти погибшего:

1. Как давно перед наступлением смерти потерпевший употреблял пищу или алкогольные напитки?
2. Имеется ли на теле потерпевшего следы ранее полученных телесных повреждений? Если да, то как давно они были нанесены?
3. Какова последовательность нанесения ударов во время преступного посяательства?
4. Каков временной интервал между временем нанесения телесных повреждений и временем наступления смерти?
5. Все ли повреждения на трупе причинены в одно и то же время? Нет ли среди них посмертных?
6. Как давно труп находился в воде? Попал ли Н. в воду живым или был сброшен в воду уже мертвым?
7. Как давно Н. находился в очаге пожара? Когда наступила его смерть – до пожара или во время него?
8. Каков возраст погибшего?

При даче ответа на вопрос о времени наступления смерти эксперт должен учитывать и ряд негативных факторов, вызванных инсценировками на месте происшествия. Например, существенное влияние на точность заключения эксперта оказывает факт перемещения трупа с места убийства до места его

обнаружения. При этом эксперт обязан учитывать не только изменение позы трупа (которое, в частности, изменяет направление движения крови, в результате чего изменяется характер и расположение трупных пятен), но и окружающей среды (допустим, убийство произошло на воздухе, но впоследствии труп был сброшен в воду, в результате чего явных признаков утопления в виде попадания воды в дыхательные пути при вскрытии трупа не будет обнаружено).

Понятно, что, исследуя труп, обнаруженный в условиях инсценировки на месте, эксперт должен учитывать и те обстоятельства, которые стали известны следователю при производстве других следственных и розыскных действий. В частности, эксперт имеет право для дачи заключения запрашивать дополнительные материалы, например, протокол осмотра места происшествия. Такая практика существует в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и нередко следователь составляет протокол осмотра места происшествия в двух экземплярах, используя копировальную бумагу. В таком протоколе, в частности, отражаются следы волочения как на самом трупе и его одежде, так и на окружающих предметах; следы доставления трупа на место происшествия при помощи автомобиля; несоответствие телесных повреждений, обнаруженных на трупе, обстановке на месте его обнаружения (например, отсутствие обильных следов крови вокруг трупа при наличии повреждения крупной артерии); несовпадение следов на месте и повреждений на трупе (преступник, имитирующий обстановку убийства под несчастный случай нередко изображает ее в зеркальном виде, перепутав правую и левую стороны) и т.д.

Знание перечисленных и иных обстоятельств расследуемого события позволяет эксперту давать более аргументированные и категоричные заключения. При необходимости эксперт вправе ходатайствовать о производстве следственного эксперимента, позволяющего уточнить механизм нанесения

телесных повреждений и их последовательность, т.е. решить вопрос о временных характеристиках их нанесения.

Так, при расследовании факта смерти гр-ки К., которая якобы покончила жизнь самоубийством, обстановка, казалось бы, соответствовала первичной версии. Труп был обнаружен в комнате, окна которой были закрыты на шпингалеты, дверь – на внутренний крючок, а на столе – предсмертная записка. Факторы, вызвавшие сомнение следователя в самоубийстве, были связаны как со временем нанесения телесных повреждений (странгуляционная борозда оказалась посмертного происхождения), так и со временем выполнения текста записки, который оказался выцветшим, а по месту перегиба даже вытертым. В ходе следственного эксперимента следователь убедился, что обстановка на месте обнаружения трупа была инсценирована, а на самом деле произошло убийство.¹

В ряде случаев только привлекая к исследованию объектов материальной обстановки, имеющих отношение к расследуемому событию специалиста, следователь в конечном счете приходит к убеждению, что на месте происшествия имеют место так называемые «негативные обстоятельства», которые противоречат типичному механизму совершения преступления и картине типичных следов, которые характерны для совершения конкретного преступления. В.И.Фадеев называет это явление «дефектностью механизма следообразования», которая обусловлена рядом объективных и субъективных факторов. По его мнению, к объективным факторам относятся:

- невозможность искусственного создания следов преступления, полностью совпадающих по общим и частным признакам со следами реального преступления;
- невозможность возникновения в такой ситуации следов преступников, которые однозначно бы свидетельствовали о совершении преступления

¹ См.: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. – М., 1973. – С. 54-55.

именно этими лицами (речь идет, прежде всего, о следах биологического происхождения, микроследах).¹

Соглашаясь по существу с мнением В.И.Фадеева, следует отметить, что в цитируемой работе не нашла отражения целая группа факторов, оказывающая существенное влияние на расследование дела, по которому зафиксирована инсценировка. Речь идет о подготовленности следователя к восприятию признаков инсценировки, и к критической оценке воспринятого. Иными словами, следователь лишь тогда воспримет негативные обстоятельства, обнаруженные при осмотре места происшествия, когда он обладает достаточными знаниями и опытом, позволяющие ему критически оценивать все воспринятые следы происшедшего события, предполагать о наличии среди них таких следов, которые не отражают механизм преступления, а фиксируют те изменения действительности, которые были произведены позже, с целью сокрытия следов преступления. следователь в состоянии воспринять лишь те следы, к наличию которых он внутренне готов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что успешность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений зависит не только от умений преступника инсценировать картину деяния, но и от умений следователя определять объективные и субъективные факторы, которые повлияли на появление тех или иных признаков инсценировки. Приобрести необходимые знания, умения и навыки, как справедливо отмечено в криминалистической литературе, невозможно без соответствующей подготовки следователя. Следы преступления не лгут, однако это не исключает их неверной оценки. Ошибка в большинстве случаев кроется не в следах, а в субъекте доказывания, делающего неверные выводы из оценки этих следов.²

¹ См.: Фадеев В.И. Указ. работа. – С. 15.

² См.: Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях. – Калининград, 1999. – С. 113.

Более того, тенденции развития преступности на современном этапе свидетельствуют о том, что событие преступления нередко заканчивается совершением конкретных действий, результаты которых обнаружены при осмотре места происшествия. Преступники, предполагая участие следователя в следственном осмотре, нередко рефлексировать его действия, предполагая возможные суждения следователя относительно обнаруженных следов. Так, обычно следы пальцев рук на предметах, находящихся на месте происшествия, интерпретируются следователем как следы пальцев рук преступника. Зная это, опытный преступник нередко подбрасывает соответствующие предметы (бутылки, стаканы и т.п.) со следами рук других лиц. В специальной литературе в этих ситуациях рекомендуют противопоставлять прием дизъюнкции («или-или») – версия-контрверсия. Он состоит в том, что следователь с одинаковой тщательностью ищет признаки, как подтверждающие, так и отрицающие выдвинутые им версии.¹

Для успешного разоблачения инсценировки на месте происшествия необходимо вооружить следователя знаниями как о механизме создания инсценировки, так и о тактике разоблачения лиц, организовавших инсценировку. До сих пор в криминалистической литературе преобладает точка зрения о том, что в принципе невозможно так изменить материальную обстановку места происшествия, чтобы следователь не распознал элементы инсценировки. отголоски этой точки зрения воспроизводятся и в современных статьях. Так, В.Ф.Ханин и Н.В.Ханина всерьез считают, что при инсценировке «преступник допускает ошибки, просчеты ввиду недостаточности знаний, умений, времени для исполнения, ограниченности в выборе технических средств, неподходящих условия окружающей обстановки и воздействия других факторов».²

¹ См.: Антонян Ю.И., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996. – С. 303.

² См.: Ханин В.Ф., Ханина Н.В. Указ.раб. – С. 15

Представляется, что это не так. Самый простой пример, о котором шла речь в начале параграфа, доказывает это. Совершено убийство в квартире. При осмотре места происшествия обнаружены следы совместного застолья: бутылка, два стакана, закуска. На одном из стаканов обнаружены следы рук потерпевшего, на втором – некоего Н.

При допросе Н. оказывается, что он с глубокого похмелья и не помнит, в каких местах и с кем выпивал в предыдущий день. Ознакомившись в кабинете следователя с заключением дактилоскопической экспертизы, где утверждается, что на одном из стаканов, обнаруженных на месте убийства, имеются следы его рук. Под влиянием таких объективных фактов Н., скорее всего, признает этот факт, а следовательно и согласится, что в ходе пьяной ссоры убил потерпевшего.

Казалось бы все ясно. Но вполне возможно и такое развитие событий. Лидер преступной группы, желающий завладеть жильем потерпевшего, дает команду одной части группы совершить убийство, а второй части группы встретить утром Н., под благовидным предлогом напоить его, дожидаться времени, когда он перестанет воспринимать окружающее, вложить ему в руку стакан с места убийства, а затем вернуть стакан в квартиру погибшего. Тем самым совершена инсценировка, что не требуется ни особых умений или знаний, а также условий окружающей среды, как написали коллеги. Далее члены преступной группы контролируют действия следователя на месте происшествия, находят возможность подсказать оперативным работникам, что Н. видели вчера около жилища погибшего. Остальное доделает часто неквалифицированная милицейская машина.

Приводя этот пример, выдуманный нами (а вполне возможно и имевший место в реальной жизни), мы никак не можем согласиться с мнением вышеназванных коллег об ошибках и просчетах, которые допускают преступники при организации инсценировки. Такие ошибки могли иметь место в те времена, когда насильственными преступлениями занимались неграмотные люди.

В настоящее время такими способами организованные преступные группы в состоянии завладеть чужим жильем, не прилагая к тому особых усилий и денежных средств. Вся цена получения квартиры – несколько бутылок: потерпевшему и мнимому убийце Н.

Поэтому криминалистика должна вооружать следователя знаниями и умениями обнаруживать и разоблачать именно такие инсценировки, выполненными не «с ошибками и просчетами», а продуманно и дерзко. Один из путей разоблачения таких инсценировок – это построение деятельности всех причастных к преступлению лиц на одной временной шкале, т.е. использовать всемогущий фактор времени. Мы уверены, что сопоставление в данном конкретном случае времяпрепровождения как потерпевшего, так и мнимого убийцы Н., позволило бы установить истину. Это только частный случай, где следователю помогли бы знания основ криминалистической теории о временных связях.

Иными словами, необходимо проверить все версии и контрверсии на основании сопоставления времяпрепровождения лица, чьи следы пальцев рук обнаружены при осмотре места происшествия, а также других лиц, которые имели физическую возможность совершить данное преступление.

Признаки инсценировки, направленные на создание ложных представлений следователя о временных характеристиках преступления, настолько разнообразны, что их целесообразно изучать на примере какого-либо одного вида преступлений. Так, при расследовании убийств целесообразно разграничить способы инсценировок о времени в зависимости от способа лишения жизни:

- инсценировки при утоплении;
- инсценировки при пожаре;
- инсценировки при нанесении телесных повреждений каким-либо предметом;

- инсценировки при дорожно-транспортном происшествии, железнодорожной аварии;
- инсценировки при убийстве из огнестрельного оружия и т.п.

На признаки инсценировки о времени убийства, *когда труп был обнаружен в воде*, указывают следующие обстоятельства:

- в дыхательных путях трупа отсутствует вода;
- в легких трупа отсутствуют инородные частицы, содержащиеся в воде (планктон);
- наличие на трупе каких-либо телесных повреждений, свидетельствующих о применении к пострадавшему насилия до его попадания в воду (следы удушения на шее, следы борьбы, огнестрельных повреждений на теле и т.п.);
- несоответствие времени нахождения трупа в воде и времени обнаружения у водоема одежды трупа.

На признаки инсценировки о времени совершения убийства *при обнаружении трупа на месте пожара*, указывают следующие обстоятельства:

- в дыхательных путях отсутствуют (или присутствуют в незначительных количествах) следы горения;
- наличие на трупе прижизненных телесных повреждений, нанесенных с использованием огнестрельного, холодного или иного оружия;
- отсутствие следов прижизненности ожогов кожи (например, участок не обгоревшей кожи вокруг глаз означает, что человек зажмурился от огня, значит был жив в момент начала пожара);
- отсутствие в крови сердца карбоксигемоглобина, указывающего на вдыхание погибшим продуктов горения.

На признаки инсценировки временных характеристик *убийства, совершенного с применением каких-либо предметов*, указывают следующие обстоятельства:

- несоответствие размеров оружия, обнаруженного на месте происшествия, размерам ран, которые имеются на трупе (значит, убийство было совершено ранее и в другом месте, где и остался предмет, которым были нанесены телесные повреждения);
- несоответствие телесных повреждений количеству крови, которую потерял погибший на месте убийства, характеристике места происшествия, где был обнаружен труп (в частности, отсутствие обильных следов крови при поражении крупных артериальных или венозных сосудов).

Инсценировки о временных характеристиках **убийства, замаскированного под дорожно-транспортное происшествие**, имеют следующие признаки:

- на трупе имеются телесные повреждения, не характерные для механизма дорожно-транспортного происшествия (например, при наезде на пешехода не могут быть нанесены огнестрельные повреждения);
- несоответствие времени дорожно-транспортного происшествия времени наступления смерти (например, дорожно-транспортное происшествие было совершено за 15 минут до прибытия на место следственно-оперативной группы, а смерть потерпевшего – минимум за 3-6 часов до этого события);
- наличие на трупе прижизненных и посмертных повреждений, не имеющих общих признаков (например, обнаружение прижизненных телесных повреждений, нанесенных острым предметом, и посмертных повреждений, образовавшихся в результате переезда трупа транспортным средством или железнодорожным составом).

Инсценировки о временных характеристиках преступления, **когда смерть была причинена в результате огнестрельного ранения** имеют следующие негативные признаки:

- несоответствие времени наступления смерти времени последнего выстрела из оружия, которое якобы использовалось при убийстве;
- наличие на оружии, которое якобы было использовано при самоубийстве, поверх следов рук погибшего следов рук другого человека;

- отсутствие на руке погибшего, смерть которого инсценирована под самоубийство, свежих следов копоти;
- наличие на теле погибшего, чья смерть инсценирована, посмертных огнестрельных ранений.

Особого внимания при исследовании инсценировки как способа оказания противодействия следователю, требуют действия лиц, причастных к преступлениям, продолжающихся в течение очень кратких временных интервалов (например, дорожно-транспортное происшествие), где значение каждого временного интервала очень велико. Например, при расследовании дорожно-транспортного происшествия нередко основные усилия следователя затрачиваются на установление факта первичности действий одного водителя по сравнению с другим. Такие ситуации возникают при столкновении автомобилей, двигавшихся как навстречу друг другу (здесь следователь обязан установить кто из водителей первым выехал на полосу встречного движения), так и в попутном направлении (когда следователь обязан определить – кто из водителей создал аварийную обстановку: тот, кто повернул налево, не подав предварительно сигнала поворота, или тот, кто проигнорировал сигнал поворота впереди движущегося автомобиля и принял решение начать обгон).

При расследовании дорожно-транспортного происшествия следователь нередко прибегает к помощи специалиста или эксперта, обладающими необходимыми знаниями, например, по определению последовательности выхода из строя какого-либо узла или агрегата автомобиля (например, рулевого управления, тормозной системы) и непосредственного столкновения или наезда на пешехода, дерево.

Нередко лица, причастные к дорожно-транспортному происшествию, инсценируют поломку рулевого управления (тормозной системы), которые якобы и послужили основной причиной происшествия. Разоблачить подобную инсценировку следователь, действуя в одиночку, без помощи специалиста, как правило, не в состоянии. Так, водитель К., воспользовавшись невни-

мательностью сотрудника ГАИ, не осмотревшего после дорожно-транспортного происшествия автомобиль ВАЗ-2106, в своем гараже разорвал тормозной шланг на переднем колесе автомобиля и выдвинул версию о причине аварии, связанной с выходом из строя тормозной системы. Только после проведения повторного осмотра автомобиля, гаража, принадлежащего гр-ну К., проведения автотехнической экспертизы удалось собрать совокупность доказательств, однозначной свидетельствующих об инсценировке водителем К. повреждения тормозного шланга непосредственно перед столкновением с другим автомобилем.¹

Инсценировка следов времени нередко осуществляется путем подделки документов, которые выполнены якобы в тот временной интервал, который исключает у заподозренного лица существование мотива для совершения преступления, либо физической возможности его совершения. При этом подделке подвергается как весь документ, так и его отдельные части, фрагменты, записи.

При подделке всего документа он изготавливается таким образом, чтобы следователь сделал ложные выводы об абсолютной давности исполнения документа. Основными объектами подделки в подобных ситуациях являются содержание документа, его реквизиты, бумага, материалы письма. Таким образом нередко подделывают завещания, доверенности, письма и т.п., свидетельствующие, например, об отсутствии у подозреваемого мотива в совершении убийства своего завещателя, поскольку имущество, которым владел убитый, в любом случае принадлежало бы ему, подозреваемому.

Кстати, при подделке всего документа, который якобы был выполнен самоубийцей непосредственно перед уходом из жизни, могут использоваться такие бумага и материалы письма, которые не позволяют эксперту однозначно определить – когда был выполнен этот документ: перед актом самоубийства или за несколько лет до него. Подобные исследования проводятся доста-

¹ См.: Мешков В.М. Указ. работа. – С. 146-148.

точно давно. Так в начале XX века Р.А.Рейсс рекомендовал обращать внимание не на несоответствие года исполнения документа времени выпуска в обращение бумаги, характеристик чернил и т.п.¹ К сожалению, достаточно эффективных экспертных методик в этой сфере пока не имеется.

Для инсценировки ложного алиби при помощи документов используются другие приемы, с помощью которых можно создать ложное впечатление у следователя об относительной давности изготовления документа. При этом в подлинник документа вносят определенные изменения путем вытравливания или дописки части текста, дорисовки штампов, печатей и т.п.

Преступники нередко пытаются направить усилия следователя по неверному пути не только инсценируя следы времени непосредственно на месте происшествия, но и в других местах, имеющих отношение к расследуемому событию. Например, в местах, где спрятаны похищенные ценности, орудия преступления и пр. В подобных местах нередко проводят обыски, которые осложняются инсценировками «времясодержащих признаков» построек, помещений, иных объектов. Так, об инсценировке делают выводы, исходя из обнаружения разновременности возведения различных участков кирпичной стены (где может быть оборудован тайник); из разновременности наклеивания обоев, разновременности произведенного ремонта в одном помещении и т.п.

Свои предположения следователь проверяет либо органолептически, либо используя криминалистическую технику. Так, использование ультрафиолетового осветителя позволяет определить разновременность возведения различных участков кирпичной стены, выявить тайник под переклеенными обоями, под новой штукатуркой.²

Следами инсценировки на месте производства обыска, где пытались создать у следователя ложные представления о следах времени, могут быть следующие:

¹ См.: Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. – СПб, 1912. – С. 108-115.

² См.: Мешков В.М. Указ. работа. – С. 116.

1. Следы довыполнения работ в местах, где оборудованы тайники (плотничьи, столярные, малярные и иные работы).
2. Следы, свидетельствующие о недавнем нарушении обстановки (земляные работы, посадка деревьев, кустарников и т.п.).

Вышеизложенное позволяет утверждать, что инсценировки, направленные на создание «негативных обстоятельств» в виде искажения «времясодержащих» признаков объектов имеют достаточно распространенный характер, и характеризуются значительным разнообразием. Своевременное обнаружение подобных инсценировок и последующее разоблачение лиц, их совершивших, является для следователя достаточно сложной задачей, научить решать которую обязаны криминалисты.

Таким образом, инсценировки материальной обстановки, виде искажения «времясодержащих» признаков объектов на месте происшествия, обыска или в документах, имеют достаточно распространенный характер, и характеризуются значительным разнообразием в зависимости от механизма преступных действий. Поэтому такие инсценировки целесообразно изучать применительно к механизму преступных действий:

- инсценировки при причинении огнестрельного ранения человеку;
- инсценировки при причинении телесных повреждений с помощью каких-либо предметов;
- инсценировки при совершении убийства с применением огня;
- инсценировки при совершении убийства путем утопления;
- инсценировки при совершении убийства, замаскированного под дорожно-транспортное происшествие и т.д.

§ 4. Фальсификация данных о временных характеристиках преступной деятельности путем утаивания и дачи ложных показаний

Фальсификация доказательств, касающихся временных характеристик преступной деятельности, является одним из способов сокрытия следов преступления.¹ В определенной степени фальсификация отличается от инсценировки события преступления, о которой речь шла выше. Мы, в основном, согласны с мнением Е.В.Баранова, считающего, что инсценировка – это сознательная умышленная деятельность правонарушителя, направленная на сокрытие преступления или некриминального события путем видоизменения обстановки на месте преступления или в ином месте с целью замаскировать истинное событие, создать представление о подлинности инсценируемого и тем самым направить следствие по ложному пути.²

Некоторого уточнения требует лишь личность субъекта, производящего инсценировку. По нашему мнению, это может быть не только «правонарушитель», но и иные лица, в первую очередь, лидер организованной преступной группы, заинтересованный в безрезультативности поисков правоохранительных органов при раскрытии и расследовании конкретного преступления.

Однако следственная практика свидетельствует о том, что помимо инсценировки материальной обстановки на месте происшествия, лица, заинтересованные в организации противодействия деятельности правоохранительных органов (и нередко – лидеры организованных преступных групп), используя различные пути, представляют следователю и иные данные, якобы свидетельствующие об ином механизме преступления, которое имело место в действительности. В частности, представляют соответствующие справки, выпуски, характеристики, таблицы работы заподозренных лиц, подготавливают к общению со следователем свидетелей,

¹ См.: Овечкин В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. – Харьков, 1975. – С. 6.

² См.: Баранов Е.В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 1977. – С. 10-11.

потерпевших и т.д. Задачей таких лиц является дача следователю ложной информации об алиби заподозренных, и наоборот, о нахождении на месте преступления в момент совершения последнего лиц, которые, по желанию лидера организованной преступной группы, должны понести наказание за расследуемое событие.

При фальсификации нередко подготавливаются поддельные документы, удостоверения, якобы имеющие отношение к расследуемому событию (например, телеграмма о вызове заподозренного лица в тот период времени, когда было совершено преступление, в другую местность. Такие факты были в следственной практике, когда должностные лица местных органов, расположенных на Северном Кавказе, подтверждали любые, самые абсурдные сведения о пребывании на их территории заподозренных лиц). Следственная практика также располагает сведениями о том, что лица, заинтересованные в противодействии предварительному следствию, производят иные действия, прямо или косвенно влияющие на восприятие времени лицами, причастными к расследуемому событию. Например, для создания ложного представления потерпевшего или свидетеля о времени события, умышленно подводят стрелки часов, которые и предъявляют этому лицу, чтобы убедить его в том, что событие имело место не в 17 часов, а допустим, двумя часами позже).

Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что инсценировка – это, как правило, всего лишь первый, начальный, этап фальсификации. Он характеризуется внесением таких изменений в обстановку места, связанного с событием преступления, которые отражают умышленные действия заинтересованных лиц, произведенных с такой целью, чтобы следователь, обязанный впоследствии изучить место происшествия, сделал неверные выводы или о происшедшем в целом, или относящихся к какому-либо из его элементов, в частности, времени события преступления.

Представляется, что фальсификация, в отличие от инсценировки, несравненно опаснее для процедуры установления истины по делу. При

фальсификации противоправная деятельность лидера организованной преступной группы имеет двойной эффект в организации противодействия следствию, чем от инсценировки. При фальсификации следователь первоначально лично убеждается в наличии каких-либо негативных обстоятельств на месте происшествия (например, о времени совершения преступления, которое якобы зафиксировано остановившимися часами), а впоследствии, при допросе так называемых «очевидцев» преступления, показания которых скорректированы лидером организованной преступной группы, предположения следователя перерастают в уверенность, если «очевидцы» в один голос будут утверждать, что преступление имело место именно в то время, которое следователь лично зафиксировал в своем сознании при производстве осмотра места происшествия. Совокупность таких сведений может быть воспринята следователем, как истинное развитие события во времени, с последующими ожидаемыми лидером организованной преступной группы последствиями: прекращением уголовного дела, обвинением того лица, которое, по мнению представителя криминального мира, и должно отбывать наказание за совершенное преступление.

Преступный мир достаточно давно использует инсценировки и фальсификации при оказании противодействия правоохрнительным органам, и в частности, при контакте со следователем, о чем косвенно свидетельствует жаргон преступников, так называемое «арго», где накопился обширный запас терминов, необходимых как для общения преступников между собой, так и для скрытой передачи информации в присутствии следователя. Известно, что одной из функций арго является конспиративная, позволяющая передать информацию своему «коллеге» таким образом, что окружающие ничего не поймут.¹

Поэтому, не желая сотрудничать со следователем, лицо, виновное в совершении преступления, нередко, используя воровской жаргон, «окрещивает

¹ См.: Грачев М. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. – Н.Новгород: изд-во «Флокс», 1992. – С. 14.

джека» (вариант инсценировки, заключающийся в уничтожении номера или подписи на похищенном, поставив вымышленное), или на допросе оговаривает другое лицо, которое «приводит с собой в тюрьму» (на аргю это звучит как «взять по делу» и т.п.).¹

Наиболее подробно в жаргоне преступного мира отражены моменты общения со следователем в условиях «несознанки»². Этот вариант поведения, заключающийся в активном противодействии следователю в виде дачи ложной информации, т.е. в фальсификации доказательств, нашел выражение в применении таких терминов, как «вколачивать баки», «вертеть вола», «вешать лапшу на уши», «крутить», «заливать», «нажаривать», «завивать пушку» и т.п.³

Понятно, что только знакомый с основами жаргона преступного мира сотрудник правоохранительных органов способен распознать, что ему сообщается фальсифицированная информация об обстоятельствах расследуемого события. А распознавание, как нам представляется – это первый шаг к изобличению лица, совершившего преступление.

Фальсификация – это, как было отмечено - более масштабные действия, направленные на создание ложных представлений следователя либо обо всем событии преступления, либо об отдельных его аспектах, например, о времени расследуемого деяния. В целом под фальсификацией в криминалистике понимается:

- заведомо ложное показание;
- заведомо ложные сообщение, заявление, донос;
- создание ложных следов и иных вещественных доказательств;
- полная или частичная подделка документов;
- подмена, дублирование объектов;

¹ См.: Грачев М.А. Русское аргю. – Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 1997. – С. 10.

² «Несознанка» - процесс, когда уголовник запирается и не сознается в совершении преступления. – См. Грачев М. Язык из мрака. – С. 119.

³ См. более подробно: Грачев М.А. Язык из мрака. – Н.Новгород, 1992. – С. 20 и др.

- частичное уничтожение объекта с целью изменения его внешнего вида, фальсификации назначения и т.п.¹

Как видно из данной классификации, сущность фальсификации гораздо сложнее, чем сущность инсценировки. Помимо внесения негативных изменений в обстановку места происшествия, характерных для инсценировки, в ходе фальсификации ее инициатор предполагает, активно готовится и осуществляет непосредственный личный контакт со следователем, где пытается достичь своей главной цели – убедить следователя в своей версии развития преступной деятельности, в том числе и о ее временных характеристиках, утаивая известную ему информацию или сообщая заведомо ложные сведения.

Именно исходя из этих критериев (опосредованного и непосредственного влияния на следователя), можно достаточно четко отграничить инсценировку от фальсификации. При инсценировке предполагается опосредованное влияние на следователя путем умышленного изменения обстановки. Следователь, непосредственно воспринимая на месте происшествия обстановку, в которую внесены так называемые негативные изменения, делает неверные выводы относительно развития расследуемого события. То есть преступник, действуя опосредованно, через обстановку места происшествия, вынуждает следователя поверить в свою версию происшедшего.

В ходе осуществления действия по фальсификации - ее инициатор, как правило, вступает в непосредственный контакт со следователем или иным субъектом доказывания и пытается лично убедить их в своей правоте. При этом он может использовать результаты осмотра места происшествия, на котором была организована инсценировка, либо оперируя только ложными показаниями о происшедшем (как личными, так и показаниями других лиц). Таким образом, как верно отметила В.Е.Коновалова, создается ложная информация или ее носители.²

¹ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 2001. – С. 769.

² См.: Коновалова В.Е. Убийство: искусство расследования. – Харьков, 2001. – С. 15.

Одна из задач предпринятого исследования состоит в изучении закономерностей сокрытия временных характеристик преступления и основ распознавания следов такого сокрытия. О том, что время события нередко является объектом сокрытия, имеется достаточно много данных из следственной практики, из специальной литературы. Так, А.А.Хараев считает, что время совершения преступления является одним из объектов сокрытия, наряду с местом, мотивом, целью расследуемого деяния.¹

Характерным примером из следственной практики, где объектом сокрытия наряду с другими обстоятельствами были временные характеристики преступления, является следующий случай. Исчез заведующий магазином Ш. с крупной суммой денег. Через пять дней он был обнаружен в лесу услышавшими его крик лесниками. Он был привязан к дереву, руки его также были связаны. Заведующий магазином объяснил, что когда он проходил с деньгами по лесу, то двое преступников отобрали у него деньги, а его самого привязали к дереву.

Однако целый ряд негативных обстоятельств противоречил этой версии. Во-первых, у Ш. Во рту была палка, а лицо обвязано портянкой. Следовательно, кричать громко он не мог. Лесники же слышали его крик на расстоянии около двух километров. Во-вторых, температура воздуха в то время года была – 3-9 градусов Цельсия, поэтому Ш., пробыв в лесу без обуви и теплой одежды пять суток, должен был погибнуть от переохлаждения. В-третьих, после того, как Ш. Развязали, он без посторонней помощи прошел до деревни, расположенной на расстоянии семи километров от места происшествия, что по заключению судебно-медицинской экспертизы, сделать невозможно, если считать версию потерпевшего истинной.

Кроме того, после пятисуточного голодания Ш. Безболезненно съел 700 граммов черного хлеба и выпил 1 литр молока. На самом деле прием такого количества пищи должен был вызвать тяжелые физиологические последст-

¹ См.: Хараев А.А. Преодоление противодействия расследованию преступлений против собственности. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2004. – С. 15-16 (45 с.)

вия. Также, в соответствии с заключением судебно-медицинской экспертизы, у Ш. должны были рефлекторно сократиться мышцы, что повлекло бы сжатие челюстей, и палка, вставленная в рот, сломалась бы или повредились зубы. Однако на самом деле этого не произошло. После пребывания в течение пяти суток с открытым ртом у Ш. неизбежно должно было наступить резкое высыхание дыхательных путей. Но и этого не случилось.

Наконец, целых пять суток Ш., не мог отправлять естественные надобности, тем более, что, по его словам, он находился в бессознательном состоянии, при котором наступает непроизвольное мочеиспускание и дефекация. Этого же не было. И последнее: веревочные узлы на руках Ш. Были такие, что их вполне возможно завязать самому.¹

Данный пример из следственной практики чрезвычайно информативный. На изучении только этого случая можно сделать однозначный вывод о том, что инсценировку и последующую фальсификацию данных о времени практически невозможно продумать и осуществить во всех деталях. Для воплощения задуманного субъект обязан иметь представление о множестве факторов жизнедеятельности как собственного организма (в частности, об изменениях состояния органов пищеварения в результате длительного голодания, о функционировании мочевого пузыря при потере сознания, об изменениях дыхательных путей в результате длительного попадания в них холодного воздуха и т.д.), так и о ряде других обстоятельств, в частности, о способах завязывания узлов на веревке, о возможности услышать крики о помощи в подобных условиях и пр. И это понятно, поскольку, как отмечено в предыдущих параграфах, время пронизывает буквально все процессы как в живой, так и неживой природе, и изучение этих процессов через призму времени позволяет объективно оценить фактически все временные характеристики, от момента времени, когда началось какое-то событие, так и его длительность, а также

¹ См.: Медведев С.И. Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений. – Волгоград, 1973. - С. 82

последовательность ряда процессов, связанных между собой причинно-следственными отношениями.

Представляется, что в своей совокупности инсценировка и фальсификация представляют собой не только способы сокрытия преступления, но и важную составную часть противодействия криминальной среды, и в первую очередь организованных преступных групп, законным действиям правоохранительных органов. Понятно, что инсценировкой и фальсификацией противодействие преступного мира не ограничивается. В него, в частности, входят попытки запугать следователя, оказать физическое воздействие на него или его близких и т.п.

О подобных фактах более 40 лет назад уже писали ученые. Так, по мнению А.М.Ларина, ни в одной области, кроме доказывания (преступления), исследователю не противостоит субъект, кровно заинтересованным в неудаче исследования, порой еще неизвестный и не брезгующий никакими средствами.¹

По свидетельству В.Н. Карагодина, круг вопросов противодействия предварительному расследованию значительно расширился и очевидно выходит за рамки проблем способа сокрытия преступления.² Соглашаясь по существу с мнением уважаемого профессора, можно продолжить его мысль. В частности, в деятельности правоохранительных органов, в первую очередь муниципального уровня, нередки факты, когда главы администрации, не заинтересованные в раскрытии и расследовании тех или иных преступлений, умышленно уменьшают финансирование органов внутренних дел, получающих довозьствие из муниципального бюджета. Об активном установлении контроля со стороны организованной преступности над многими сферами социально-

¹ См.: Ларин А.М. Доказывание на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 1962.

² См.: Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: Диссертация ... д.ю.н. – Екатеринбург, 1992. – С. 38.

общественной деятельности, еще в 1990 году предупреждал А.И.Гуров.¹ Это, вероятно, и явилось одной из причин прямого финансирования из федерального бюджета сотрудников Следственного комитета при МВД России и Службы криминальной милиции МВД России.

По мнению И.А.Климова и Г.К.Синилова, на практике встречаются следующие формы противодействия:

- подкуп, запугивание и иное воздействие на потерпевших и свидетелей, чтобы заставить их отказаться или изменить первоначальные показания в пользу криминальной среды;
- установление нелегальных каналов связи с арестованными членами организованной преступной группы (ОПГ) для согласования линии поведения;
- наем на общегрупповые средства высококвалифицированных адвокатов;
- укрывательство подозреваемых за пределами России;
- сокрытие, уничтожение следов, оружия и средств преступной деятельности;
- симуляция заболеваний;
- оказание давления через средства массовой информации посредством использования ошибок субъектов ОРД и уголовного процесса;
- целенаправленная дискредитация оперативных работников и следователей;
- попытки вербовки сотрудников органов внутренних дел под угрозой использования против них компрометирующих материалов;
- попытки подкупа следователей, оперработников, прокурорских и судебных служащих.²

¹ См.: Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. – М., 1990. – С. 213

² См.: Климов И.А., Синилов Г.К. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД // Материалы научно-практической конференции «Организованное противодействие расследованию преступлений и меры по его нейтрализации». г.Руза-г.Москва, 29-30 октября 1996. – М., 1997. – С. 24-25.

Поскольку круг задач настоящего исследования не позволяет в полном объеме рассмотреть все аспекты противодействия криминального мира законной деятельности следователя, мы ограничиваем круг изучаемых проблем только вопросами инсценировки и фальсификации данных о временных характеристиках преступлений, которые представляются нам весьма важными для организации эффективной деятельности субъекта доказывания, в условиях противодействия криминальной среды.

Особую угрозу для деятельности по раскрытию и расследованию преступлений представляет комплекс действий заинтересованных лиц по искажению временных характеристик механизма развития преступной деятельности путем внесения изменений на месте происшествия (инсценировка) и последующего утаивания информации или дачи ложных показаний в ходе вербальных следственных действий (фальсификация). В своей совокупности эти действия могут оказать негативное влияние на следователя, которое не позволит раскрыть преступление или вынудит следователя принимать дополнительные энергичные действия по достижению поставленной цели – полного, объективного и всестороннего расследования преступления. О том, что подобные совокупности инсценировки материальных следов и фальсификации в ходе допроса не такая уж и редкость в следственной практике, свидетельствует Г.Н.Мудьюгин. По его данным, из общего количества изученных дел об убийстве с инсценировкой самоубийства преступники ложно ссылались на алиби в 79 % случаев.¹ Несмотря на значительный период времени, прошедший с момента опубликования этих данных, количество подобных фактов явно не уменьшилось.

Как правило, инсценировка и последующая фальсификация замышляется как комплекс действий, объединенных одним умыслом. Например, при совершении убийства виновный вносит определенные изменения в обстановку места преступления, свидетельствующие, что в момент причинения смерти

¹ См.: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. – М., 1973. – С. 10.

вместе с погибшим был другой человек (который якобы и совершил убийство), что достигается доставлением на это место, например, бутылки и стакана со следами рук того человека, на которого должно упасть подозрение. Затем к даче заведомо ложных показаний подготавливаются потенциальные очевидцы, которые будут свидетельствовать, в частности, о том, что он, убийца, не располагал физической возможностью убить потерпевшего, поскольку именно в момент нанесения телесных повреждений жертве находился в другом месте. С этой целью виновный либо прямо просит (варианты: настаивает, угрожает, подкупает) возможных свидетелей, чтобы они подтвердили его алиби, либо пользуется их невнимательностью и внушает им (особенно, если прошло значительное время), что именно во время убийства он находился далеко от жертвы. Подобные факты описаны в криминалистической литературе.

С целью избежания уголовной ответственности преступник нередко пытается детально продумать свое поведение еще до совершения преступления, принимая за основу временные интервалы ожидаемого убийства. С этой целью он распространяет среди своих знакомых и близких информацию о том, что в «критическое время» он должен обязательно уехать в командировку (к месту отдыха, учебы и т.п.), на определенное время скрывается из зоны внимания лиц, введенных им в заблуждение, чтобы впоследствии настаивать на своем алиби, приводя в его подтверждение свидетельства уважаемых лиц, готовых подтвердить его показания.

Как правило, преступник не в состоянии предусмотреть все возможные следы, которые остаются как в ходе его преступной деятельности, так и в ходе сокрытия следов своих криминальных действий. Нередко виновное лицо не в состоянии надежно изменить те следы времени, которые остались в результате действий по сокрытию преступления. На это обратила внимание В.Е.Коновалова. По ее мнению, формирование мотива совершения преступления (следовательно, и способов его сокрытия – вставка моя), предполагает понимание всей сложности подготовки к преступлению. С одной стороны,

плохая подготовка обуславливает значительное число пробелов (значит – значительное следов преступления, которые остаются на месте преступления в первозданном виде, не подверженными инсценировке), при анализе которых легко обнаружить преступника, установление которых позволяет выдвинуть обоснованные версии как о событии преступления, так и о личности преступника.¹

Наиболее часто к подобным ухищрениям прибегают в случаях убийства своих близких, с которыми виновный проживал совместно. Продумывая, казалось бы, все детали, преступник нередко не в состоянии предусмотреть те объективные изменения в обстановке, на трупe погибшего (в том числе признаки, свидетельствующие о времени наступления смерти), которые способствуют его изобличению во лжи. Так случилось, например, при расследовании факта смерти женщины, убитой в своей квартире. Муж, убив ночью жену, заявил следователю, что в последний раз видел ее живой утром того дня, когда уходил на работу. По его словам, лишь вернувшись под вечер домой, он обнаружил жену мертвой. Однако судебно-медицинский эксперт установил, что смерть потерпевшей наступила не позднее чем в 22-23 часа накануне, т.е. когда муж, по его же показаниям, был дома вместе с женой.²

Наиболее распространён комплекс действий по инсценировке и фальсификации данных о временных характеристиках преступления при подготовке ложного алиби.

Алиби – это согласно ст. 5 УПК РФ уголовно-процессуальный термин, означающий нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте как доказательство невиновности.³ Следственной практике известны два способа создания алиби. В первом случае виновный вступает в сговор с соучастниками или лицами, которые впоследствии будут фигурировать как свидетели алиби. Они дают ложные показания об алиби виновного. Другой более сложный способ создания ложного алиби

¹ См.: Коновалова В.Е. Убийство: искусство расследования. – Харьков, 2001. – С. 10.

² См.: Мудьюгин Г.Н. Указ. работа. – С. 65.

³ См.: Энциклопедический юридический словарь. – М., 1998. – С. 19.

основан на обмане виновным свидетелей относительно даты или времени пребывания совместно с ними.¹

В криминалистике и следственной практике различают алиби действительное и алиби ложное, когда обвиняемый действительно виновен в совершении преступления, но, желая избежать уголовной ответственности, выдвигает свою версию развития событий, где он, якобы, не имел физической возможности участвовать в инкриминируемом ему деянии.

Доказывание в установленном порядке действительного алиби, несомненно, влечет за собой прекращение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении расследуемого преступления. При этом предварительное расследование по конкретному уголовному делу продолжается, вплоть до обнаружения лица, действительно причастного к совершенному преступлению и доказыванию в полном объеме его виновности (или невиновности).

В свою очередь, ложное алиби можно классифицировать в зависимости от времени его подготовки:

- а) заранее подготовленное алиби;
- б) неподготовленное алиби.

В зависимости от времени подготовки алиби существенно отличается его следовая картина. Как правило, заранее подготовленное алиби характеризуется предварительным воздействием на материальную обстановку. С этой целью:

1. Принимают меры предосторожности, не позволяющие оставлять на месте происшествия «свои следы», в частности, используют перчатки, сменную обувь и одежду, средства, обеспечивающие ликвидацию запаховых следов.
2. Имитируют следы пребывания на месте происшествия другого человека, т.е. оставляют на этом месте предметы его одежды, часы, сига-

¹ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. – М., 2001. – С. 769.

реты, окурки сигарет, микрочастицы одежды, предметы со следами его рук и т.п.

3. Вносят изменения в те элементы обстановки, которые могли запечатлеть время события преступления (подводят стрелки часов, которые якобы остановились из-за падения тела жертвы при убийстве).

В соответствии с произведенными изменениями в обстановке места, имеющего отношение к расследуемому преступлению, нередко готовят фальсифицированную свидетельскую базу. При этом используют как умышленные ложные показания о времени, так и добросовестные заблуждения, неадекватно отражающие действительное развитие события преступления во времени, возникшие в результате либо обмана, либо внушения. По данным В.М.Мешкова, из общего числа уголовных дел, по которым было заявлено ложное алиби, в 22,5 % свидетели подтверждали его, добросовестно заблуждаясь при этом, а в 20 % умышленно подтверждали ложное алиби обвиняемого.¹ Данные факты свидетельствуют о распространенности фальсификации данных о временных характеристиках преступной деятельности путем утаивания или дачи ложных показаний.

Несмотря на существование других способов предоставления следователю ложной информации о временных характеристиках, по нашему мнению, при фальсификации временных характеристик преступления при помощи вербальных средств общения используют два вида достаточно распространенных способов:

1. Утаивание.
2. Дача ложных показаний.

Первый вид фальсификации заключается в сохранении в тайне той информации, которой располагает лицо, причастное к совершению преступле-

¹ См.: Мешков В.М. Установление временных характеристик при расследовании преступлений. – Ниж.Новгород, 1993. - С. 15.

ния или вовлеченное в сферу деятельности преступника. Согласно С.И.Ожегову, утаить – значит скрыть от кого-нибудь, сократить в тайне.¹

Интересующую следователя информацию могут утаить как подозреваемые (обвиняемые), так и потерпевшие, свидетели, а также специалисты и эксперты.

В.Е.Коновалова различает пассивную и активную форму утаивания:

- пассивная форма предполагает умолчание, недонесение, отказ от дачи показаний, невыполнение требуемых действий;
- активная форма предусматривает сокрытие предмета посягательства, вещественных доказательств, уклонение от явки в органы расследования.²

Развивая мысль В.Е.Коноваловой, можно предположить, что активная форма утаивания информации может заключаться не только в уклонении от явки к следователю самого допрашиваемого по своей воле, но и в создании обстановки, препятствующей общению возможного очевидца со следователем, заинтересованными лицами, в том числе входящих в состав организованных преступных групп. С этой целью могут использоваться как угрозы (прямые или косвенные), так и всевозможные виды подкупа (от дачи денежного вознаграждения, до приобретения туристических путевок на длительный срок, пока продолжается предварительное расследование).

Ложные показания о времени, как правило, готовы дать близкие и родственники подозреваемого (обвиняемого), соседи и сослуживцы, а также лица без определенного места жительства. Все перечисленные категории субъектов могут руководствоваться различными мотивами: от корыстной заинтересованности (когда виновный достаточно высоко оплачивает ложные показания), до желания оказать противодействие следователю, который по какой-то причине показался им несимпатичным.

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1970. – С. 828.

² См.: Коновалова В.Е. Указ. работа. – С. 15.

Подготовка к даче ложных показаний, как правило, осуществляется совместно с лицом, виновным в совершении преступления, поскольку заявление последним ложного алиби должно подтверждаться и показаниями свидетеля. В ходе совместного обсуждения общей позиции достаточно детально прорабатываются все временные аспекты, уточняются те изменения в материальной обстановке места преступления, которые косвенно подтверждают их ложные показания.

Подготовка фальсифицированных свидетельских показаний о временных характеристиках преступления достаточно сложный процесс, который доступен лишь эрудированным и развитым субъектам. Основная же масса лиц, заинтересованных в фальсификации данных о времени, стараются добиться детального совпадения во всех временных аспектах, и в этот состоит их главная ошибка. Наиболее характерной приметой дачи заранее отрепетированных ложных показаний о времени служат идентичные величины, которыми оперируют допрашиваемые, независимо друг от друга. Поскольку чувство собственного времени строго индивидуально как при оценке малых временных интервалов, так и значительных, то одинаковая их цифровая оценка, как правило, является признаком предварительного сговора.

От ложных показаний о временных характеристиках преступлений существенным образом отличаются показания, данные в силу добросовестного заблуждения. На формирование подобных показаний влияют разные факторы, от случайных, до умышленных, когда лицо, виновное в совершении преступления, осуществляет ряд действий, направленных на создание у окружающих ложных представлений о протекании конкретного события во времени. Такими действиями могут быть обращение внимания окружающих на циферблат часов, стрелки которых заранее умышленно подведены таким образом, что часы неверно отражают истинное время суток. Если требуется создать ошибочное мнение относительно дня недели или дня месяца, то заинтересованные лица используют другие временные ориентиры, касающиеся определенных дней. Например, в случае наличия связи между днем получения заработ-

ной платы на предприятии и днем совершения преступления, в разговоре со сослуживцами смещают расположение события во времени со дня выдачи аванса на день получения заработной платы за месяц (как правило, аванс на государственных предприятиях выдается в середине месяца, в 15-20 числах, а заработная плата – в начале следующего месяца, в 5-10 числах).

Таким образом, фальсификация данных о временных характеристиках преступной деятельности, совершенная путем утаивания и дачи ложных показаний, является составной частью противодействия криминального мира деятельности субъектов по раскрытию и расследованию преступлений. Этот вариант противодействия позволяет лицу, виновному в совершении преступления, не только избежать уголовной ответственности (в случае заявления им ложного алиби, которое не удалось в установленном законом порядке разоблачить), но и способствовать привлечению к уголовной ответственности лица, фактически не совершавшего преступление, но виновность которого «подтверждали» фальсифицированные доказательства (например, обнаружение на месте преступления следов пальцев рук такого человека, показания подставных «очевидцев», подтвердивших, что видели в момент убийства обвиняемого около потерпевшего и т.п.).

Поэтому субъекты доказывания обязаны иметь представления о видах инсценировок и фальсификаций данных о времени совершения преступления, используемых преступным миром, и располагать знаниями, умениями и навыками своевременно распознавать их и разоблачать лиц, причастных к организации противодействия правоохранительных органов в рассматриваемой сфере.

Таким образом, искажение информации о временных характеристиках преступлений при ее вербальной передаче осуществляется как путем утаивания, так и путем дачи ложных показаний. Заинтересованные лица нередко используют не соответствующую реальному развитию события во времени информацию, сообщаемую лицом, которое добросовестно заблуждается относительно протекания во времени расследуемого события.

Глава 2. Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций, направленных на создание ложных представлений о времени события преступлений, в ходе отдельных следственных действий

§ 1. Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций, направленных на создание ложных представлений о времени события преступления, в ходе следственного осмотра и обыска.

Согласно всеобщему закону отражения, преступная деятельность, как и всякая другая человеческая деятельность, отражается на объектах материального мира, которые, в свою очередь, изучаются и оцениваются при осмотре места происшествия. Нередко при этом выявляют не только собственно следы преступления, но и следы, направленные на сокрытие результатов преступной деятельности, т.е. результаты противостояния следствию. Согласно данным Н.Н.Демидова, сокрытие следов на месте происшествия было зафиксировано в 37,8 % случаев, инсценировка и выдвижение ложного алиби – по 7,8 % дел.¹ Иными словами, при осмотре места происшествия фактически в половине случаев следователь должен быть готов к распознаванию следов преступления от следов его сокрытия и процессуально оформить все следы в протоколе осмотра.

В соответствии с ч.4 ст. 166 УПК РФ, в протоколе следственного действия описывается процесс действий в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии.²

Ныне действующая редакция УПК РФ не препятствует занесению в протокол осмотра места происшествия заявления одного из участников следственного действия – специалиста о том, что ряд обнаруженных при осмотре места происшествия обстоятельств он считает негативными. В соответствии

¹ См.: Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: Автореферат дис.... к.ю.н. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2003. – С. 16.

² См.: УПК РФ с изменениями на 1 мая 2004 г. – М., 2004. – С. 91.

с этим полагаем, что специалист вправе изложить свои замечания письменно, приложив их к протоколу осмотра. В этом случае будет положено начало фиксации в материалах уголовного дела фактов, свидетельствующих об обнаружении инсценировки на месте происшествия. Впоследствии следователь имеет право по результатам осмотра места происшествия в соответствии с частью 3 ст. 80 УПК РФ поставить перед специалистом, принимавшим участие в осмотре места происшествия, ряд вопросов о причинах, по которым специалист посчитал конкретные обстоятельства, обнаруженные в ходе следственного действия, негативными или результатами инсценировки. В ответ на это действие следователя специалист обязан, согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ, представить в письменном виде заключение по вопросам, поставленным перед ним.

Если в своем заключении специалист обоснует свои выводы о том, что в ходе осмотра места происшествия были обнаружены результаты инсценировки, то, согласно пункту 3-1 части 2 ст. 74 УПК РФ, его заключение будет являться доказательством по уголовному делу.¹

Таким образом, до принятия необходимых дополнений в УПК РФ о возможности фиксации суждения специалиста в ходе следственного действия, в уголовном деле должны появиться первые данные об обнаруженной инсценировке, что позволит распознать ее механизм и разоблачить лиц, имеющих отношение к ней, а в дальнейшем – разоблачить и возможные фальсификации доказательств.

Осмотр места происшествия, как разновидность следственного осмотра, предусмотренного статьями 176, 177 и 180 УПК РФ, является уникальным следственным действием. По нашему мнению, совершенно прав В.В.Кунин считающий, что одной из причин снижения качества расследования преступлений является непрофессиональное проведение осмотра места происшеств-

¹ См.: дополнения к УПК РФ, введенные ФЗ от 4.07.2003 г. № 92-ФЗ.

вия.¹ Действия следователя на месте происшествия В.В. Кунин определил, как активную, целенаправленную и познавательную деятельность, сочетающую комплексное и полное использование научных методов поиска доказательств во всем выдвинутым версиям, построенным моделям преступного события и лица, совершившего преступление, с высокой профессиональностью в обнаружении, фиксации, изъятии и предварительном исследовании доказательственной информации в соответствии с требованиями закона.

Подобное определение, хотя и имеет привлекательный вид, но по нашему мнению, может служить для следователя эталоном работы на месте происшествия, поскольку в полном объеме явно не может быть реализовано. Так, на месте происшествия затруднительно использовать научные методы «поиска доказательств по всем выдвинутым версиям» и провести их предварительное исследование.

Во-первых, на месте происшествия могут быть проверены лишь несколько следственных версий, но отнюдь не все версии, которые зарождаются позже, лишь после изучения всей совокупности собранных данных о событии преступления. Значительная часть информации о расследуемом событии получают не в ходе непосредственного осмотра места происшествия, а в ходе иных действий и оперативно-розыскных мероприятий, сопутствующих производству осмотра места происшествия: преследования преступника по горячим следам при помощи служебной собаки; осмотра окружающей местности; поквартирного обхода и иных действий и оперативно-розыскных мероприятий, о которых мы не вправе упоминать в настоящей работе, т.к. они регламентированы Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности». Именно поэтому в ходе изучения материальной обстановки на месте происшествия фактически невозможно проводить осмотр «по всем версиям».

Во-вторых, ряд предварительных исследований предполагает их лабораторные изучения, окончание значительной части которых не совпадает с

¹ См.: Кунин В.В. Криминалистические, технические и тактические приемы и методы исследования места происшествия: Автореферат дис.... к.ю.н. – СПб, 2001. – С. 3.

процедурой осмотра места происшествия, поскольку они занимают значительно больший временной интервал. Поэтому учитывать при осмотре места происшествия результаты предварительных исследований далеко не всегда возможно. В ряде случаев, по нашему мнению, речь может идти только о дополнительном или повторном осмотре места происшествия, тактика проведения которых существенно отличается от тактики производства первоначального осмотра места происшествия.

И, наконец, в-третьих, на месте происшествия, как правило, обнаруживают не доказательства, а лишь их источники, которые могут стать доказательствами спустя определенное время, после выполнения ряда процедур, предписанных УПК РФ.

Поэтому рекомендации В.В.Кунина можно считать эталоном работы, но никак не практическими рекомендациями, которыми можно воспользоваться на практике.

В стадии непосредственного осмотра, т.е. поиска, обнаружения, фиксации источников доказательственной информации и их предварительного исследования, следователь действует самостоятельно, полагаясь на свои знания, умения и личный опыт, максимально используя помощь специалистов. На данной стадии следственного осмотра, по нашему мнению, получают основной массив доказательственной информации.

Обстановка места происшествия характеризуется множественностью следов, характеризующих механизм расследуемого события, которые следователь обязан обнаружить и зафиксировать, определив те из них, которые относятся к расследуемому событию.

Определяют следы, имеющие отношение к расследуемому событию, основываясь как на рекомендациях криминалистики, так и на собственном опыте, а также опыте коллег, принимающих участие в осмотре. Но в любом случае учитывают фактор времени, который на первоначальном этапе позволяет отличить «старый след», не имеющий отношения к расследуемому делу, от «свежего следа», явно оставленного преступником. Так, следователь не

осматривает старую дверь, давно снятую с петель, если в квартиру проникли через другую, на которой остались «свежие следы взлома». Поэтому рекомендации в учебниках криминалистики осматривать только те повреждения, которые имеют отношение к расследуемому событию, к сожалению, далеко не всегда исполняются. Действительно, как определить те следы, которые относятся к событию преступления? Вероятно, только с учетом фактора времени и здравого смысла.

При расследовании преступлений наибольшую значимость приобретает обнаружение на месте происшествия следующих совокупностей следов:

- образовавшихся в результате действий лиц, участвовавших в преступной деятельности, и лиц, вовлеченных в нее (например, потерпевших, случайных свидетелей);
- возникших вследствие умышленных действий заинтересованных лиц для инсценировки обстановки места происшествия после изучаемого события;
- случайных, образовавшихся вне связи с интересующим следователя фактом (например, случайно проехавшая машина уничтожила следы на почве).

Понятно, что две последние категории следов не имеют прямого отношения к механизму расследуемого преступления, и характерным признаком этих следов является их несовместимость во времени со следами, относящимися к событию преступления. Иными словами, следователь, работая на месте происшествия, должен определить время возникновения всех следов и установить, какие из них возникли до или после совершения преступления, т.е. определить относимость следов к расследуемому событию. Так, распиливание дужки замка на дверях магазина должно сопровождаться наличием опилок. Их отсутствие скорее всего свидетельствует о том, что замок был первоначально распилен в другом месте с целью инсценировки кражи.¹ Эта задача

¹ См.: Осмотр места происшествия при расследовании отдельных видов преступлений. – Киев, 2001. – С. 27.

имеет важное значение, поскольку невозможно произвести осмотр и последующее изъятие абсолютно всех объектов, находящихся на месте следственного осмотра. Следователь должен выбрать именно те следы, которые относятся к совершенному преступлению. И это возможно сделать, исходя из оценки тех свойств и качеств осматриваемых объектов, которые содержат данные о времени их образования. Именно такие изменения на материальных объектах становятся критериями, позволяющими разумно ограничить следы, относящиеся к совершенному преступлению, от случайных, возникших как до, так и после расследуемого деяния. Например, на изменение положения трупа на месте происшествия указывает ряд следующих признаков: нарушенное трупное окоченение, кожные ссадины посмертного происхождения и т.п.¹

В ходе осмотра места происшествия решается множество задач, стоящих перед следователем, и одна из них – установление фактических обстоятельств расследуемого события, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. В числе этих задач законодатель первой поставил установление времени события преступления. Представляется, что это не случайно, поскольку уяснение сущности любого события невозможно без точного установления его временных характеристик.

О времени расследуемого события свидетельствует множество изменений в обстановке материального мира, которые следователь непосредственно изучает в ходе осмотра места происшествия. По мнению Г.Н. Мудьюгина, в 70-е годы XX века такими признаками является следующие.

1. Трупные пятна.
2. Насекомые, обнаруженные на трупе.
3. Пятна крови на трупе и окружающей обстановке².

¹ См.: Руководство по расследованию преступлений: научно-практическое пособие. – Харьков, 2001. – С. 345.

² См.: Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. – М., 1973. – С. 41.

Исследования в данной сфере были продолжены и в настоящее время в числе общепризнанных признаков, прямо или косвенно указывающих, например, на время убийства, в криминалистической литературе называют разнообразные обстоятельства, факты, процессы, например, такие, как:

1. Остановившиеся в результате резкого удара наручные часы на руке трупа или настенные часы в комнате, где произошло убийство.
2. Остатки пищи в жилом доме или квартире, где произошло убийство. Так, обнаружение остатков завтрака позволяет выдвинуть версию о том, что убийство было совершено утром; остатки обеда косвенно свидетельствует о более позднем времени совершения нападения и т.п.
3. День убийства можно вычислить и по последней почтовой корреспонденции, полученной адресатом.
4. В некоторых случаях день убийства хозяина квартиры можно вычислить, сопоставляя степень увядания домашних цветов и поведение домашних животных.
5. В домах с печным отоплением с целью определения последней топки проверяют температуру печи.
6. По маркировке некоторых продуктов питания определяют время последней покупки их в магазине.
7. Включенный телевизор нередко свидетельствует о том, что убийство было совершено до окончания вечерних телепередач.
8. Насекомые на трупе, стадия их развития (личинки, куколки) также позволяют вычислить время их появления и, соответственно, время наступления смерти с учетом параметров окружающей среды.
9. Степень разрушения одежды на трупе, пролежавшем на открытой местности несколько лет, также позволяет ориентировочно определить время наступления смерти. Замечено, что хлопчатобумажная ткань разлагается спустя 4-5 лет, шерсть – 8-10 лет, кожа и шелк – 20 и более лет.¹

¹ См. подробнее: Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях. – Калининград, 1999. – С. 111-113.

На основании анализа перечисленных и иных процессов и фактов нередко делают вывод о развитии механизма преступления во времени. Подобные системы признаков, по нашему мнению, целесообразно накапливать и систематизировать при изучении последствий совершения различных видов преступлений: насильственных, корыстных, дорожно-транспортных и иных. Знание закономерностей отражения течения времени объектами материального мира, несомненно, способствует эффективному и успешному расследованию преступлений.

Накопление временной информации в зависимости от вида преступлений, по нашему мнению, целесообразно организовывать на конкретных сайтах компьютерной сети МВД России, которыми могли бы пользоваться сотрудники всех органов внутренних дел России. Структура сайтов можно определить либо:

- по статьям УК РФ (убийство, кража, ДТП и т.д.);
- по видам преступности: корыстные, насильственные преступления и т.д.

Письменную информацию о видах инсценировок целесообразно доводить до сотрудников Следственного комитета при МВД России, Службы криминальной милиции или Милиции общественной безопасности и других служб, в зависимости от их заинтересованности, на регулярно проводимых совещаниях по итогам отчетного периода, при условии, что электронные варианты этой информации будут доступны для сотрудников правоохранительных органов постоянно на определенных сайтах ГИЦ МВД России.

Согласно действующему УПК РФ и рекомендациям криминалистики, при фиксации информации об обстоятельствах, имеющих отношения к расследуемому уголовному делу, в соответствующих протоколах следственных действий следователь не вправе отражать собственное мнение об обнаруженном (при осмотре места происшествия), или услышанном (при допросе). Таким правом (помимо понятых) может пользоваться только специалист, участвующий в следственном действии, о чем было указано выше по тексту. Подобный запрет, несомненно, имеет положительный эффект, когда предвари-

тельное расследование от начала до конца ведет один следователь и ему помогает один специалист (как в знаменитом сериале «Следствие ведут знатоки»). Однако в повседневной деятельности правоохранительных органов подобные ситуации скорее исключение, чем правило. Поэтому значительная часть полезной информации о расследуемом преступлении, накопленная в памяти как следователя, так и специалиста, при передаче уголовного дела для расследования другим субъектам доказывания, оказывается безвозвратно утраченной.

В ряде цивилизованных стран эта информация становится доступной суду, поскольку создан механизм представления ее в суд.

1. Во-первых, инспектор, принимавший участие в раскрытии и расследовании преступления, как правило, допрашивается судьей в качестве свидетеля и, соответственно имеет возможность изложить собственную оценку как обнаруженным следам, так и полученным показаниям.
2. Во-вторых, специалист имеет право составить дополнительно к протоколу следственного действия свою справку, где находят отражение личные впечатления и суждения специалиста о полноте, всесторонности и объективности имеющейся доказательственной информации.

Признавая опыт деятельности зарубежных правоохранительных органов достойным не только изучения, но и использования в нашей стране, предлагаем внести в уголовно-процессуальный кодекс изменения, позволяющие фиксировать в протоколах следственных действий суждения специалиста обо всех обстоятельствах, могущих иметь отношение к расследуемому событию (например, о времени происхождения тех или иных изменений, о механизме развития события, о модели транспортного средства, скрывшегося с места происшествия, о навыках водителя, участвовавшего в ДТП и т.п.)

До сих пор мнение специалиста, участвующего в следственном действии, остается «за кадром» и нередко утрачивается. Зафиксированное же в протоколе следственного действия суждение специалиста, допустим, о модели транспортного средства, участвовавшего в ДТП, может быть использовано

как оперативная информация для организации розыска скрывшегося автомобиля «по горячим следам». При необходимости специалист может быть впоследствии и допрошен по данному факту и дать свое заключение, в силу ст. 74 УПК РФ имеющего статус доказательства, где он вправе обосновать свои предварительные выводы о том или ином обстоятельстве, имеющем отношение к делу. Существующее же положение, как и ряд других, рассмотренных автором, не отвечает современным требованиям по защите законных прав граждан от преступных посягательств, о чем криминалисты говорят уже давно.

Как уже было отмечено, в мировой следственной практике эта проблема уже разрешена. Так, в Германии участники следственно-оперативной группы, выехавшие на место происшествия, составляют «Отчет об осмотре места происшествия или преступления», в котором отражают, помимо объективных сведений о месте происшествия, и суждения специалиста, например о времени совершения преступления, моменте наступления смерти и т.п.¹

Подобная фиксация результатов работы на месте происшествия, обыска, следственного эксперимента (во всех следственных действиях, где участвует специалист), дает основания в дальнейшем анализировать все обстоятельства, имеющие значение по делу. Насколько эта задача сложна, можно проиллюстрировать на примере фиксации следов, несущих информацию о времени их образования. Так, только специалист, увидев на транспортном средстве пятна подсохшей жидкости зеленого цвета, в определенных ситуациях, может диагностировать их не как остатки краски, а как следы крови, и более того, с учетом атмосферных и иных условий в состоянии определить время их образования; только специалист, обнаружив повреждения на кузове автомобиля, подвергшиеся незначительной коррозии, усомнится в правдивости показаний водителя о том, что он повредил лакокрасочное покрытие автомобиля несколько месяцев назад и т.п. Но, повторяем, российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает записи в протокол

¹ См.: Поль К.Д. Естественна-научная криминалистика. – М., 1985. – С. 88.

следственного действия чьи-либо суждения, в том числе и специалиста. В криминалистической литературе отмечается, что в этих случаях, например, при осмотре места происшествия, производства следственного эксперимента пояснения специалиста настолько переплетаются с паралингвистической обстановкой (топография местности, планировка помещений, местонахождение предметов и т.д.), что выделение в протоколе «чистых» пояснений затруднительно.

Понятно, что замечания специалиста, о которых шла речь в начале параграфа, являются возможностью лишь зафиксировать некоторые сомнения относительно времени образования тех или иных следов, и не более. Предложенный нами механизм использования этих сомнений в законе не оговорен. Иными словами, по нашему мнению, предлагаемая нами цепочка в виде: замечания в протокол следственного действия – заключение специалиста – доказательство – это лишь временная рекомендация по восполнению недостатка УПК РФ. В дальнейшем, как нам представляется, специалисту в законодательном порядке должно быть предоставлено право пользоваться возможностью фиксировать свои суждения относительно обнаруженного при осмотре места происшествия, в приложении к нему, которое в установленном порядке могло бы оцениваться как источник доказательства.

Отдельного упоминания, применительно к распознаванию и разоблачению инсценировок и фальсификаций доказательств, требуют различные письменные источники, происхождение которых может иметь различную природу. Они могут быть обнаружены при осмотре места происшествия (так нередко обнаруживаются так называемые «предсмертные записки», выполненные якобы непосредственно перед смертью человека, которую организаторы инсценировки пытаются представить как некриминальную), или могут быть представлены следователю иным путем (например, через защитника в руки следователя попадают документы, удостоверяющие алиби человека, чья причастность к преступлению проверяется).

Такие письменные материалы нередко являются весьма информатив-

ными при распознавании и разоблачении инсценировки и фальсификации. Эти документы могут касаться различных видов преступлений: убийств, краж, дорожно-транспортных преступлений и др. Методика определения времени исполнения письменных источников разработана достаточно подробно. На первоначальном этапе их изучает следователь, который определяет несоответствие времени изготовления и времени представления документы по цвету бумаги (если она выцвела), по состоянию бумаги (по протертым его сгибам), по цвету чернил (если они выцвели) и т.д. Гораздо большими возможностями располагает эксперт, который в большинстве случаев в состоянии определить как относительную, так и абсолютную давность исполнения документа.

В частности, при определении относительной давности эксперты, как правило, разрешают следующие вопросы:

- как давно произведена на представленном документе дописка?
- как давно уничтожена запись?
- в какой последовательности вносились в документ рукописный и печатный текст?
- что исполнено ранее: текст документа или подпись под текстом?
- не исполнены ли оттиски печати, штампа ранее имеющегося текста?
- выполнен ли текст документа во всех экземплярах одновременно, в одну закладку?
- не дописаны ли слова... Если да, то с каким разрывом во времени?

При определении абсолютной давности исполнения документов, эксперты исследуют содержание документа и его реквизитов, состав бумаги и материалы письма, что позволяет в ряде случаев сделать категорические выводы о временных характеристиках исследуемого документа.¹

Нередко весьма информативными документами о факте инсценировки, касающейся временных характеристик преступления, являются те, которые

¹ См.: Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях. Изд. 3-е доп. и перераб. – Калининград, 2004. – С. 165-167.

обнаружены на месте происшествия. Так, первичный документ, по которому в организацию поступили товары или денежные средства, может существовать без регистрации лишь непродолжительное время и оправдывать имеющиеся, но фактически неучтенные товары или деньги. После похищения товаров (например, их сбыта) или денег, факт существования оправдательного документа является компрометирующим преступника обстоятельством, и его уничтожают. Поэтому, если в ходе анализа хозяйственной деятельности предприятия или организации будет установлено, что процесс составления первичных документов и их регистрация (учет) значительно растянуты во времени и существенно отклоняются от нормативного порядка, то это, по мнению А.А.Хараева, может служить существенным основанием для более детального изучения той или иной характерной операции данного объекта оперативного обслуживания.¹

Следователь изучает обстановку с целью выявления признаков инсценировки и фальсификации не только при осмотре места происшествия, но и в ходе других следственных действий, где одним из предметов исследования является материальная обстановка, в частности, при обыске. Нередко и в ходе этого следственного действия следователь сталкивается с фальсификацией следов времени, например, обустройства тайника.

Общеизвестно, что обыск является сложным и специфическим следственным действием, в ходе которого следователь и другие участвующие в нем должностные лица осматривают и исследуют жилище, различные постройки, участки местности, одежду и даже тело человека с целью обнаружения информации, необходимой для расследования преступления, и где нередко доминирующим состоянием является процессуальное принуждение по отношению к обыскиваемому.

Рассматривая проблемы обыска, мы придерживаемся классификации его видов, предложенной А.Н.Васильевым, а именно: объектами обыска могут

¹ См.: Хараев А.А. Преодоление противодействия расследованию преступлений против собственности – Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. университет, 2004. – С. 25.

быть помещения, люди, участки местности.¹ Помимо этого считаем необходимым дополнить данную классификацию еще одним объектом – транспортным средством. Практика расследования ряда видов преступлений, в частности, контрабанды, свидетельствует о том, что автомобили достаточно часто используют в качестве средства контрабандного перемещения оружия, наркотиков, художественных ценностей.²

При расследовании такого специфического вида преступлений как контрабанда, именно распознавание признаков инсценировки нередко имеет важное значение для задержания курьера с наркотиками или оружием. Известно, что наркотики и оружие нередко скрывают в автомобиле, для чего тайники маскируются, т.е. инсценируется неприкосновенная заводская сборка автомобиля. Правоохранительные органы накопили достаточный объем материала, позволяющего после органолептического изучения автомобиля распознать признаки инсценировки целостности машины. Так, отличие одного из колес автомобиля по степени запыленности от других, позволяет выдвинуть версию о том, что это колесо длительное время находилось в багажнике, поэтому оно и не запылилось. Поставлено же оно на тормозной барабан непосредственно перед пересечением границы и должно быть снято после окончания процедуры пограничного и таможенного контроля. Следовательно, в нем может быть оборудован тайник с наркотиками. Нередко подобные предположения подтверждаются.³

Производство обыска в современных условиях значительно отличается от ситуаций, которые возникали в деятельности правоохранительных органов до 90-х годов XX века. Как верно заметил В.А.Образцов, теперь практически ни один случай выявления, раскрытия, судебного рассмотрения преступлений не обходится без преодоления подчас весьма серьезного сопротивления

¹ См.: Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. – М., 1981. – С. 41.

² См., например: Васенин О.Н., Мешков В.М. Раскрытие и расследование некоторых видов контрабанды: Научно-практическое пособие. – Калининград, 2003. – 52 с.

³ Там же. – С. 27.

со стороны преступников¹. Один из наиболее распространенных способов противодействия правоохранительным органам при производстве – это фальсификация обстановки места обыска с целью укрытия искомых предметов.

Главной особенностью обыска как отыскания скрытых (и чаще всего сознательно) объектов является то, что следователю известна поставленная цель (обнаружить искомый объект) при высокой степени неопределенности путей установления места искомого объекта. При этом действиям следователя по нахождению спрятанного всегда предшествуют действия лица, спрятавшего тот или иной объект, который умышленно создает обстановку, якобы свидетельствующую об отсутствии какого-либо тайника.

Для успешного проведения обыска по выявлению места сокрытия объекта (предметов и документов), следователь, как правило, осознает, что любой человек решает вопрос о сокрытии какого-либо объекта с учетом имеющихся практических возможностей для этого, особенностей объекта, профессиональных знаний и личностных психологических особенностей.

В этой связи ряд авторов советуют воспользоваться методом “*рефлексии*” (с лат. reflexio – обращение назад) – т.е. поставить себя в положение обыскиваемого (*как бы сделал я на его месте*), учитывая при этом его образование, характер, привычки, интересы². Считаем данную точку зрения весьма спорной, которая, на наш взгляд, может привести к ошибке, и солидарны с мнением других авторов, утверждающих, что следователю «надо думать не о том, как он действовал бы сам в данной ситуации, а о том, как должен был действовать обыскиваемый³».

¹ См.: Образцов В.А. Криминалистика: курс лекций. – М., 1996. – С. 48.

² См., например: Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987. – С. 112; Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 1998. – С.341.

³ См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967. – С. 232; Подголин Е.Е. Тактика следственных действий. – Л., 1975. – С. 29; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. 1997. С. 189-190. Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. – М., 1997. – С. 88.

Представляется, что наиболее рациональным методом использования рефлексии при обыске является его сочетание с методом оценки обстановки объекта обыска с учетом фактических данных, которые могут указывать на местонахождение искомых предметов с различной степенью определенности. Как справедливо замечено в криминалистической литературе, это могут быть и прямые указания, но чаще всего имеющиеся данные являются косвенными доказательствами.¹ Такими фактическими данными являются данные, полученные в результате анализа изменений объекта во времени. Иными словами, рефлексивное мышление как поиск путей решения задачи по обнаружению искомого предмета должен опираться на значения о закономерностях изменения объектов материального мира под влиянием времени.

Распознавание фальсификаций обстановки места обыска может быть основано на умении распознавать фальсифицированные следы времени и на данных, полученных оперативно-розыскным путем. Как свидетельствует следственная практика, основная масса тайников обнаруживается вторым путем, то есть на основании оперативно-розыскной информации. В таких ситуациях следователь еще до начала обыска располагает информацией о месте нахождения тайника и основной его задачей при обыске является зашифровка источника получения сведений о тайнике. Поэтому такие ситуации в настоящем исследовании рассматриваться не будут. Наша задача – систематизировать данные о создании на месте обыска таких фальсификаций, распознавание которых требует знаний об особенностях отражения течения времени материальным миром.

Следует отметить, что проблема использования знаний о закономерностях изменений объектов под воздействием течения времени при производстве обыска не является абсолютно новой. Некоторые ее аспекты были рассмотрены в криминалистической литературе. Так, А.Р.Ратинов в качестве

¹ См.: Денисюк С.Ф., Шепитько В.Ю. Обыск в системе следственных действий. – Харьков, 1999. – С. 58.

тактического приема при обыске рассматривает сопоставление отдельных участков помещения или других объектов. В результате такого сравнения наглядно выступает асимметрия, неоднородность окраски и оклейки, отсутствие свойств, присущих другим таким же предметам и участкам (например, отсутствие пыли и грязи).¹ Все это косвенно свидетельствует о разновременности выполнения работ.

Как верно отмечено в криминалистической литературе, сведения о времени в ходе обыска используются двояко:

- как средство отыскания тайника на основе обнаружения временных связей между элементами вещной обстановки на месте обыска и фактами преступной деятельности;
- как средство проверки факта связи обнаруженного предмета с преступной деятельностью.²

Правильная оценка разновременности выполнения каких-либо работ в одном помещении или на участке местности способствует обнаружению различных тайников. Существует три основных пути обнаружения замаскированных хранилищ:

- органолептический;
- экспериментальных проверок;
- с использованием технико-криминалистических средств.

Первый путь, органолептический, т.е. с использованием только органов чувств следователя, позволяет обнаружить признаки разновременности выполнения каких-либо работ, косвенно свидетельствующих об оборудовании тайника. Это могут быть:

- свежая кирпичная кладка участка стены;
- свежеокрашенный кусок стены в помещении;
- свежепоклеенные обои на стене;

¹ См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967. – С. 235.

² См. подробнее: Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях. – Калининград, 1999. – С. 115-116.

- не покрашенные шляпки гвоздей в полу, стенах, остальная поверхность которых имеет окраску;
- участок свежевспаханной земли;
- недавно посаженные деревья, в отличие от всей остальной обстановки на территории сада;
- густая трава на лугу может свидетельствовать о захоронении трупа;
- вновь сложенные поленницы дров или переставленный на новое место стог сена и т.п.

Для проверки предположений о разновременности выполнения ряда работ как косвенного признака оборудования тайника при обыске нередко применяют так называемые экспериментальные проверки, например:

- подозрительные участки стены, потолка, пола, мебели и пр., простукивают, выявляя разницу между производимыми стуками;
- заинтересовавшие следователя участки местности проливают водой, по степени ее впитываемости в землю проверяя возможность обустройства тайника;
- перекладывают поленницы дров или стога сена, которые сложены незадолго до производства обыска, в отличие от других аналогичных стогов сена и поленниц, которые, судя по внешним признакам, были сложены относительно давно.¹

В ряде случаев для проверки своих предположений следователь использует техничко-криминалистические средства, которые также помогают выявить признаки разновременности выполнения отдельных работ. Так, наиболее часто используют переносные ультрафиолетовые осветители, которые позволяют обнаружить хранилища под переклеенными обоями, под слоем свежей штукатурки; с помощью щупа нередко проверяют участки земли с целью обнаружения более рыхлой почвы, которая, как правило, остается на месте оборудования подземного хранилища.

¹ См., подробнее: Михайлов А.И., Юрин Г.С. Обыск. – М., 1971; Леви А.А., Михайлов А.И. Обыск. – М., 1983; Закатов А.А., Ямпольский А.Е. Обыск. – Волгоград, 1983.

Существенное значение для обнаружения тайника при обыске на основании анализа времени выполнения отдельных видов маскировочных работ на исследуемых объектах имеет знание факта, как часто используются предметы поиска. Различают так называемые постоянно действующие и временные тайники. В первом случае предметы укрываются на расчете на несколько лет их не использования. Так нередко прячут оружие. Например, некто Н. в 1969г. нашел винтовку, из которой изготовил обрез, который свыше 30 лет хранил в тайнике на чердаке своего дома до 2000 года, вплоть до совершения с его использованием хулиганских действий¹. Во втором случае устроитель тайника рассчитывает на использование спрятанного объекта уже в ближайшее время. Таким способом розничные торговцы наркотиков прячут заранее расфасованные дозы наркотиков для потребителей. Например, фактически в данной ситуации была разоблачена цыганка В., успевшая в ходе обыска при переходе следственно-оперативной группы из одной комнаты обыскиваемого помещения в другую, выбросить на пол пакет с наркотическим веществом.²

В зависимости от функционального значения тайника, частоты его использования, времени обустройства, его признаки имеют и различный внешний вид, диагностировать который возможно с учетом влияния временного фактора. На некоторые из подобных признаков криминалисты уже обращали внимание. Так, отсутствие паутины в части подвала дома заставило следователя более тщательно провести обыск этого участка и обнаружить спрятанную банку с золотыми монетами.³

Таким образом, подводя некоторые итоги изложенному в параграфе, можно отметить, что распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций, направленных на ложное представление у следователя о временных

¹ См.: Войнов В.В., Мешков В.М. Правовые и криминалистические аспекты преступной деятельности в сфере незаконного оборота оружия: Научно-практическое пособие. – Калининград, 2001. – С. 51.

² См.: Дацюк В.П., Мешков В.М., Соколов А.Н. Особенности противостояния незаконному обороту наркотиков в Псковской области. – Калининград-Псков, 2000. – С. 47.

³ См.: Филиппов А.Г. Первоначальные следственные действия по расследованию хищений государственного или общественного имущества, совершенных путем присвоения, растраты или путем злоупотребления служебным положением. – М., 1072. – С. 54.

характеристиках расследуемого события, в ходе следственного осмотра и обыска, хотя и непростой, но вполне выполнимый процесс. Для его оптимизации необходимо:

1. В протоколе осмотра места происшествия фиксировать суждение специалиста, участвовавшего в следственном действии, и согласно ст. 166 УПК РФ имеющего право вносить в протокол следственного действия замечания, свои суждения относительно обнаружения признаков инсценировки. Впоследствии это позволит в установленном законом порядке (ст. 80 УПК РФ) получить от специалиста его заключение, которое является доказательством по делу, что явится основанием для проверки изложенного специалистом факта. В последующем целесообразно законодательно закрепить право специалиста фиксировать свои суждения в протоколе осмотра места происшествия, как это делается в большинстве цивилизованных стран.
2. Необходимо организовать обобщение видов и способов инсценировок, систематизировав их либо по конкретным составам преступлений (убийство, кража, ДТП), либо по видам преступлений: корыстная, насильственная и иная преступность. Обобщением подобных фактов целесообразно заниматься Главному информационному центру МВД России, как наиболее подготовленной к этому структуре. Подобные факты уже систематизируются пограничными и таможенными органами по отношению к организации тайников на автомобилях при транспортировке наркотиков.

§ 2. Распознавание и разоблачение ложной информации о времени в ходе допроса и очной ставки

При расследовании преступления следователь нередко обязан преодолеть противодействие заинтересованных лиц, которые умышленно искажают информацию о расследуемом преступлении. Помимо инсценировки, с разоблачением которой следователь имеет дело в ходе осмотра места происшествия, активное противодействие охватывает и сферу так называемых вербальных следственных действий – от допроса до проверки показаний на месте, где допрашиваемый нередко умышленно вводит следователя в заблуждение, аргументируя свою версию развития события. При этом одной из задач следователя является налаживание психологического контакта, позволяющего обнаружить в памяти допрашиваемого «следы памяти», которые несут первоначальную информацию о даче ложных показаний. Это весьма непростая задача, поскольку психические следы нестабильны, подвижны, изменчивы, фрагментарны, имеют тенденцию к «стиранию».¹

Признавая сложность обнаружения «следов памяти», следует отметить особую сложность установления на их основе информации о времени, поскольку человек не располагает определенными рецепторами, позволяющими ему оценивать течение времени, а потому следователь должен избрать такие тактически грамотные приемы допроса, которые позволяют вовлечь допрашиваемого в активное взаимодействие по установлению временных характеристик исследуемого события.

Проблема проверки показаний о времени существовала еще на заре зарождения криминалистики как науки. Впервые в отечественной науке на это обстоятельство обратил внимание выдающийся юрист И.Т.Посошков (1652-1726), который предлагал детализировать показания лжесвидетелей,

¹ См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М., 1996. – С. 181.

чтобы получить дополнительные данные для их изобличения.¹ Как нам представляется, детализация показаний необходима для того, чтобы выстроить логическую цепочку развития преступления во времени, последовательно – от рождения замысла до его реального осуществления.

Существенное значение для получения правдивой информации о времени на допросе имеют подготовительные мероприятия, и в том числе выбор времени производства допроса, когда учитывают два критерия: субъективный и объективный. К субъективному критерию относится состояние «готовности» к допросу следователя. Перед сложным допросом он должен находиться в хорошей «форме»; он должен привести себя в состояние, которое гарантировало бы ему свободное владение всеми материалами дела, успешное наблюдение за психикой допрашиваемого лица и управления этой психикой в рамках закона с целью создания психического состояния, способствующего даже наиболее полных и достаточно правдивых показаний. Следователь должен также успешно осуществлять самоконтроль собственного психического состояния во время допроса.

Объективный критерий готовности к допросу – это полное и глубокое изучение следователем материалов дела, разработка на базе этого изучения всех версий, которые следует проверить при допросе данного лица, составление подробного плана допроса, изучение личности допрашиваемого и, наконец, техническая готовность следователя к допросу.²

Признавая значимость вышеизложенных факторов, следует отметить еще один аспект допроса, целью которого является получение достоверной информации о времени развития преступления. Этот аспект касается так называемого «чувства времени», которым должен обладать допрашивающий, желающий уяснить сущность информации, содержащей сведения о времени. Понятно, что без «чувства времени» не может состояться настоящий следователь, поскольку при расследовании любого преступления он обязан

¹ См.: Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. – М., 1951.

² См.: Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. – М., 1996. – С. 181.

выполнить требования ст. 73 УПК РФ, устанавливающей обязанность доказывать, наряду с другими обстоятельствами и время совершения преступления.

Как верно заметил А.Б.Соловьев, в большинстве ситуаций расследования известная неточность свидетеля при определении промежутков времени не играет решающего значения. Иное дело при расследовании быстротечных событий, когда точное определение малых отрезков времени имеет решающее значение для решения вопроса об уголовной ответственности в таких случаях от следователя требуется установление времени с точностью до секунды, а иногда до долей секунды.¹

Получение от допрашиваемого объективных сведений о времени – непростой процесс, поскольку сообщаемые сведения обычно не содержат прямых данных, например, о длительности события. Эти данные достаточно скрытые. Выслушивая показания допрашиваемого о временных параметрах преступной деятельности, следователь воспринимает из всей массы информации лишь ту ее часть, которая несет потенциальную информацию об интересующих его обстоятельствах события, имеющих значение для дела. Уровень познания сообщаемых сведений зависит не только от личных качеств допрашиваемого лица, но и от профессиональных возможностей следователя по рациональной обработке полученных сведений².

Изучение следственной практики свидетельствует о том, что значительная часть ложной информации о временных характеристиках преступления поступает к следователю в ходе допроса и очных ставок. При этом, по вполне понятным причинам (в частности, желая избежать ответственности за совершенные деяния), наиболее часто ложные сведения о времени сообщают подозреваемые и обвиняемые. Вместе с тем, нередко подобную недостоверную информацию сообщают следователю свидетели и потерпевшие, руководствуясь при этом разными мотивами: от желания помочь подозреваемому (обви-

¹ См.: Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. – М., 1974. – С. 30.

² См. подробнее: Мешков В.М. Получение временной информации в ходе вербальных следственных действий: Лекция. Ниж.Новгород, 1994. - С. 16-18

няемому) уклониться от уголовной ответственности, до выполнения требований представителей криминального мира о даче ложных показаний. Иными словами, в ходе проведения вербального следственного действия нередко возникают так называемые конфликтные ситуации, когда допрашиваемый:

- располагает полными и объективными сведениями о временных характеристиках преступления, но умышленно скрывает ее, не желая в полном объеме сообщить их следователю;
- обладает только частью сведений о времени преступления, но в ходе допроса (очной ставки) умышленно искажает ее, стремясь заполнить «белые пятна» своими домыслами и выдумками;
- обладает сведениями о времени расследуемого преступления, но в силу своих физических или психических дефектов не в состоянии правильно передать информацию следователю;
- не знает о тех временных характеристиках преступления, которые являются целью допроса, но следователь ошибочно воспринимает его показания как стремление уклониться от дачи показаний.

В последнем случае фактически инициатором конфликта становится сам следователь, не сумевший отличить бесконфликтную ситуацию на допросе от конфликтной. Как совершенно верно заметил П.П. Тыщенко, бесконфликтность ситуации ещё не гарантирует полной откровенности и допрашиваемый может добросовестно заблуждаться, ошибаться, неправильно понимать сущность событий и т.д.¹. Однако упорство следователя в получении информации о времени от лица, таковой не располагающей, в конечном счете, может привести к так называемой строго конфликтной ситуации допроса².

Понятно, что в бесконфликтной ситуации на допросе нет необходимости применять разработанные криминалистикой тактические приемы. Следователь, как правило, ведет допрос в форме беседы, при необходимости задавая

¹ См.: Тыщенко П.П. Тактика и психологические основы допроса (опроса). - Домодедово. 1997. - С.7

² См.: Замылин Е.И. Психологические основы и тактика допроса в конфликтной ситуации: Автореферат дис.... к.ю.н. - Волгоград: Волгоградский ЮИ МВД России. 1998.

уточняющие вопросы, с помощью которых и получает достаточно полную информацию о развитии во времени преступления. Поэтому одной из целей настоящего исследования является систематизация имеющихся криминалистических приемов распознавания ложной информации о времени в ходе вербальных следственных действий и выработка следственных комбинаций, позволяющих изобличать лиц, дающих ложные показания о времени.

Проблемы тактики допроса в отечественной науке изучаются достаточно давно, поскольку “следователю приходится преодолевать очень большие трудности, с которыми он сталкивается при расследовании уголовного дела. Наиболее значительные трудности обычно создаются теми участниками процесса, которые противодействуют следователю в установлении истины, стараются направить расследование на ложный путь¹...”

К сожалению, в следственной практике нередко факты, когда допрашиваемые по тем или иным мотивам сообщают ложную информацию об интересующих следователя событиях. Распознать ложную информацию помогает анализ множества мелких деталей, которые никто из допрашиваемых не может заранее обдумать.²

В криминалистической литературе принято изучать причины дачи ложных показаний в зависимости от процессуального положения допрашиваемого. Мы в принципе, согласны с подобной постановкой вопроса, однако считаем, что для получения более значимых результатов необходимо не производить отграничения свидетеля от потерпевшего и подозреваемого от обвиняемого, поскольку основные мотивы дачи ложных показаний этих категорий допрашиваемых, как правило, совпадают. В подтверждение этого можно привести часть классификации, предложенной А.Н. Порубовым.³ По его мнению, мотивы дачи ложных показаний свидетелей и потерпевших различаются, однако при их ближайшем сравнении оказывается, что фактически все ос-

¹ См.: Строгович М.С. Признание обвиняемым своей вины как судебное доказательство. - М., 1982. - С.25-26.

² См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И. Эминов В.Е. Указ. работа. – С. 182.

³ См.: Порубов А.Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. – Минск, 2002. – С. 24-25.

новные причины совпадают. Для удобства мы излагаем эти мотивы в виде таблицы.

Мотивы, по которым свидетели дают ложные показания (по А.Н.Порубову)	Мотивы, по которым потерпевшие дают ложные показания (по А.Н.Порубову)
Боязнь мести со стороны подозреваемого или обвиняемого	Неверие в возможности органов дознания и предварительного следствия обеспечить личную охрану
Желание помочь виновным в силу дружеских или родственных отношений избежать наказания или смягчить вину и т.п.	Желание зализать причиненный материальный ущерб в силу дружеских в прошлом, родственных или семейных отношений (вероятно, А.Н.Порубов имел в виду подозреваемых или обвиняемых — вставка моя — АШ)
Стремление скрыть свои собственные неблагоприятные поступки, аморальное поведение, трусость	Желание скрыть собственное неблагоприятное поведение, источник приобретения утраченных ценностей.

Как мы видим, даже по классификации, данной А.Н.Порубовым, мотивы дачи ложных показаний свидетеля и потерпевшего, в основном совпадают. Различия в них достаточно условны, поэтому и рассматривать мотивы дачи ложных показаний целесообразно, объединив разные по процессуальному статусу фигуры свидетеля и потерпевшего, а также подозреваемого и обвиняемого.

Наша точка зрения о мотивах дачи ложных показаний свидетелем или потерпевшим в ситуациях, когда допрашиваемый располагает полными и объективными сведениями о временных характеристиках преступления, но умышленно скрывает ее, не желая в полном объеме сообщить их следователю, отличается от мотивов, обозначенных А.Н.Порубовым. Представляется, что побудительными мотивами свидетеля (потерпевшего), дающего ложные показания о времени, являются следующие:

- а) нежелание портить отношения с подозреваемым, который является либо его родственником, либо соседом, либо сослуживцем;
- б) боязнь мести со стороны подозреваемого (обвиняемого) или со стороны

представителей криминального мира;

в) стремление скрыть собственные неблагоприятные поступки;

г) стремление получить определенное вознаграждение от подозреваемого (обвиняемого), которому он, например, подтвердил (создал) ложное алиби;

д) нежелание помогать следователю в установлении истины по делу.

Предлагая свою классификацию побудительных мотивов свидетеля (потерпевшего) на дачу ложных показаний о времени, мы отдаем себе отчет в том, что и наша классификация достаточно условна, и эти мотивы могут многократно увеличиться, и переплестись между собой. Поэтому мы совершенно согласны с мнением Е.М.Лившица о том, что проблема выявления ложных показаний свидетелей как один из способов сокрытия преступления весьма сложна и многообразна¹. В то же время, как нам представляется, мы в своей классификации определили основные мотивы, из-за которых следователь не получает от свидетелей (потерпевших) правдивых показаний.

Мотивы дачи ложных показаний о времени подозреваемым (обвиняемым) несколько иные, в частности:

а) желание избежать уголовной ответственности за совершенное преступление;

б) желание преуменьшить свою вину;

в) желание «взять вину на себя», содействуя освобождению соучастников от уголовной ответственности;

г) желание наоборот, оговорить соучастников (либо невиновных лиц) в совершении того преступления, которое фактически совершил сам;

д) желание оговорить себя в совершении преступления, к которому он не причастен. Конечной целью при этом нередко является получение вознаграждения от представителей криминального мира.

Криминалистикой разработаны приемы проверки показаний и изобличе-

¹ См.: Лившиц Е.М. Ложные показания свидетелей как способ сокрытия преступления: Способы сокрытия следов преступлений и криминалистические методы их установления. Сб.трудов. – М., 1984. – С. 66.

ния во лжи, к числу основных С.К.Побережный отнес следующие:

- 1) Умалчивание об отдельных известных следствию обстоятельствах и проявление интереса к мелким, второстепенным фактам, что создает у допрашиваемого преувеличенное представление об осведомленности следователя.
- 2) Создание условий, при которых у допрашиваемого создается мнение, что следствие располагает всем объемом доказательств по данному делу; что может достигаться:
 - постепенным предъявлением проверенных доказательств, между которыми требуется установить связь;
 - умалчиванием до определенного времени известных следователю фактов;
 - постановкой вопросов о второстепенных деталях;
 - предъявлением главного доказательства;
 - временным оставлением допрашиваемого в неведении относительно действий следователя.
- 3) Применение тактических комбинаций в допросе, построенных на последовательности задаваемых вопросов, предъявлении доказательств, материалов дела, аудио- и видеозаписей, использование эмоционального состояния допрашиваемого и постановка неожиданных, так называемых «вопросов в лоб».
- 4) Демонстрация допрашиваемому научно-технических возможностей следствия объективно установить какие-либо скрываемые им обстоятельства дела независимо от его показаний¹.

Применительно к разоблачению лиц, дающих ложные показания о времени совершения преступления, в криминалистике комплексных исследований не проводилось. Исключение составляет лишь один аспект: разоблачение ложного алиби, изучением которого занимались В.Д.Зеленский и Н.В.Кручина².

Проблемы ложного алиби рассмотрены и И.Кертэсом, который

¹ См. подробнее: Побережный С.К. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии. Дис.... к.ю.н. – Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2000. – С.

² См.: Зеленский В.Д. Вопросы проверки алиби. – М., 1972; Кручина Н.В. Вопросы теории и практики проверки алиби. – Иркутск, 1982.

справедливо отметил, что опытные преступники иногда до совершения преступления или чаще всего после этого, но до ареста готовятся к доказыванию своего алиби. Преступник в предыдущее или последующее за преступлением время проводит часть дня с лицом, находящимся вне подозрения. Он рассчитывает на то, что с течением определенного времени этот человек, не запомнив дату встречи, будет давать одинаковые с ним показания и подтвердит алиби.¹

Как правило, заявление ложного алиби характерно для подозреваемых и обвиняемых, отрицающих свою причастность к преступлению. Однако нередко инициаторами выступает другие, на первый взгляд посторонние лица, которые могут преследовать определенные цели, например, освободить от уголовной ответственности своего друга, супруга, соседа, клиента (если речь идет о взаимоотношениях адвокат-обвиняемый и т.п.).

Для этого нередко искусственно создают целую систему улик, затрудняющих определение времени совершения преступления, уничтожают или фальсифицируют следы преступления, подготавливают так называемых «подставных» свидетелей, готовых засвидетельствовать нахождение подозреваемого в момент совершения преступления в другом месте и т.п. При этом допрашиваемый либо ссылается на вымышленные события, либо говорит о событиях, действительно имевших место, но перемещенных во времени таким образом, чтобы они совпадали со временем совершения преступления. Разоблачая ложные показания о времени, следователь решает две взаимосвязанные задачи:

- выясняет, имело ли место событие, на которое ссылается допрашиваемый;
- при его подтверждении, уточняет, не перемещено ли оно во времени.

В ходе исследования алиби выясняется:

- где конкретно находился заявивший об алиби в момент совершения преступления и чем он занимался в это время;
- откуда, с кем, с какой целью туда прибыл, когда, с кем, и в связи с чем, в

¹ См.: Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса. – М., 1965. – С. 68.

какое время покинул это место, какой период времени находился в этом месте;

- кого он там видел, в какой обстановке, кто его видел, с кем вступал в контакт, что делали те, кто находился в этом месте;
- на фоне каких природно-климатических явлений протекало его пребывание на месте, какие события социального характера происходили в месте пребывания и за его пределами;
- кому, помимо непосредственных очевидцев, было известно о намерении побывать на данном месте, в данное время, кому и каким образом стало известно, что он там находился;
- с помощью каких фиксированных носителей информации может быть подтвержден исследуемый факт алиби и т.п.¹

Начиная работу по разоблачению ложного алиби, а впоследствии и по изобличению виновного лица, следователь обязан выбрать именно тот момент времени, с которого необходимо вести отсчет всех остальных временных характеристик. Такой момент времени в ходе допроса устанавливают путем:

- подробного допроса по всем обстоятельствам заявленного алиби и тщательной фиксации хода допроса;
- постановки детализирующих вопросов по всем обстоятельствам, что позволяет составить временные шкалы действий всех лиц, каким-то образом вовлеченных в преступную деятельность;
- предъявления документов, предметов, иных объектов, опровергающих ложные показания о времени преступления.

Последующий анализ зафиксированных в установленном порядке показаний позволяет следователю спланировать проведение повторного допроса этого же лица спустя несколько суток, в ходе которого:

- во-первых, проверяется достоверность ранее данных показаний относи-

¹ См.: Образцов В.А., Кручинина Н.В. Преступление. Расследование. Проверка достоверности информации. – М., 2002. – С. 103.

тельно последовательности и длительности расследуемых событий;

- во-вторых, проверяется осведомленность лица, заявившего ложное алиби о тех обстоятельствах, которые ему должны быть известными;
- в-третьих, принимаются меры по выявлению «преступной осведомленности» о тех событиях, которые, по версии допрашиваемого, ему не могут быть известными;
- в-четвертых, используются такие тактические приемы, которые позволяют опровергнуть алиби на основании хронологических «нестыкровок» и т.п.

Нередко следователь не ограничивается повторным допросом лица, дающего ложные показания о времени, а проводит ряд следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, образующих в своей совокупности определенную следственную комбинацию, целью которой является распознавание ложных показаний, и как следствие, установление истины по делу.

Вопросы следственной тактики и психологического анализа допроса широко раскрыты в трудах отечественных учёных. Так, один из основоположников судебной психологии А.Р.Ратинов справедливо отметил, что преступник всеми силами активно противодействует следователю. На какие только ухищрения не пускается он: хитрость, шантаж, ложь, обман, клевета, фальсификация, подкуп – арсенал его средств фактически не ограничен ничем. Поэтому мысль следователя в процессе работы должна не только отражать и направлять его собственные действия, но и постоянно соотноситься с интеллектуальной деятельностью всех участников дела и причастных к делу лиц.¹

Криминалистами разработана система тактических приемов, позволяющих достаточно эффективно производить вербальные следственные действия. Особый интерес представляет разделение тактических приёмов, предложенное Р.С. Белкиным и Е.М. Лифшицем, по их характеру и направленности на три группы: приёмы эмоционального воздействия, приёмы логического воздействия и тактические комбинации (рефлексивные, обеспечи-

¹ См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 2001. – С. 62.

вающие и контрольные)¹. Коротко рассмотрим эти группы тактических приемов.

Приемы эмоционального воздействия (иное название – психологические приемы) основаны на умении следователя в пределах, допускаемых законом, воздействовать на допрашиваемого, и убеждать его в необходимости дачи правдивых показаний. Приемы эмоционального воздействия не должны превращаться в психическое насилие, проблемы которого достаточно полно исследовал А.Р.Ратинов². Эти приемы используются исключительно с учетом психических качеств допрашиваемого, и могут быть основаны на следующих методах:

- изобличения (сущность которого – активное воздействие на допрашиваемого путем демонстрации несостоятельности его показаний);
- убеждения (основа которого состоит в целенаправленном воздействии на эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы допрашиваемого с целью активизации его положительных качеств);
- эмоционального воздействия (сущность которого состоит в создании таких условий, в которых происходит резкое изменение эмоционального отношения допрашиваемого к расследуемому событию, к его последствиям, к его жертвам и т.п.).

Как показывают результаты изучения следственной практики, приемы, основанные на эмоциональном воздействии на допрашиваемого, в некоторых случаях позволяют установить время совершения преступления, но их использование фактически не отличается от аналогичных приемов, используемых, например, для установления места совершения преступления, орудий преступления, местонахождения похищенного и прочих атрибутов преступления. Однако следующая категория тактических приемов, используемых на допросе, имеет четко выраженную специфику при установлении временных характеристиках преступления. Речь идет о тактических приемах, основан-

¹ Белкин Р.С., Лифшиц Е.М. Тактика следственных действий. - М., 1997. - С. 116-122.

² См. подробнее: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. – М., 1967.

ных на положениях формальной логики.

В ходе допроса, имеющего своей целью установить время события преступления, достаточно часто используются приемы логического воздействия, в основе которых лежат такие логические категории, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия и др. Известно, что время в макромире имеет одно неоспоримое свойство – свойство однонаправленности, что позволяет оценивать сообщаемую информацию одновременно с двух позиций: логической и хронологической. Иными словами, допрашиваемому предлагается изложить известные ему события и факты в логической последовательности, которую проверяют, как с позиции формальной логики, так и с точки зрения необратимости течения времени.

Именно логический анализ позволяет диагностировать ложную информацию о времени при допросе, исходя из свойства однонаправленности времени. Как верно отмечено в криминалистической литературе, развернутое показание должно состоять из трех примерно равнообъемных частей. Первая – что предшествовало расследуемому событию. Вторая часть – описание возникновения самого расследуемого события. Третья часть – описание того, что произошло после этого события. Если подсчитать количество строк в протоколе допроса, то равное их количество обо всех трех частях свидетельствует о том, что показание правдиво. В конкретном случае при расследовании пожара следователь убедился, что в показании текст, отражающий первую часть, составляет 59 %, вторую часть – 28,5 %, третью часть – 12,5 %. Это вызвало подозрение в том, что потерпевший от пожара сообщил неправду, что впоследствии и подтвердилось.¹ Иными словами, при даче ложных показаний о времени, информация в них содержащаяся, будет отклоняться от логики протекания события во времени.

Существенное значение при избрании эффективных тактических приемов при допросе, и последующей их корректировке, в зависимости от

¹ См.: Образцов В.А. Кручинина Н.В. Указ. работа. – С. 51-52.

складывающейся ситуации, имеют знания следователя об особенностях использования рефлексии. В криминалистической энциклопедии рефлексия определена как база для предвидения поведения и действий участников уголовного процесса, противодействующих расследованию, а также основанием для разработки и выбора тех или иных тактических приемов и т.д.¹ Видимо, данное определение касается только одной стороны уголовного процесса – обвиняющей, т.е. относится только к следственной деятельности. Для своего времени это было совершенно точное определение, но с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса в 2001 году создается впечатление, что данное определение несколько устарело. И дело не только в том, как верно подметил А.Н.Порубов, что «лгущий допрашиваемый старается определить умение распознать ложь»², но и в том, что интересы подозреваемого (обвиняемого) обеспечены такой мощной защитой, справиться с которой порой следователь не в состоянии. Для примера можно привести лишь один факт: интересы Саддама Хусейна, бывшего диктатора Ирака готовы защищать 600 лучших адвокатов мусульманского мира. Поэтому и в России, которая официально признала международные уголовно-процессуальные нормы, должны быть готовы к тому, что следователю будут противостоять сотни защитников подозреваемого (обвиняемого), способных, используя рефлексию, заранее просчитывать ход мыслей и действий следователя.

К рефлексивным можно отнести такие тактические приемы, как «допущение легенды» и «детализация показаний», которые очень тесно взаимосвязаны. Используя оба приема, следователь предвидит дальнейшее поведение допрашиваемого, который в случае дачи ложных показаний о времени, при повторном их изложении на допросе обязательно что-то перепутает, и в первую очередь последовательность им самих придуманных событий, что и позволит применить более наступательный план повторного допроса, в ряде случаев помогающий установить истину по делу.

¹ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000. – С. 189.

² См.: Порубов А.Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. – Минск, 2002. – С. 29.

При использовании приема «допущение легенды» следователь всем своим видом создает впечатление у допрашиваемого в том, что верит его показаниям, то есть не только принимает легенду, но и по возможности детально фиксирует ее в протоколе допроса. Иными словами, фактически одновременно с допущением легенды следователь использует и второй тактический прием, основанный на детализации показаний. Особому вниманию подвергаются те события или факты, которые позволяют установить временные характеристики преступления, определить их начало, длительность, последовательность и окончание. Если интересующие следователя события или факты были придуманы допрашиваемым, то при последующем допросе, как правило, проявляются «нестыковки» во времени, поскольку невозможно дважды одинаково изложить ложную информацию. Эти тактические приемы используются в тех случаях, когда следователь располагает достаточным временем для проверки первичных ложных показаний допрашиваемого.

В тех же случаях, когда следователь работает в условиях острого дефицита времени, что наиболее характерно для первоначального этапа расследования преступления, нередко успех приносит иной тактический прием, в основе которого лежит неожиданное для допрашиваемого прерывание изложения его ложной версии о событии и предъявление ряда доказательств, свидетельствующих о ложности его сообщений о развитии преступления во времени. Такой прием в криминалистике именуется как «пресечение лжи». К использованию данного приема следователь готовится заранее, предугадывая аргументы допрашиваемого и взвешивая собственные контраргументы, разоблачающие ложные показания. Как правило, контраргументы следователя логически выверены и построены на единой временной шкале, позволяющие, например, проследить последовательность действий допрашиваемого в интересующий следователя временной интервал. Для наглядности своих рассуждений следователь нередко использует графики, схемы, где зафиксированы и уже установленные периоды деятельности допрашиваемого, и так называемые «белые пятна», то есть временные интервалы, о которых допрашивае-

мый дает ложные показания.

На этом этапе допроса следователь фактически переходит к использованию нового тактического приема «создание незаполненности», который наиболее эффективен в тех ситуациях, когда следователь располагает рядом сведений, освещающих отдельные эпизоды преступной деятельности, но ему еще не ясен весь механизм развития преступления во времени. Поэтому следователь, используя имеющиеся у него данные, которые не оспариваются допрашиваемым, привлекает последнего к совместному анализу как логики события, так и его хронологии, выделяя «белые пятна» в его показаниях, и предлагая объяснить их. Этот тактический прием, как правило, вызывает у допрашиваемого желание объяснить, что же происходило в те временные интервалы, которые еще «не заполнены» его показаниями. В зависимости от ситуации допрашиваемый, пытаясь внести коррективы в свои нелогичные показания, либо дает правдивые пояснения и приводит события и факты в соответствие с их хронологическим порядком, либо замыкается в себе и уходит от вербального контакта, либо продолжает настаивать на правильности своих показаний, аргументируя их все новыми и новыми подробностями. Последние вновь подлежат занесению в протокол допроса для последующего анализа и разработки новых тактических приемов, направленных на их проверку.

Продолжая рассматривать тактические приемы, направленные на получение правдивой информации о времени события преступления, следует особо отметить, что в чистом виде применение только эмоциональных или логических приемов невозможно. Все они в большей или меньшей степени взаимосвязаны друг с другом и порой не позволяют четко определить, что же послужило причиной успешного допроса: удачно выбранное эмоциональное воздействие на допрашиваемого, или логичность мышления следователя, четко рассчитавшего, когда, в какой момент времени предъявить допрашиваемому то или иное доказательство. К числу таких приемов относятся тактические приемы, основанные на использовании фактора внезапности.

Так, для изобличения во лжи следователь нередко использует тактиче-

ские приемы, основанные на применении фактора внезапности, когда речь допрашиваемого, дающего ложные показания о времени, внезапно прерывают и внезапно предъявляют доказательство, полностью опровергающее все вымыслы допрашиваемого. Это нередко позволяет разрушить заготовленную допрашиваемым систему ложных ответов и вызывает у него стрессовое состояние. Допрашиваемый затрудняется связать внезапно предъявленное доказательство с тем сценарием развития преступления во времени, который он придумал и поэтому либо перестает давать показания, либо вынужден правдиво осветить интересующие следователя события.

Другой тактический прием, также способствующий получению объективной информации о времени развития механизма преступления, состоит в последовательном предъявлении допрашиваемому изобличающих его во лжи доказательств. Этот прием используется в тех ситуациях, когда необходимо добиться постепенного нарастания психического напряжения у лгущего допрашиваемого. Таким образом, как правило, разоблачаются показания об инсценировках на местности, о ложном алиби и т.п. Выполняя данный тактический прием, следователь должен в разумной мере использовать как эмоциональные, так и логические приемы получения информации, в частности, такие, которые не позволяют допрашиваемому изменить свои показания без потери логичности в их изложении. Например, имея в наличии следы пальцев рук допрашиваемого лица, обнаруженные на месте происшествия, следователь должен сначала выяснить места пребывания допрашиваемого как в период до совершения преступления, так и во время него, а также после исследуемого события. Лишь убедившись в том, что допрашиваемый, по его же словам, никогда не был на месте происшествия, следователь вправе предъявить допрашиваемому заключение судебно-дактилоскопической экспертизы, изобличающего его во лжи. О таком тактическом приеме упоминают А.А.Леви, Г.И.Пичкалева и Н.А.Селиванов.¹

¹ См.: Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем. – М., 1987. – С. 16.

Не менее распространенным тактическим приемом получения правдивой информации о времени события преступления является прием, направленный на маскировку цели допроса. Основанием для избрания этого приема служит первичная информация о том, что допрашиваемый не знает, какой временной интервал интересует следователя и при этом не заинтересован в даче правдивых показаний о развитии преступления во времени. Действуя в рамках данного приема, следователь не акцентирует внимание на известном ему времени совершения преступления, а как бы распыляет внимание допрашиваемого на освещение второстепенных эпизодов преступной деятельности. Затем, как бы подводя итог допросу, следователь предлагает допрашиваемому последовательно, хронологично описать весь цикл преступной деятельности. Нередко именно при этом хронологичном описании криминальных событий следователь и получает необходимую ему информацию о времени того или иного эпизода преступной деятельности. Этот прием полностью соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства, т.к. следователь не применяет запрещенных законом действий и не обманывает его. В.П. Бахин называет в качестве условия применения данного приема *«маскировку целей допроса»*, когда «следователь предполагает или сталкивается с отказом от дачи показаний либо с сообщением ложных данных»¹. Это и достигается путем отвлечения внимания допрашиваемого от основной цели допроса.

Следующий тактический прием получения объективной информации о времени на допросе, основан на максимально быстром, форсированном темпе производства допроса. В таких условиях, сразу же после свободного рассказа допрашиваемого, следователь берет инициативу в свои руки и в быстром темпе начинает задавать логически связанные между собой вопросы, не позволяя допрашиваемому сопоставлять в уме две версии: правдивую и ложную, которой он намерен был придерживаться перед допросом. В конечном счете, допрашиваемый, как правило, проговаривается, сообщая об истинном

¹ См.: Бахин В.П. Допрос. - Киев, 1999. - С. 17.

расположении во времени отдельных эпизодов преступной деятельности.

В другой ситуации, когда по какой-то причине инициативу в допросе взял на себя допрашиваемый и старается в высоком темпе «проскочить» те эпизоды, освещать которые ему невыгодно, следователь искусственно замедляет темп допроса, и предлагает допрашиваемому вновь и вновь вернуться именно к тем эпизодам, фактам, которые интересуют следователя. Нередко с помощью этого приема получают достаточную информацию, позволяющую расположить на единой временной шкале действия всех лиц, вовлеченных в преступную деятельность (обвиняемых и потерпевших).

При форсировании темпа допроса или при его замедлении нередко допрашиваемый проговаривается о тех обстоятельствах, которые пытался скрыть. Как верно заметил А.Р.Ратинов, проговорка - это объективно правильная информация, в сокрытии которой может быть заинтересован допрашиваемый, попавшая в его показания вследствие непонимания им значения сообщаемых сведений либо в результате незаторможенности реакции на поставленный вопрос¹. Сама по себе содержание "проговорки", как правило, не является доказательственной информацией, но ее содержание может быть использовано при анализе всего содержания допроса, служить диагнозом его объективности.

Как показывает следственная практика, следователю нередко приходится сталкиваться и с такими ситуациями, когда допрашиваемый сообщает правдивые сведения по одному эпизоду и пытается ввести в заблуждение по другому. В подобных случаях от следователя требуется знание невербальных признаков дачи ложных показаний, умение определить момент изменения позиции допрашиваемого от дачи правдивых показаний к ложным, и в зависимости от этого использовать в течение допроса такие тактические приемы, которые позволяют либо:

- изобличить допрашиваемого в даче ложных показаний;
- оказать помощь допрашиваемому, добросовестно заблуждающемуся в

¹ См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. - М. 1967. - С. 209.

развитии события преступления во времени.

В криминалистической литературе эта проблема уже достаточно изучена и ученые предлагают пользоваться не какими-то единичными признаками, указывающими на изменение правдивости допрашиваемого, а оценивать их в совокупности. Как верно заметили В.А.Образцов и А.А.Топорков, чтобы исключить ошибку в распознавании лжи, следует ориентироваться на несколько взаимосвязанных, взаимодополняющих, взаимно корреспондируемых признаков. Точность диагностики, по их мнению, существенно возрастает в том случае, когда результаты наблюдения за вербальными коммуникациями сравниваются с результатами наблюдения за протекающими синхронно невербальными коммуникациями¹.

В.В.Аврамцев в своих наблюдениях делает более категоричные выводы. По его мнению, вся информация передается как вербально, так и при помощи невербальных проявлений: взгляда, поз, жестов, мимики, положения в пространстве и пр. Это позволяет автору сделать вывод о том, что собеседник словами может сказать, что захочет, а невербально покажет истинное состояние, так как человек обычно не контролирует свое невербальное поведение во время разговора².

Нам представляется более взвешенными взгляды В.А.Образцова и А.А.Топоркова, поскольку достаточно тренированный человек, чья профессия в значительной степени состоит в общении с другими (например, учитель, врач, менеджер, руководитель, журналист и т.п.), достаточно успешно контролирует не только словесные выражения, но и свои жесты, мимику и пр., и утверждать однозначно, что он своими невербальными проявлениями продемонстрирует свое отношение к сказанному, вряд ли будет правильным.

При получении вербальной информации в ходе допроса, имеющей значение для дела, следователь обязан не только фиксировать в протоколе допроса

¹ См.: Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов /Под ред. В.А.Образцова. – М., 1999. – С. 48.

² См.: Аврамцев В.В. Профессиональное общение в деятельности юриста. – Ниж.Новгород, 2000. - С. 26

ее смысловое содержание, но одновременно обращать внимание на поведение допрашиваемого, стараясь определить, насколько слова соответствуют истине. Внешними признаками, свидетельствующими о ложности или правдивости сообщаемых сведений, нередко служат изменение тона (повышение или понижение), изменение быстроты речи, появляющиеся оговорки и проговорки, изменения во взгляде и мимике лица, изменения в жестикуляции, изменения в дыхании (учащение его или замедление), появление испарины на лбу, учащенное сглатывание слюны, изменение позы, расположения тела в пространстве и т.п. Можно согласиться с В.В. Аврамцевым в том, что в сигналах личности нет мелочей. Решающее значение могут иметь совершенно незаметные, латентные проявления¹.

Помимо перечисленных тактических приемов допроса, основанных на непосредственном контакте следователя и допрашиваемого, весьма продуктивными являются и приемы, основанные на использовании полиграфа. Для использования этого прибора необходимо разработать такие тесты, которые позволят диагностировать ложность показаний интересующего следователя субъекта относительно времени совершения преступления. Иными словами, допрашиваемый субъект, сам того не желая, демонстрирует свою преступную осведомленность о протекании во времени механизма преступления. Вполне естественно, что человек, не знающий деталей преступления, не может среагировать на упоминание о временных характеристиках его развития. Поэтому мы поддерживаем точку зрения Ю.И.Холодного, считающего, что полиграф можно использовать для выявления у человека возможно скрываемой информации в целях профилактики, раскрытия и расследования преступлений.²

Относительно использования в сфере деятельности следователя полиграфа среди ученых до сих пор нет единого мнения. Например, А.М.Ларин считает опрос с использованием полиграфа варварским,

¹ См.: Аврамцев В.В. Указ. работа. – С. 32.

² См.: Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. – М., 2000. – С. 121.

средневековым методом.¹ Нам представляется, что в современных условиях, когда можно использовать бесконтактные модели полиграфа, не вызывающие у допрашиваемого субъекта отрицательных чувственных реакций вследствие прикосновения к коже контактов прибора, полиграф необходимо обязательно использовать во всех случаях, когда речь идет о раскрытии и расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Этот вывод основан и на разработке Р.С.Белкиным технического, тактического, этического и процессуального аспекта применения полиграфа в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.²

Ложные показания о времени нередко распознают и в ходе очной ставки, которая, как известно, проходит в условиях конфликта, поскольку в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия³. Поэтому получение объективных показаний о времени события преступления несколько осложняются, в первую очередь необходимостью одновременного общения следователя сразу с двумя лицами, каждый из которых готов отстаивать объективность именно своей версии развития преступления во времени. Все это накладывает на это действие своеобразный психологический отпечаток и, по мнению участвовавших в настоящем исследовании сотрудников правоохранительных органов, не каждый следователь умеет в одиночку эффективно провести очную ставку. Нередко для участия в этом следственном действии приглашают либо оперативного работника, с которым следователь работает по конкретному уголовному делу, либо своего коллегу, обладающего более солидным опытом следственной деятельности. Поэтому представляется совершенно верным суждение В.Л.Васильева о том, что очная ставка связана с острой конфликтной ситуацией и высокой эмоциональной напряженностью⁴.

¹ См.: Ларин А.М. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений //Государство и право. 1995. № 9. – С. 62.

² См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 Т. Том 3. – М., 1997. – С. 44-56.

³ См. ч.1 ст. 192 УПК РФ.

⁴ См.: Васильев В.Л. Юридическая психология. - СПб., 1997. - С. 499.

Кстати, следователи, которые приглашали для участия в очной ставке своих коллег, к сожалению, не были знакомы с научной литературой по данному вопросу, хотя в криминалистической литературе имеются достаточно четкие рекомендации на этот счет. Так, по мнению Р.С. Белкина, приглашение второго следователя для участия в этом следственном действии дает возможность осуществить различные психологические комбинации, например, такой, когда один следователь сознательно обостряет обстановку допроса и тем самым вызывает к себе неприязнь допрашиваемого, а другой (своими “возражениями” первому в нужный момент) разряжает обстановку и легко вступает в контакт с допрашиваемым, побуждая его дать правдивые показания¹. Иными словами, многое из того, к чему современные следователи приходят интуитивно, игнорируя специальную литературу, вышедшую в свет до принятия УПК России 2001 года, уже было изучено криминалистами и рекомендовано для использования в их практической деятельности.

К основным ситуациям при распознавании ложной информации о времени в ходе очной ставки, можно отнести следующие:

- дача одним из допрашиваемых лиц (или обоими лицами) заведомо ложных показаний;
- заблуждение одного из допрашиваемых в оценке временных характеристик события. Наиболее часто это связано с запоминанием человеком последовательности событий. В этой связи заслуживают внимания предложения В.М. Мешкова при производстве очных ставок следователю (специалисту) с целью оживления памяти допрашиваемых лиц эффективно использовать временные наречия. Последние способствуют построению сообщаемых фактов в хронологический ряд, позволяют установить причинно-следственные связи, зависимость конкретных фактов от определенных действий участников события²;
- неготовность следователя воспринимать сообщаемую информацию о вре-

¹ См.: Криминалистика: Учебник для вузов. - М. 1999. - С. 624.

² Мешков В.М. Получение временной информации в ходе вербальных следственных действий: Учебное пособие. - Ниж.Новгород, 1994. - С. 21.

мени события преступления. Причины этого явления могут быть различными, от эмоциональных (изначальное недоверие следователя к показаниям одного из участников), до рациональных (неспособность следователя логически осмыслить правдивость сообщаемой ему временной информации).

Исходя из перечисленных нами ситуаций, возникающих на очной ставке, можно сделать вывод о том, что к ее проведению следователь должен тщательно готовиться, и в первую очередь, настраивать себя на объективную оценку сообщаемых сведений от обоих участников. Поэтому мы полностью солидарны с мнением В.Л. Васильева о том, что в течение всей очной ставки подход следователя к ее участникам должен быть глубоко индивидуальным, основанным на всестороннем анализе личности каждого из них, занимаемой им позиции, анализе причин такой позиции с учетом всех материалов уголовного дела¹.

Особое значение для оценки качества полученной вербальной информации о времени, как в ходе допроса, так и очной ставки, имеет точная фиксация результатов этих следственных действий. В частности, применение звуко- и (или) видеозаписи, позволяющих зафиксировать такие обстоятельства, которые невозможно передать в письменном виде (протоколе), как: физическое и психическое состояние допрашиваемого, особенности их речи и т.д. На важность применения аудио- или видеозаписи обращает внимание Ю.И. Сучков, справедливо отмечающий их определенное воздействие на судей при формировании их мнения, поскольку прослушивание фонограммы либо просмотр видеозаписи позволяют устранить все неточности и противоречия в показаниях допрашиваемых на предварительном следствии, легче оценить эти показания и решить, какие из них являются достоверными².

Подводя итоги положениям, рассмотренным в настоящем параграфе,

¹ См.: Васильев В.Л. Юридическая психология. - СПб, 1997. - С. 501-502.

² Сучков Ю.И. Устная речь следователя при осуществлении допросов на предварительном следствии с применением звуко- и видеозаписи: Уч.-практ. Пособие. – Калининград, 1998. - С.3.

можно сделать выводы о том, что в ходе выполнения вербальных следственных действий с целью распознавания и разоблачения ложной информации о временных характеристиках расследуемого события целесообразно использовать следующие тактические приемы:

- логического анализа показаний;
- «допущение легенды»;
- «пресечение лжи»;
- «создание незаполненности»;
- внезапное предъявление изобличающих доказательств;
- последовательное предъявление изобличающих доказательств;
- маскировка цели допроса;
- изменение темпа допроса;
- использование полиграфа;
- использование видео, - аудиозаписи.

§ 3. Распознавание и разоблачение инсценировок о времени события преступления в ходе проверки показаний на месте

При проверке сведений, косвенно или прямо указывающих на признаки инсценировки или фальсификации данных о временных характеристиках преступлений, нередко проводят проверку на месте или следственный эксперимент. Эти следственные действия предусмотрены ст.ст. 194 и 181 УПК РФ.

Проверка показаний на месте является одним из эффективных способов исследования доказательств, содержащихся в показаниях свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. Его сущность заключается в демонстрации лицом, правдивость показаний которого проверяется, определенного места, связанного с событием преступления, рассказе о совершенных на нем действиях, анализе указанного места и сопоставлении данных, сообщенных лицом, с объективной обстановкой на месте и иногда воспроизводстве некоторых действий¹.

В специальной литературе проблемы проверки показаний на месте освещались применительно к условиям действия УПК РСФСР 1960 года в работах А.В.Авсюк, Р.С.Белкина, А.А.Леви, Г.И.Пичкалевой, Н.А.Селиванова, И.М.Лузгина, Л.А.Соя-Серко, Е.П.Фирсова, Б.И.Шобик и других специалистов².

Несмотря на многочисленные публикации о сущности проверки показаний на месте, среди ученых нет единого мнения об ее видах, целях и ре-

¹ См.: Криминалистика. – М., 1999. – С. 626.

² См.: Авсюк А.В. Процессуальные и тактические особенности проведения проверки показаний на месте: Лекция – Минск: МВД СССР, 1990. – 29 с.; Белкин Р.С. Проверка и уточнение показаний на месте: Лекция. – М., 1961. – 25 с.; Леви А.А. Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем. – М., 1987. – 112 с.; Лузгин И.М. Проверка и уточнение показаний на месте /Криминалистика. – М.: Юрид.лит., 1968. – С. 360-363; Соя-Серко Л.А. Проверка показаний на месте /Криминалистика: Учебник для вузов. – М.: изд-во МГУ, 1963. – С. 21-36; Фирсов Е.П. Проверка показаний на месте и участие специалиста-криминалиста в ее производстве. – Саратов: СВШ МВД России, 1995. – 54 с.; Шобик Б.И. Проверка уточнения показаний на месте: Лекция. – Хабаровск: МВД СССР, 1987. – 27 с.

шаемых задачах. Сложность данного вопроса, на наш взгляд, заключается в неоднозначном понимании природы, сущности и целей данного следственного действия.

М.Н. Хлынцов полагал, что за основу классификации следует брать «случаи», т. е. подходящее время и подходящее обстоятельство. Автор указывает на пять видов проверки показаний на месте¹:

1) если обвиняемый (подозреваемый, потерпевший, свидетель) на допросе сообщит о другом совершенном им преступлении, не известном до сих пор следствию, или даст информацию о следах или иных вещественных доказательствах по расследуемому преступлению, место нахождения которых он описать затрудняется, но может указать непосредственно на местности;

2) если указанные лица затрудняются на допросе точно описать детали происшедшего события, имеющие существенное значение для дела, и заявляют, что смогут это сделать в обстановке места, где совершено преступление;

3) если допрошенное лицо сообщило о каких-либо существенных обстоятельствах, связанных с обстановкой на месте происшествия, на которые следователь не обратил внимания в процессе осмотра места происшествия и которые могут быть установлены лишь с помощью данного лица;

4) если в показаниях нескольких лиц обнаружатся явные противоречия относительно маршрута их продвижения к месту совершения преступления, действий, совершенных на нем, а также расположения или особенностей отдельных объектов на нем;

5) если следователь после осмотра места происшествия усомнился в правильности показаний кого-либо относительно особенностей расположения объектов на этом месте, маршрута, по которому допрошенное лицо двигалось к данному месту или уходило с него, а также относительно самого факта пребывания допрошенного лица на этом месте в момент события.

Данную классификацию видов следственного действия подвергал сомнению Р.С. Белкин, утверждая, что во втором и в третьем «случаях» нет ос-

¹ См.: Хлынцов М.Н. Проверка показаний на месте. – Саратов, 1971. - С. 66–67.

нований для проведения проверки показаний на месте. При этом настаивал, что в таких «случаях» необходимо проводить иные следственные действия: во втором «случае» – допрос на месте с целью оживления ассоциативных и иных связей, а в третьем – повторный осмотр места происшествия с участием допрошенного лица¹. Мы считаем возможным согласиться с мнением автора, полагая, что его замечание не требует специальной аргументации.

Е.П. Фирсов утверждает, что в классификации за основу следует брать круг «частных задач», разрешаемых проверкой показаний на месте. В зависимости от содержания этих задач, он выделяет следующие четыре вида проверки показаний на месте²:

по установлению неизвестных следствию пространственных связей мест, маршрутов, объектов, имеющих отношение к рассматриваемому событию;

по восстановлению (реконструкции) неизвестной следствию фактической обстановки места происшествия в момент совершения расследуемого события;

по установлению содержания действий подозреваемых (обвиняемых) при подготовке, совершении и сокрытии расследуемого события;

по собиранию исходных данных для установления личности неизвестных следствию подозреваемых, потерпевших и свидетелей.

Л.А. Соя-Серко за основу классификации брал «ситуации», в которых возникает необходимость проведения данного следственного действия, а именно, когда:

а) в показаниях допрошенного лица указаны место или маршрут движения, имеющие важное значение для раскрытия и расследования преступления;

¹ См.: Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. - Волгоград: ВСШ МВД России, 1993. - С. 192.

² См.: Фирсов Е.П. Указ. соч. - С. 11–15.

б) в показаниях допрошенного лица содержатся сведения о месте нахождения каких-либо следов преступления или предметов, могущих служить вещественными доказательствами по делу;

в) необходимо сопоставить показания двух или более лиц относительно события, происшедшего в определенном месте;

г) в показаниях допрошенного лица содержатся сведения об обстановке места, где произошло расследуемое событие¹.

«Ситуация», в отличие от «задачи», охватывает совокупность различных объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих обстановку. Таким образом, она указывает на те благоприятные или неблагоприятные обстоятельства, которые необходимо учесть при проверке показаний на месте. Поэтому классификация ситуаций, предложенная Л.Я. Соя-Серко, является более предпочтительной. Анализ следственной практики свидетельствует о том, что данная классификация более отвечает потребностям практики.

В классификации проверки показаний на месте по видам Р.С. Белкин рекомендовал взять за основу цели данного следственного действия. При этом он утверждал, что сразу же следует отказаться от заманчивой и нереальной попытки дать исчерпывающий перечень случаев использования проверки показаний на месте².

Полностью присоединяясь к мнению знаменитого ученого, возьмем на себя смелость утверждать, что одной из целей проверки показаний может стать распознавание и разоблачение инсценировок именно на месте происшествия. Судя по тексту ст. 194 УПК РФ, такое утверждение никак не противоречит нормам уголовно-процессуального законодательства, а криминалистические рекомендации, которые предлагаются в настоящей работе, по нашему представлению, создают основы тактики распознавания и разоблачения инсценировок, направленных на создание ложных представлений о времени расследуемого события у следователя.

¹ См.: Соя-Серко Л.А. Указ. соч. - С. 16–17.

² См.: Белкин Р.С. Теория и практика следственного эксперимента. - М., 1959. - С. 42.

Иными словами, отдавая должное усилиям ученых-криминалистов, разрабатывающих научные основы проверки показаний на месте, как следственного действия, следует признать, что вне их поля зрения осталась достаточно сложная и важная проблема, которую нередко следователи решают в ходе проведения этого следственного действия, а именно: разоблачение ранее данных ложных показаний о каком-либо обстоятельстве совершения преступления, в том числе и о его временных характеристиках.

И еще обстоятельство проведения проверки на месте целесообразно упомянуть. Речь идет о тех ситуациях, когда следователь намеренно отказывается от проверки показаний на месте, поскольку сомневается в том, что проверяемое лицо сможет на месте что-то детально показать. Причины этого явления могут быть разные: и большая степень опьянения проверяемого лица в момент совершения преступления; и высокая степень напряжения, не позволившая ему детально запомнить происходящее и, соответственно обстановку на месте. В этих ситуациях А.Кежоян однозначно советует выходить на место происшествия. По его мнению, даже в тех случаях, когда не получают ожидаемых результатов, все же следователь извлечет пользу, так как он лучше изучит психологию обвиняемого и это поможет ему наиболее правильно определить тактику последующих следственных действий».¹

Вероятно, эта рекомендация была обоснованной в иную социально-экономическую формацию, которая существовала в стране. В настоящее время мы бы однозначно не поддерживали такой позиции. Скорее всего, следовательно в каждом конкретном случае следует принимать индивидуальные решения, с учетом уголовного дела, участия защитника и прочее. Выход на место происшествия с «нулевым» результатом способен оказать разрушительное воздействие и на совокупность остальных собранных доказательств по делу.

¹ См.: Кежоян А. Выход на место происшествия // Социалистическая законность. 1976. № 7. – С. 53.

Как уже отмечалось, одновременно с ростом профессионализма преступного мира возрастает и уровень его противодействия правоохранительным органам, в том числе и посредством использования инсценировок на месте происшествия и фальсификаций показаний. В ходе проверки показаний на месте создается уникальная возможность разоблачить не только умышленные действия лица, направленные на создание у следователя ложных представлений о механизме деяния, используя как «немых свидетелей» - обстановку места, где проверяются показания конкретного лица, но и ложные показания данного лица, которые не подтверждаются совокупности всех признаков предметов, находящихся на месте проверки. Поэтому считаем необходимым включить в цели проверки показаний на месте и цель разоблачения инсценировок на месте или ранее данных ложных показаний, в том числе и о времени расследуемого события.

В ходе проверки показаний на месте достигается выполнение следующих задач: указание ранее допрошенным лицом места и объектов, связанных с определенным событием; описание им этого события; демонстрация отдельных действий, производившихся в связи с расследуемым преступлением; изучение показаний с целью проверки имеющихся доказательств и установления новых. Во всем многообразии задач своей значимостью выделяется последний блок, предполагающий получение в ходе этого следственного действия новых доказательств по делу. Это могут быть и орудия преступления, и предметы, на которых остались следы рук, ног, обуви, крови, других выделений человека, чьи показания проверяются, или на кого он ссылается.

В соответствии со ст. 194 УПК РФ при проверке показаний на месте должны быть выполнены следующие процессуальные правила:

1. Проверка показаний на месте производится только после допроса лица, чьи показания проверяются.
2. В проверке показаний, помимо лица, чьи показания проверяются и следователя, могут принять участие прокурор, защитник, педагог или законный представитель несовершеннолетнего, понятые, специалист, со-

трудники органов внутренних дел, обеспечивающие безопасное проведение данного действия.

3. При проверке показаний следователь (а по его поручению и специалист) вправе производить фиксацию при помощи измерительных инструментов, фото, видеокамеры, а также составлять схемы, планы и зарисовки.
4. В ходе проверки показаний следователь (а по его поручению и специалист) вправе изымать предметы, могущие иметь значение для дела, на которые указало лицо, чьи показания проверяются, а также другие объекты, по выбору следователя или специалиста.

Подготовка к разоблачению инсценировки в ходе рассматриваемого следственного действия начинается уже на подготовительном этапе, когда следователь продумывает тактику его проведения. К моменту производства данного следственного действия, как правило, все процессуальные документы, касающиеся осмотра места происшествия уже оформлены и изучены. Нередко еще на этапе осмотра места происшествия специалист излагает свою позицию относительно обнаруженных объектов, изменений на них, и других следов, которые косвенно свидетельствуют о наличии признаков инсценировки на месте.

С целью процессуального закрепления обнаруженных признаков инсценировки, на подготовительном этапе проверки показаний на месте, целесообразно тщательно допросить специалиста относительно всех выявленных обстоятельств, и на основании этого допроса составить подробный план тактики проведения этого следственного действия. В этом плане необходимо предусмотреть участие того же специалиста, который участвовал в осмотре места происшествия, и в проверке показаний на месте. Существенным обстоятельством в этом плане должно быть согласование ролевых функций следователя и специалиста при проверке на месте, в изобличении лица, чьи показания проверяются, в инсценировке материальной обстановки на месте.

Криминалистикой разработаны основные тактические приемы проверки показаний на месте, которые можно сгруппировать следующим образом:

- а) обеспечение самостоятельности действий лицу, чьи показания проверяются;
- б) проведение проверки показаний на месте отдельно с каждым лицом, чьи показания проверяются;
- в) предшествование предварительного рассказа этого лица об обстоятельствах, которые он намерен подтвердить на месте проверки, фактической демонстрации предметов или объектов, подтверждающих его показания;
- г) детализация показаний;
- д) фиксация поведения лица, чьи показания проверяются.

Коротко поясним значимость криминалистических рекомендаций по проверке показаний на месте.

Самостоятельность действия лица, чьи показания проверяются, основывается на том обстоятельстве, что данному лицу известна обстановка события. По мнению А.Н. Васильева, в подобной ситуации задача следователя состоит в установлении, является ли источником этой осведомленности личное пребывание этого лица на этом месте в момент события или его осведомленность имеет другой источник (пребывание на месте в момент осмотра, с чьих-то слов и т.д.).¹

Требование самостоятельности действий лица, чьи показания проверяются, подразумевает такую степень самостоятельности, которая допустима с учетом конкретной следственной ситуации. Так, при необходимости выехать на место происшествия вид транспорта избирает не допрашиваемый, а следователь; при прибытии на место следователь первоначально опрашивает лицо, чьи показания проверяются, в каком направлении будет двигаться следственно-оперативная группа, принимает меры к обеспечению безопасности движения группы по предполагаемому маршруту движения и только после этого предлагает допрашиваемому лицу показать на месте те обстоятельства, о ко-

¹ См.: Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. – М., 1981. – С. 28.

торых он ранее давал показания. Однако следователь не вправе диктовать этому лицу, что, как и в какой последовательности делать на месте. В этих вопросах лицо, чьи показания проверяются, должен самостоятельно избрать направление движения, показать конкретные предметы, которые своим местом нахождения косвенно подтверждают его версию, рассказать, каким образом располагались эти предметы в момент совершения преступления.

С использованием принципа самостоятельности в ситуации, когда на месте происшествия обнаруживается стакан со следами пальцев рук того лица, которое по решению лидера организованной преступной группы должен «взять на себя» ответственность за совершенное преступление, устанавливают, например, знает ли проверяемый, где вообще проходило застолье, в результате которого погиб человек; знает ли, где находился потерпевший, а где лицо, которое якобы совершило убийство; знает ли, какой спиртной напиток они употребляли; знает ли, с какой стороны стола стоял тот стакан, который якобы пользовался убийца; знает ли, какого вида стаканы вообще использовались за застольем и прочее. Иными словами, следует организовать проверку показаний на месте таким образом, чтобы не смешиваясь в самостоятельность действий проверяемого, как можно детальнее уточнить все обстоятельства происшедшего, связанные именно с пребыванием в квартире жертвы лица, которое «берет вину на себя», выгораживая тем самым действительного убийцу.

Понятно, что следователь не в состоянии самостоятельно организовать и провести проверку показаний человека, который участвовал в инсценировке. От помощи оперативного работника, который ранее не был на месте происшествия, целесообразно отказаться, иначе проверка будет сводиться к тому, что следователь первоначально должен будет ознакомить этого оперативного работника с действительными обстоятельствами дела, чтобы он не перепутал чего-либо при проверке показаний на месте, а уже потом приступить непосредственно к проверке.

Специалист же идеально подходит к роли помощника следователя, поскольку он досконально знает все обстановку на месте убийства и, соответственно, его помощь будет гораздо продуктивнее. Именно поэтому мы настаиваем, что при необходимости разоблачить участие проверяемого лица в инсценировке на месте происшествия, целесообразно приглашать именно специалиста.

Проведение проверки показаний на месте отдельно с каждым из субъектов, чьи показания должны быть проверены, оправданно и с позиции уголовного процесса, и с позиции криминалистики. Это позволяет в дальнейшем сравнить показания всех лиц и убедиться в их правдивости. В то же время полученные результаты должны анализироваться и через призму разоблачения самооговора, когда субъекты, не участвовавшие в совершении преступления, оговаривают себя, по каким-либо причинам выгораживая преступника (под воздействие угроз или в ожидании вознаграждения).

При обнаружении существенных противоречий между ними, как правило, проводят очные ставки. Однако следователь принимает такое решение далеко не всегда. Дело в том, что на очной ставке члены одной и той же преступной группы, поняв, что из показания значительно отличаются, или тут же, на очной ставке, при помощи особого воровского языка «фени», о котором речь шла ранее, договорятся о снятии разногласий; либо при нахождении в следственном изоляторе, будучи даже в разных камерах и блоках, отработают идеальные с точки зрения точности повторения одним и другим показания. Поэтому проведение очных ставок с целью устранения существенных противоречий при расследовании проявлений организованной преступности, как правило, противопоказаны.

На месте проверки показаний субъект, чьи показания проверяются, перед выполнением конкретных действий (демонстрации квартиры, где он, якобы, совершил убийство, обстановки этой квартиры и т.д.), должен первоначально подробно рассказать об индивидуальных приметах объектов, который он желает продемонстрировать следователю, как доказательство своей

честности, и лишь после этого подойти к этому объекту (входной двери квартиры, столику, где распивали спиртные напитки) и, указав на те индивидуальные признаки, о которых он уже рассказывал, на месте пояснить сущность своих действий во время убийства. В связи с этим совершенно справедливо замечание Р.С. Белкина: «Дача объяснений в конце выхода на место обо всем пути недопустима, так как в этом случае теряет смысл сам выход»¹.

Именно в этот момент проверки показаний может оказаться неоценимой помощь специалиста, который до физического прикосновения, допустим, подозреваемого в убийстве, к конкретному предмету, к которому он, якобы, дотрагивался во время убийства, может предварительно исследовать конкретный объект и обнаружить на нем следы рук того человека, чьи показания проверяются. Также возможно обнаружить и предметы одежды, если таковые остались на месте убийства, микрообъекты, косвенно свидетельствующие о пребывании подозреваемого на месте убийства в момент совершения преступления. Конечно, обнаружение следов пальцев рук на объектах, где происходит проверка показаний, еще однозначно не свидетельствует о причастности подозреваемого к совершению преступления, но их обнаружение позволяет следователю более детально отрабатывать версию, излагаемую проверяемым лицом.

Требование детализации показаний на месте их проверки основано на криминалистических рекомендациях расследования преступлений, совершаемых организованными группами. Такая детализация позволяет:

- допрошенному лицу - уточнить и дополнить содержание ранее данных им показаний (в случае их правдивости), или выдвинуть новую версию механизма событий убийства;
- следователю – проверить правдивость ранее данных показаний, а также получить новую информацию об объекте.

После получения детальных показаний и проверки объекта специалистом, следователь предлагает допрошенному лицу подойти к объек-

¹ См.: Белкин Р.С. Указ. соч. - С. 20.

ту и непосредственно около него или на нем (внутри его) показать те признаки, которые подтверждают версию этого лица. Следователь предлагает ему расположить отдельные объекты так, как он наблюдал их в момент события (такое перемещение допустимо в отношении отдельных предметов, когда отсутствует надобность в реконструкции места происшествия в целом).

Помимо этого, преступники нередко заранее договариваются, что в случае раскрытия их деятельности всю вину должен взять на себя один из членов группы, который, в свою очередь, старается хотя бы в общих чертах запомнить обстоятельства совершения преступления, хотя реально он участвовал только в части их, остальную часть действий выполнял тот член преступной группы, который желает избежать ответственности.

Получив на месте проверки показаний такого лица (как правило, это рядовой исполнитель в преступной группе) лишь общие сведения о механизме преступления, следователь требует детализировать показания, с указанием на конкретные признаки материальной обстановки, которые подтверждают версию лица, чьи показания проверяются. Незнание всех деталей совершенного преступления является косвенным признаком либо полной непричастности этого лица к расследуемому событию, либо частичного утаивания информации лицом, чьи показания проверяются, о механизме убийства.

Фиксация поведения лица, чьи показания проверяются, также нередко помогает убедиться в его правдивости или неискренности. Зачастую при получении слишком общих показаний о проверяемых обстоятельствах, следователь предлагает лицу, чьи показания проверяются, дать более подробные объяснения¹. Если в ответ на требование следователя лицо, чьи показания проверяются, начнет нервничать, путаться в показаниях и обстановке, то достоверность ранее сообщенных им сведений может быть подвергнута критической оценке.

¹ См.: Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем. – М., 1987. – С. 71.

Оценка результатов применения перечисленных приемов в ходе проверки показаний на месте нередко позволяет оценить результаты этого следственного действия в целом, убедиться в правдивости показаний ранее допрошенного лица, или наоборот, разоблачить его ранее данные ложные показания, в том числе и о времени.

В ходе проверки показаний на месте подтверждаются не только ранее данные показания, но и получают новые доказательства, о которых следователь ранее не знал. Подобные показания более предпочтительны для использования их в качестве доказательства по конкретному уголовному делу.

При проверке показаний допустимо использовать и элементы моделирования, под которым в криминалистике понимается искусственное создание системы, которая с определенной степенью сходства воспроизводит «заменяемый ею объект, явление или процесс, связанный с исследуемым преступным событием».¹ Исследование (изучение и проверка) модели обеспечивает получение тех знаний об оригинале, которые ранее не были следователю известны. В ходе проверки показаний на месте нередко проверяются фактическая возможность существования тех или иных обстоятельств, позволяющих уточнить модель механизма расследуемого преступления в целом.

Таким образом, моделирование при проверке показаний на месте позволяет следователю уточнить механизм преступления в целом, а также отдельные его составляющие. Как верно отметил А.М.Кустов, значение полученной таким образом информации может быть осознано следователем сразу (еще до полного завершения действий в рамках проверки показаний) или в процессе дальнейшего расследования по делу². Относительно проверки достоверности показаний о временных характеристиках преступления метод моделирования представляет массу возможностей как лицу, чьи показания

¹ См.: Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления: Цикл лекций. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – С. 250.

² См.: Кустов А.М. Указ. раб. – С. 288

проверяются, так и следователю, заинтересованному установить истину. Например, частичное изменение обстановки в квартире, где, согласно предыдущим показаниям проверяемого лица, он сначала выпивал с потерпевшим, а затем убил его, позволит с большой долей вероятности установить ложность или правдивость ранее данных показаний, а также проверить факт знакомства проверяемого лица с обстановкой в квартире вообще, не говоря уже о частностях. Например, при замене стаканов, фужеров, рюмок, которыми пользовался подозреваемый в день убийства совместно с жертвой, и при непоступлении сигнала о том, что данные приборы были заменены, становится очевидным, что он в день убийства в квартире не был, а посуду с его следами рук (если таковые были обнаружены при осмотре места происшествия) принесли те лица, для которых выгодно, чтобы наказание за убийство отбывал именно этот человек.

Как следует из наименования этого следственного действия, в первую очередь проверяются знания ранее допрошенного лица о характеристике места, о котором он давал показания, о существовании тех путей подхода и отхода, которыми он воспользовался при совершении преступления и т.п. Вместе с тем, в ходе проверки показаний на месте нередко проверяются и сведения о времени совершения преступления, а также о правдивости показания допрошенного лица о временных характеристиках события преступления. Достигается это в ходе сопоставления ранее данных показаний с показаниями, которые допрашиваемый дает на месте. При этом перепроверяются его показания в части соответствия их реальным обстоятельствам, характеризующих развитие преступления во времени. Как уже отмечалось, лица, дающие ложные показания о времени совершения преступления, в котором они фактически не принимали участия, не в состоянии полностью воспроизвести обстановку на месте, поскольку они не знали, допустим, о том, что в момент совершения преступления дверь была закрыта на другой замок, в помещении находились (или отсутствовали) конкретные предметы. Иными словами, разоблачение ложных показаний о временных характеристиках совершенного преступле-

ния основывается на анализе результатов, как минимум, трех следственных действий:

- допроса, произведенного в кабинете следователя (или изоляторе временного содержания);
- осмотра места происшествия;
- проверки показаний на месте.

В них оцениваются различные косвенные признаки, позволяющие сделать вывод о даче ложных показаний о развитии преступления во времени. Понятно, что лицо, не причастное к преступлению, не в состоянии полностью восстановить на месте ту обстановку, которая была в момент совершения преступления. Поэтому оценка его повторных показаний, но уже на месте позволяет либо убедиться в «преступной осведомленности», либо прийти к выводу о том, что допрашиваемый ранее дал ложные показания и о времени совершения преступления, и о своем участии в нем. При этом следователь в значительной степени оперирует осведомленностью или неосведомленностью допрашиваемого лица о реальном расположении предметов на месте преступления в момент тех активных действий, о которых допрашиваемый уже дал показания (например, он не мог проникнуть в данное помещение, так как именно в момент совершения преступления дверь в него была чем-либо заставлена).

Вместе с тем нередко результаты и проверки показаний на месте требуют дополнительной проверки. Как отмечено в криминалистической литературе, это актуально при разоблачении самооговора, а иногда и оговора¹. Особенно это актуально при расследовании деятельности организованных преступных групп. Ситуации, рассмотренные выше, косвенно подтверждаются результатами судебного рассмотрения уголовных дел о подобных преступлениях, когда к уголовной ответственности привлекаются в абсолютном большинстве рядовые члены преступного сообщества, и фактически никогда – его лидеры и организаторы. Так, согласно официальным дан-

¹ См.: Криминалистика. – М., 1999. – С. 628.

ным, за год к уголовной ответственности за организацию и руководство организованными преступными группами в 1997 – 1999 годах привлекалось от 6 до 11 человек¹. Из специальной литературы известно, что в организованных преступных группах заранее распределяют роли ее членов, в зависимости от складывающейся обстановки, и, как правило, вину лидеров «берут на себя» рядовые члены группы. По мнению Н.П. Яблокова, вслед за этим организованная преступная группа начинает осуществлять материальную поддержку семье этого члена группы.²

На допросе такой член преступной группы признает себя виновным в совершении конкретного преступления, и описывает обстоятельства его совершения, основываясь не на своей «преступной осведомленности», а на рассказах-инструкциях, полученных в преступной группе. Такой субъект на месте происшествия не в состоянии детально восстановить картину преступления, которую он должен был наблюдать в случае реального участия в его совершении. Иными словами, разоблачение ложных показаний о времени на месте является действенным способом борьбы именно с организованными формами преступности.

Другая ситуация при разоблачении ложных показаний о времени в ходе их проверки на месте возникает в случаях, когда члены преступной группы заранее договорились показать разные места преступления, чтобы таким образом отказаться от своих ранее данных правдивых признательных показаний. В подобной ситуации следователь анализирует совокупность разных обстоятельств, от времени изменения показаний (в том числе и возникших после консультаций подозреваемых с своими защитниками), до поведения этих субъектов на месте, где проверяются их показания (в частности, динамику их поведения, указывающую на неосведомленность субъекта о действительном развитии во времени события преступления). Поэтому в протоколе проверки показаний на месте освещаются как статические компоненты (отражающие

¹ См.: Преступность и правонарушения (статистический сборник). – М., 2000. – с. 174.

² См.: Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. – М., 2002. – С. 169.

характеристику места, где субъект предложил проверить его показания), так и динамика проведения этого следственного действия (уверенность или неуверенность поведения лица, чьи показания проверяются, наличие оговорок, ошибок в оценке обстановки и пр.)

Динамику проведения проверки показаний на месте, отражающую и ориентировку допрашиваемого во временных характеристиках преступления, фиксируют с помощью звуко- или видеозаписи, позволяющих объективно отразить характер действия проверяемого на месте. Звуко- и видеозапись существенно дополняют результаты протоколирования. Они имеют четыре юридически значимых признака:

1) место и время производства звуко- видеозаписи следователю известно абсолютно точно;

2) сценарий и последовательность зафиксированной в них информации не являются произвольными, а предопределяются процессуальным законодательством - ст. 194 УПК РФ;

3) звучащие голоса принадлежат лицам, участвующим в проверке показаний на месте, включая, естественно, и самого следователя;

4) в звуко- и видеозаписи абсолютно точно фиксируется информация, получение которой четко регламентировано законом, поэтому, утверждает З.З. Зинатулин: «...нет объективных препятствий для того, чтобы, например, фонограмму обвиняемого (подозреваемого, свидетеля, потерпевшего) не допускать в качестве самостоятельного источника доказательств»¹.

Эту мысль развивает О. Афанасьев, утверждая, что в звукозаписи показания свидетелей будут абсолютно точными и более полными, чем в протоколе. «К сожалению, – говорит автор, – в протоколах эти важнейшие моменты сокращаются, как правило, до минимума, а порой деформируются до неузнаваемости или даже воспроизводятся с точностью до наоборот»².

¹ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. - Ижевск, 1993. - С. 153.

² См.: Афанасьев О. Звукозапись в ходе судебного заседания – средство защиты процессуальных прав // Российская юстиция. 1998. № 12. - С. 47.

Придавая требованию полноты фиксации следственного действия важное значение, А.А. Левин и Ю.А. Горинов отмечают: «Применение звукозаписи обеспечивает полноту и хорошую сохранность фиксируемой информации. Звукозапись позволяет сохранить не только содержание, но и эмоциональную окраску речи»¹.

«Вместе с тем, – отмечает В. Плетнев, – звукозапись как прием фиксации имеет и недостатки: в ней обычно содержится много лишней, не относящейся к делу информации. Пользование звукозаписью, ее длительное хранение затруднены, затрудняет ее применение и излишне усложненный процессуальный порядок ее производства»². На наш взгляд, это не основание для принижения роли звукозаписи, как средства фиксации хода и результатов следственного действия.

Применение видеосъемки в процессуальном отношении фактически не отличается от применения звукозаписи.

К достоинствам видеозаписи следует отнести синхронную запись изображения и звука, отсутствие необходимости какой бы то ни было обработки отснятого материала, возможность немедленного его воспроизведения, высокую точность и объективность фиксации. По рекомендациям, данным Н.П. Яблоковым, видеозапись проверки показаний на месте должна производиться таким образом, чтобы было видно, что лицо, с которым проводится проверка, шло впереди группы, и что только это лицо, а ни кто-либо другой, определяло маршрут движения³.

Недопустимо снимать участников следственного действия, забегаая вперед, навстречу движению. «Именно такая съемка, как показывает судебно-следственная практика, – утверждает автор, – может вызвать сомнение в объективности произведенной проверки»⁴.

¹ См.: Левин А.А., Горинов Ю.А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. - М.: Юрид. лит., 1983. - С. 3–4.

² См.: Плетнев В. Использование технических средств для закрепления доказательств // Законность. 1998. № 9. - С. 19.

³ См.: Яблоков Н.П. Криминалистика. – М.: Юрист, 2000. - С. 427.

⁴ См.: Яблоков Н.П. Там же.

А.А. Левин и Ю.А. Горинов, выделяя достоинство видеозаписи в процессе фиксации хода и результатов проверки показаний на месте, отмечают, что видеозапись фиксирует все видимые проявления поведения каждого участника следственного действия и позволит установить, не нарушались ли их законные права¹.

О произведенной звукозаписи или видеосъемке делается обязательное указание в протоколе проверки показаний на месте, где описываются условия звукозаписи или видеосъемки (наименование аппарата, освещенность, кадров, тип пленки и т. д.), а также фамилия, имя и отчество специалиста, его должность, место работы, домашний адрес и номера телефонов.

На месте проверяют и уточняют показания о тех обстоятельствах совершения преступлений, которые в той или иной степени вызывают сомнения, и фактически при производстве этого следственного действия инициатива принадлежит не следователю, а лицу, чьи показания проверяются. Иными словами, ранее допрошенный субъект должен убедить следователя и иных лиц, присутствующих при данном следственном действии, в том, что ранее, на допросе, он говорил правду. Уточняя свои показания на месте, лицо, чьи показания проверяются, действует добровольно и по своей инициативе, сопровождая свой рассказ демонстрацией на месте конкретных предметов и объектов, которые подтверждают правдивость его слов, при необходимости выполняя простейшие опытные действия. Роль следователя состоит в организации проведения проверки показаний на месте, включая обеспечение транспортом и техническими средствами фиксации, охрану места и т.п. Помимо этого, следователь обязан своевременно прекратить проверку показаний в тех ситуациях, когда выполнение каких-либо опытных действий превращается в систему, т.е. в условиях превращения одного следственного действия в другое: проверки показаний на месте, предусмотренной ст. 194 УПК РФ, в следственный эксперимент, производство которого регламентировано ст. 181 УПК РФ.

¹ См.: Левин А. А., Горинов Ю.А. Указ. соч. - С. 4.

Подводя итог изложенного в параграфе, следует отметить следующее.

1. Проверка показаний на месте позволяет не только проверить ранее данные показания, но и в определенных случаях разоблачить инсценировки о времени события преступления, используя так называемую «преступную осведомленность» об обстановке места именно в момент проверяемого события. Незнание такой обстановки в «критическое время», при одновременном заявлении проверяемого лица о своей причастности к преступлению, однозначно свидетельствует либо о непричастности этого лица к событию преступления, либо о наличии инсценировки.
2. При проверке показаний на месте с целью разоблачения инсценировки во времени, целесообразно использовать метод моделирования, позволяющий без нарушения процессуальных прав проверяемого и без использования обмана, проверить факт его участия в совершенном преступлении, за совершение которого проверяемый готов «взять вину на себя», хотя реально в момент совершения преступления он на месте происшествия не был, а объекты, с помощью которых он, якобы, изобличается в совершении преступления, явились результатами инсценировки на месте преступления.

§ 4. Разоблачение ложных показаний о времени в ходе следственного эксперимента

Сведения о временных характеристиках преступления, полученные в ходе любого следственного действия, как и другие материалы уголовного дела, перепроверяются различными способами, в том числе и в ходе других следственных и иных процессуальных действий и оцениваются в совокупности с другими доказательствами по делу. Наиболее распространенным следственным действием, позволяющим объективизировать полученные данные, является следственный эксперимент.

Криминалистическая сущность следственного эксперимента состоит в проведении специальных опытов с целью проверки собранных по делу доказательств, получения новых доказательств, проверки и оценки следственных версий о возможности или невозможности существования тех или иных фактов, имеющих значение для дела.¹

Применительно к теме настоящей работы наиболее значимыми аспектами следственного эксперимента являются:

- проверка собранных по делу доказательств;
- проверка и оценка версий о возможности или невозможности существования тех или иных фактов.

Именно эти аспекты позволяют в полной мере выявлять ложную информацию о времени, и изобличать лиц, ее дающую.

Несомненно, что следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ) отличается от проверки показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Однако эти следственные действия имеют некоторое сходство, поскольку проводятся с целью проверки ранее данных показаний; в каждом из них, как правило, принимает участие лицо, чьи показания проверяются (правда, в ходе следственного эксперимента это лицо участвует не во всех случаях); для участия как в первом, так и во

¹ См.: Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. – М.: Новый юрист, 1977. – С. 136.

втором следственном действии приглашаются специалисты, понятые, при необходимости другие лица (в частности, защитник).

Основное различие между ними состоит в проведении опытных действий; если в ходе следственного эксперимента необходимо произвести несколько опытов, каждый из которых фиксируется в соответствующей протоколе, то при проведении проверки показаний на месте не может быть никакого варьирования условий – смысл состоит в воспроизведении данных ранее показаний в фактической обстановке с целью установить их достоверность путем сопоставления с этой обстановкой.¹

Помимо этого, в отличие от проверки показаний на месте, где, как и в следственном осмотре, допустимо использовать некоторые экспериментальные методы изучения действительности (например, для определения состояния тормозной системы автомобиля после дорожно-транспортного происшествия и при проверке показаний на месте, и при проведении осмотра места происшествия допустимо нажимать на педаль тормоза для установления эффективности действия всей тормозной системы), эксперимент позволяет активно преобразовывать изучаемый процесс. В его рамках не только возможно, но и необходимо неоднократное повторение наблюдаемого события в заданных условиях.

Другое отличие следственного эксперимента от проверки показаний на месте, на которое нередко указывают в криминалистической литературе – возможность использования метода моделирования при следственном эксперименте и невозможность это делать при проверке показаний на месте. По нашему мнению, это отличие не принципиально. Да, в глобальных масштабах моделирование в рамках проверки показаний на месте невозможно. Лицо, чьи показания проверяются, должно прибыть именно на то место, о котором идет речь в его показаниях, а не на специально подготовленное место, пусть даже в павильоне киностудии «Мосфильм». Однако элементы моделирования при проверке показаний на месте нередко вполне уместны, и некото-

рые из них рассматривались в предыдущем параграфе. Разве некоторые изменения обстановки в квартире, где должна состояться проверка показаний на месте – это недопустимая следственная хитрость? Лицо, чьи показания проверяются, если оно действительно было на данном месте ранее, без особых усилий восстановит реальное расположение предметов в квартире (поставит стол, расставит стулья, расставит столовые приборы, покажет, где именно он находился, и где находилась жертва, если речь идет о расследовании убийства, каким столовым прибором он пользовался и т.п.).

Поэтому представляется, что наиболее принципиальным отличием следственного эксперимента от проверки показаний на месте является необходимость проведения ряда опытов именно при следственном эксперименте, позволяющих установить, наряду с другими обстоятельствами, и числовые величины истекшего времени, посредством которых возможно оценить, например, истинность или лживость заявления о времени преодоления преграды, участка пути и т.д. Например, при установлении невозможности преодолеть конкретный отрезок пути за фиксированный отрезок времени, делают однозначный вывод о лживости показаний; однако успешное преодоление этого отрезка пути еще совсем не свидетельствует о правдивости источника показаний. При проверке показаний на месте установить числовые величины времени в виде длительности или последовательности затруднительно, однако, как было отмечено, вполне возможно проверить истинность или ложность алиби.

Подытоживая рассмотрение отличий проверки показаний на месте и следственного эксперимента, считаем возможным согласиться с мнением С.Пилявец о том, что основное отличие следственного эксперимента от

1 См.: Криминалистика. – М., 1999. - С. 634.

проверки показаний на месте состоит в том, что эксперимент – это всегда проверка, но проверка – не всегда эксперимент.¹

Следственный эксперимент относится к категории наиболее сложных и трудоемких следственных действий. Это следственное действие позволяет не только уточнить ранее данные показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, но и проверить выдвинутые версии по делу. Специфичность следственного эксперимента видится в том, что он по своей познавательной направленности относится к группе «проверочных» действий, хотя часто служит и целям получения новой, первичной информации. Помимо этого, в ходе следственного эксперимента можно не только проверять ранее данные показания, но и разоблачать ложные сведения, о которых сообщает допрашиваемый.

Экспериментальный метод заключается в производстве неоднократных опытов с целью воспроизведения механизма какого-либо явления, процесса и последующего его исследования. В качестве тактических условий в криминалистической литературе общеприняты следующие:

- ограниченное число участников эксперимента;
- многократность проведения однородных опытов, чтобы убедиться, что результаты не случайны и достоверны;
- проведение опытов в несколько этапов;
- проведение следственного эксперимента в условиях максимально сходных с теми, в которых имело место событие или факт, интересующие следователя.

Необходимо отметить, что практически невозможно обеспечить полное совпадение всех обстоятельств реального и экспериментального события². Проведению следственного эксперимента, как правило, предшествует реконструкция места, основанная на тщательном изучении фактических

1 См.: Пилявец С.В. Проблемы проведения проверки показаний на месте: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: Диссертация ...к.ю.н. - Калининград, 2004, - С. 48.

2 См.: Чих Н.В. Теоретические и практические проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений. – Ниж.Новгород, 2000. - С. 91.

данных о первоначальном состоянии обстановки и характера происшедших после изучаемого события изменений. Такие данные получают при анализе протокола осмотра места происшествия, фототаблиц, видеозаписи осмотра места происшествия, при допросе очевидца происшествия и т.п.

В соответствии со ст. 181 УПК РФ следственный эксперимент проводится с целью проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела. В ходе следственного эксперимента, помимо проверки возможности восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, могут определяться и другие параметры, в частности, последовательность происшедшего события и механизм образования следов.

На возможность использования следственного эксперимента для проверки объективности временных характеристик преступления криминалисты обратили внимание достаточно давно. Так, Н.И.Гуковская считала, что в ходе этого следственного действия возможно измерить определенные временные интервалы при изучении возможности совершать какие-либо действия в определенный промежуток времени¹.

Кстати, и в мемуарах знаменитого юриста России XIX-начала XX веков А.Ф.Кони также упоминается возможность производства следственного эксперимента именно для проверки временных параметров преступления. Так, при расследовании факта убийства крестьянки Емельяновой, А.Ф.Кони описывает факт производства следственного эксперимента для проверки версии одного из участников убийства о том, что за 25 минут возможно преодолеть расстояние от реки до жилого дома.²

Р.С. Белкин, исследуя научные основы следственного эксперимента, отметил, что экспериментальные измерения могут быть произведены с целью

¹ См.: Гуковская Н.И. Следственный эксперимент. - М., 1958. - С. 74.

² См.: Кони А.Ф. Избранное. – М., 1989. – С. 49-62.

установления длительности события в целом или отдельных его элементов, путем определения продолжительности аналогичных фактов или отдельных действий участников следственных актов¹.

Не безынтересны эти аспекты и для защитников-адвокатов. Так, В.Ю.Резник советует защитникам в ходе предварительного следствия обращать внимание на своевременность проведения следственного эксперимента; на сохранность обстановки места происшествия, возможность его реконструкции, погодные условия, на соответствие времени происшествия и времени эксперимента, на совпадение качеств технических средств и т.п.²

Общепризнанным видом следственного эксперимента, где проверяются показания о временных характеристиках преступления, является эксперимент по проверке возможности совершить действия определенным лицом в конкретных условиях или за определенное время, например, мог ли человек за 20 минут пробежать данное расстояние.³

Наиболее распространены следственные эксперименты, где проверяются правдивые показания, а также разоблачаются ложные показания о временных характеристиках изучаемого события, при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Так, по данным В.В.Лысенко, следственные эксперименты с целью установления временных характеристик дорожно-транспортного происшествия производятся в 16,52 % случаев. В основном, устанавливается длительность какого-либо действия (например, время реакции водителя), или последовательность нескольких действий (последовательность

1 См.: Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. - М., 1966. – С. 185.

2 См.: Резник В.Ю. Актуальные проблемы участия адвоката, представляющего потерпевшего, в предварительном следствии //Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. - Екатеринбург, 2002. - С. 87.

3 См.: Криминалистика. – М., 1999. – С. 636.

действий водителя при появлении опасности для дальнейшего движения транспортного средства)¹.

Место проведения следственного эксперимента выбирает следователь с учетом конкретной ситуации, но предпочтительнее его производство на месте происшествия, что позволяет, по мнению Б.Е.Боровского, оценить сравнимость полученных результатов².

Наиболее распространенными следственными экспериментами, проводимыми при расследовании дорожно-транспортных происшествий с целью оценки его временных характеристик и разоблачения ложных показаний о развитии механизма происшествия во времени, являются эксперименты по установлению скорости движения транспортных средств и пешеходов, участвовавших в происшествии. Установление временных параметров события нередко имеет важное значение для установления истины по делу. Полученные сведения, как правило, используют в качестве исходных данных при назначении судебно-автотехнических экспертиз, а впоследствии являются основой для составления обвинительного заключения (или постановления о прекращении уголовного дела).

Следственные эксперименты проводятся после тщательного допроса будущего участника этого следственного действия, где выясняют обстоятельства наблюдения субъектом события и его мнение о скорости движения всех участников события. При этом следователь, как правило, критически относится к первоначальным сведениям. В специальной литературе отмечается, что восприятие скорости имеет свои сложности и особенности, на его правильность влияют как субъективные, так и объективные факторы³.

1 См.: Лысенко В.В. Собираение, проверка и оценка сведений о временных характеристиках дорожно-транспортного преступления. Дис....к.ю.н. – М., 2002. – С. 99

2 См.: Боровский Б.Е. Безопасность движения автомобильного транспорта. - Л., 1984. - С. 28.

3 См., напр.: Чих Н.В. Теоретические и практические проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений. - Н.Новгород, 2000. - С. 93.

Так, при расследовании наезда на пешехода, требовалось разоблачить ложные показания водителя автомобиля о скорости движения транспортного средства, который на допросе утверждал, что он не нарушил требований знака 3.24 «Ограничение максимальной скорости 70 км/час». В ходе следственного эксперимента и дорожно-транспортной экспертизы было установлено, что скорость наезда на пешехода, даже без учета контакта с окружающими предметами, составляла не менее 73,6 км/час. Иными словами, была доказана ложность сведений, сообщенных водителем о невозможности предотвращения наезда на пешехода путем применения экстренного торможения¹.

Помимо следственных экспериментов с целью проверки показаний о времени, в следственной практике достаточно распространены другие эксперименты, целью которых является установление конкретных временных характеристик дорожно-транспортных происшествий. Б.Е.Боровский к таковым относит следующие виды следственных экспериментов, где определяется:

время, затраченное транспортным средством на преодоление траектории определенной формы и длины;

момент открытия видимости на неподвижные препятствия с учетом помех, снижающих обзорность;

момент открытия взаимной видимости с учетом помех, снижающих обзорность, на поворотах дороги и на переломах ее продольного профиля;

момент открытия видимости на пешехода, передвигающегося через проезжую часть и направляющегося на полосу движения из-за неподвижного (стоящего) объекта на проезжей части, из-за движущегося транспортного средства².

Насколько можно судить по материалам изученных уголовных дел, наиболее распространенный вариант проверки показаний о событии преступления состоит в последовательном проведении следственного эксперимента и

1 См.: уголовное дело № 25656. Архив СЧ СУ УВД Калининградской области.

2 См.: Боровский Б.Е. Безопасность движения автомобильного транспорта. - Л., 1984. - С. 28.

судебной экспертизы. Это позволяет не только перепроверить вербальные сведения, но и объективизировать их. Как верно отметили А.А.Петуховский и Н.Г.Шурухнов, следственная практика признает обязательность производства экспертизы не только в случаях, перечисленных в ст. 196 УПК РФ, но и по ряду других дел¹.

Например, водитель Г., управляя автобусом МАН, выехал за пределы проезжей части дороги, где произвел наезд на придорожные деревья, в результате чего погибли три человека и трое получили телесные повреждения различной степени тяжести. Водитель на допросе дал ложные показания о развитии механизма происшествия во времени и утверждал, что, управляя автобусом со скоростью 60 км/час и, увидев фигуру человека, своевременно предпринял маневр влево, в результате которого автобус вынесло на придорожные деревья, что послужило причиной гибели людей. Следовательно, разоблачая ложные показания водителя о временных характеристиках происшествия, произвел ряд следственных экспериментов и судебных экспертиз, которые позволили установить, что скорость автобуса была 84 км/час, что в условиях гололеда и послужило причиной наезда на дерево².

Подобные факты не являются единичными в следственной практике. Опытные водители зачастую не оспаривают факт дорожно-транспортного происшествия, но при этом выдвигают такую версию развития события во времени, которая выгодна им и позволяет избежать уголовного наказания. Так, при столкновении ГАЗ-24 с троллейбусом водитель автомобиля выдвинул версию, что он не располагал технической возможностью остановить машину в создавшихся условиях, поскольку троллейбус неожиданно изменил направление движения и перекрыл ему дорогу. Произведенная очная ставка между водителями ясности не прибавили. На основании числового значения времен-

1 См.: Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2000 г.): Уч.пособие. - М., 2002. - С. 13.

2 См.: уголовное дело № 10087. Архив СЧ СУ УВД Калининградской области.

ного интервала, полученного в ходе проведения следственного эксперимента, следователь назначил судебно-автотехническую экспертизу. Эксперт сделал категоричный вывод о возможности водителя ГАЗ-24 за данный временной интервал (5-6 секунд) совершить все необходимые действия по избежанию наезда. Интересно, что Р., ознакомившись с заключением эксперта, признал себя виновным и дал подробные показания о протекании во времени механизма происшествия.

Фиксация хода и результатов следственного эксперимента, целью которого является разоблачение ложных показаний о временных характеристиках преступления, производится по тем же правилам, что и при производстве других видов экспериментов. То есть описывается содержание, последовательность и повторяемость опытных действий, порядок использования технических средств и тактических приемов, описывается роль специалиста, подробно излагаются полученные результаты и т.п. Вместе с тем в протоколы следственных экспериментов, проводимых с целью разоблачения ложных показаний о времени, целесообразно включать графики типа «путь – время», с помощью которых фиксируют, например, движение двух объектов: транспортного средства и пешехода с момента развития опасной ситуации, вплоть до момента наезда автомобиля на пешехода¹. Графическое изображение позволяет более наглядно убедиться, на каком этапе свидетель (потерпевший, обвиняемый) начал давать ложные показания о развитии, например, дорожно-транспортного происшествия, во времени. Судя по криминалистической литературе, подобные графики достаточно давно используют криминалисты в других странах.

Таким образом, в ходе следственного эксперимента возможно организовать разоблачение ложных показаний о времени в следующих ситуациях:

¹ См.: Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика. – М., 1985. – С. 88.

- при проверке последовательности действий в определенной ситуации (например, установить действительную последовательность действий водителя во время управления автомобилем);
- при проверке длительности выполнения какой-либо работы (например, установить реальную скорость реакции водителя);
- при проверке возможности совершить определенные действия за фиксированный отрезок времени (например, преодолеть конкретный путь);
- при проверке скорости выполнения какого-либо действия (например, при установлении скорости движения автомобиля, пешехода).

Заключение

Выполненное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Среди способов сокрытия преступления особое место занимают способы, направленные на искажение информации о временных характеристиках преступления, в частности:
 - путем инсценировки материальной обстановки;
 - утаивания или дачи ложных показаний относительно временных характеристик расследуемого события;
 - путем фальсификации сведений о времени, носящей комплексный характер, поскольку заинтересованное лицо использует как инсценированную материальную обстановку, так и представляет следователю ложную информацию о времени в ходе допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, следственного эксперимента.
2. Инсценировки материальной обстановки, в виде искажения «времясодержащих» признаков объектов на месте происшествия, обыска или в документах, имеют достаточно распространенный характер, и характеризуются значительным разнообразием в зависимости от механизма преступных действий. Поэтому такие инсценировки целесообразно изучать применительно к механизму преступных действий:
 - инсценировки при причинении огнестрельного ранения человеку;
 - инсценировки при причинении телесных повреждений с помощью каких-либо предметов;
 - инсценировки при совершении убийства с применением огня;
 - инсценировки при совершении убийства путем утопления;
 - инсценировки при совершении убийства, замаскированного под дорожно-транспортное происшествие и т.д.

3. Искажение информации о временных характеристиках преступлений при ее вербальной передаче совершается как путем утаивания, так и путем дачи ложных показаний. Заинтересованные лица нередко используют не соответствующую реальному развитию событий во времени информацию, сообщаемую следователю лицом, которое добросовестно заблуждается относительно протекания во времени расследуемого события.
4. Наиболее квалифицированный способ фальсификации сведений о временных характеристиках расследуемого события состоит в комплексном использовании результатов инсценировки материальной обстановки и последующего утаивания или дачи заведомо ложных показаний о времени в ходе вербальных следственных действий.
5. С целью распознавания и разоблачения информации, направленной на создание ложных преставлений о времени расследуемого события, при следственном осмотре или обыске следователю целесообразно:
 - в протоколе осмотра места происшествия фиксировать суждение специалиста, участвующего в следственном действии, имеющего право, в соответствии со ст. 166 УПК РФ вносить в протокол следственного действия замечания, относительно обнаружения признаков инсценировки. Впоследствии это позволит в установленном законом порядке (ст. 80 УПК РФ) получить от специалиста его заключение, которое является доказательством по делу, что явится основанием для проверки изложенного специалистом факта.
 - организовать обобщение видов и способов инсценировок, систематизировав их либо по конкретным составам преступлений (убийство, кража, дорожно-транспортное преступление и т.д.), либо по

видам преступлений: корыстные, насильственные и т.д. Обобщением данных фактов целесообразно заниматься Главному информационному центру МВД России, как наиболее подготовленной к этой деятельности структуре. Подобные факты уже систематизируются пограничными и таможенными органами применительно к организации тайников на транспортных средствах.

6. В ходе выполнения вербальных следственных действий с целью распознавания и разоблачения ложной информации о временных характеристиках расследуемого события целесообразно использовать следующие тактические приемы:

- логического анализа показаний;
- «допущение легенды»;
- «пресечение лжи»;
- «создание незаполненности»;
- внезапное предъявление изобличающих доказательств;
- последовательное предъявление изобличающих доказательств;
- маскировка цели допроса;
- изменение темпа допроса;
- использование полиграфа;
- использование видео,- аудиозаписи.

7. При проверке показаний на месте с целью распознавания и разоблачения ложных показаний о времени расследуемого события используют:

- «преступную осведомленность» субъекта, чьи показания проверяются, об обстановке места в момент совершения расследуемого события;
- элементы моделирования, позволяющие без использования обмана, проверить факт «преступной осведомленности» лица, чьи показания проверяются.

8. В ходе следственного эксперимента организуют разоблачение ложных сведений о времени в следующих ситуациях:

- при проверке последовательности действий в определенной ситуации (например, установить действительную последовательность действий водителя во время управления автомобилем);
- при проверке длительности выполнения какой-либо работы (например, установить реальную скорость реакции водителя);
- при проверке возможности совершить определенные действия за фиксированный отрезок времени (например, преодолеть конкретный путь;
- при проверке скорости выполнения какого-либо действия (например, при скорости движения автомобиля, пешехода).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативная литература

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Юрид.лит., 1994. – 58 с.
2. О защите прав человека и основных свобод: Европейская конвенция от 4 ноября 1950 г. – М.: изд-во БЕК, 1999. – 62 с.
3. Положение об органах предварительного следствия в системе МВД России //СЗ РФ, 1998, № 48, ст. 5923.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. С изменениями и дополнениями на 1 мая 2004 г. – М.: КОДЕКС, 2004. – 592 с.
5. Уголовный кодекс РФ. – М.: ЮРКНИГА, 2004. – 160 с.
6. Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ //СЭ Российской Федерации, 1995, № 33, ст. 3349.

Книги и брошюры

7. Аврамцев В.В. Профессиональное общение в деятельности юриста. – Ниж.Новгород: изд-во «Общество «Интелсервис», 2000. – 80 с.
8. Авсюк А.В. Процессуальные и тактические особенности проведения проверки показаний на месте. – Минск: МВД СССР, 1990. – 29 с.
9. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристъ, 1996. – 336 с.
10. Ароцкер Л.Е. Следственный эксперимент в советской криминалистике. – Харьков, 1951. – 213 с.
11. Бахин В.П. Допрос: Лекция. - Киев, 1999. - 40 с.
12. Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-202). – Киев, 2002. – 268 с.

13. Башкирева Н.Н., Мешков В.М. Организованная преступность и криминальный автобизнес в Калининградской области. – Калининград: КЮИ МВД России, 2001. – 60 с.
14. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. - М.: Юр.лит. 1987. - 272 с.
15. Белкин Р.С. Криминалистика. Проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. – М.: Юр.лит., 1988. – 304 с.
16. Белкин Р.С. Курс криминалистики. – изд. 3- дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.
17. Белкин Р.С. Криминалистика: учебный словарь-справочник. – М.: Юристъ, 1999. – 268 с.
18. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. – 237 с.
19. Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. - М.: Новый юрист, 1997. – 176 с.
20. Божьев В.П. Уголовный процесс: Учебник. – М.: Спарк, 1998. – 312 с.
21. Боровский Б.Е. Безопасность движения автомобильного транспорта. - Л.: Лен-издат, 1984. – 304 с.
22. Быховский И.Е., Глазырин Ф.В., Питерцев С.К. Допустимость тактических приемов при допросе. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1989. – 47 с.
23. Вандер М.Б. Использование микрочастиц при расследовании преступлений. – СПб.: «Питер», 2001. – 224 с.
24. Васенин О.Н., Мешков В.М. Раскрытие и расследование некоторых видов контрабанды: Научно-практическое пособие. – Калининград: КЮИ МВД России, 2003. – 52 с.
25. Васильев А.Н. Тактика отдельных следственных действий. – М.: Юр.лит., 1981. – 112 с.
26. Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. - М.: ЛекЭст, 2002. - 76 с.

27. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – 143 с.
28. Васильев В.Л. Юридическая психология. 3-е изд. – М.: Питер, 2000. – 516 с.
29. Войнов В.В., Мешков В.М. Правовые и криминалистические аспекты преступной деятельности в сфере незаконного оборота оружия: Научно-практическое пособие. – Калининград: КЮИ МВД России, 2001. - 75 с.
30. Волчецкая Т.С. Моделирование криминальных и следственных ситуаций. – Калининград: КГУ, 1994. – 45 с.
31. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. - М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, Калининград: КГУ, 1997. - 248 с.
32. Вопросы борьбы с преступностью за рубежом. – М.: ГИЦ МВД России, 1996. – 37 с.
33. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: изд-во Томского университета, 1985. – 333 с.
34. Газизов В.А., Филиппов А.Г. Видеозапись и ее использование при раскрытии и расследовании преступлений. – Уч.пособие. – М.: изд-во «Щит-М», 1998. – 136 с.
35. Гельвиг А. Современная криминалистика. – М., 1925 – 99 с.
36. Герасимов И.Ф., Драпкин Л.Я., Ищенко Е.П. Криминалистика. 2-е изд. – М., 2000. – 410 с.
37. Грамович Г.И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. – Минск, 1987. – 66 с.
38. Грачев М. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. – Ниж.Новгород: изд-во «Флокс», 1992. – 207 с.
39. Григорьев В.Н. Организация следственной работы в условиях чрезвычайного положения. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1991. – 179 с.

40. Григорьев В.Н. Прушинский Ю.В. Первоначальные следственные действия при получении сведений о преступлении: Уч.пособие. – М.: ЮИ МВД России, Книжный мир, 2002. – 103 с.
41. Горяинов Ю.А., Леви А.А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. – М.: Юр.лит., 1983. – 112 с.
42. Громов В.И. Вещественные улики и научно-уголовная техника. – 2-е изд. – М., 1932 – 88 с.
43. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей жандармской полиции и др.- М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
44. Гуковская Н.И. Следственный эксперимент. - М.: Госюриздат, 1958. – 96 с.
45. Дацюк В.П., Мешков В.М., Соколов А.Н. Особенности противостояния незаконному обороту наркотиков в Псковской области. – Калининград-Псков: КЮИ МВД России, 2000. - 55 с.
46. Денисюк С.Ф., Шепитько В.Ю. Обыск в системе следственных действий. – Харьков: Консум, 1999. – 160 с.
47. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Спарк, 1996. – 132 с.
48. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987.
49. Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999. – 152 с.
50. Зеленский В.Д. Вопросы проверки алиби. – М., 1972
51. Зиналуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск, 1993. – 179 с.
52. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 268 с.
53. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Минск: Амалфея, 2000. – 416 с.

54. Зорин Г.А. Использование криминалистических игр, инверсий, эффектов и тактических ловушек при расследовании, обвинении и защите по уголовным делам. – М.: «Юрлитформ», 2002. – 360 с.
55. Ищенко Е.П., Ищенко П.П., Зайцев В.А. Криминалистическая фотография и видеозапись. – М.: «Юристь», 1999. – 360 с.
56. Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Свердловск: изд-во Свердловского ун-та, 1992. – 176 с.
57. Колдин В.Я. Судебная идентификация. – М.: «ЛексЭст», 2002. – 528 с.
58. Комиссаров В.И. Теоретические основы следственной тактики /Под ред. проф. А.И.Михайлова. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 345 с.
59. Комментарий к УК РФ с постатейными материалами и судебной практикой /Под общей ред. С.И.Никулина. – М.: изд-во «Менеджер» совместно с изд-вом «Юрайт», 2001. – 1184 с.
60. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ. – М.: Юрайт, 1999. – 730 с.
61. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 2-е, изм. И доп. /Под общей ред. Ю.И.Скуратова, В.М.Лебедева. – М.: изд-кая группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – 832 с.
62. Коновалова В.Е. Допрос: тактика и психология: Уч.пособие. – Харьков: Консум, 1999. – 157 с.
63. Коновалова В.Е. Убийство: искусство расследования. – Харьков: Факт, 2001. – 311 с.
64. Корниенко М.А. Следы человека в криминалистике. – СПб.: «Питер», 2001. – 352 с.
65. Криминалистика: Учебник для вузов /Под ред. И.Ф.Герасимова, Л.Я.Драпкина. – М.: Высш.шк., 1994. – 528 с.
66. Криминалистика: Учебник для вузов /Под общей ред. Р.С.Белкина. – М.: издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. – 990 с.

67. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования /Под ред. В.А.Образцова. – М., 1992. – 351 с.
68. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. – М.: Юристъ, 1997. – 398 с.
69. Кручинина Н.В. Вопросы теории и практики проверки алиби. – Иркутск, 1982.
70. Кузнецов А.А. Тактика обыска в жилых помещениях. – Омск: Омский ЮИ МВД России, 1997. – 24 с.
71. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления. Цикл лекций. – М.: изд-во Московского психолог.ин-та. Воронеж: изд-во НПО «МОДЕК», 2002. – 378 с.
72. Кучеров И.Д. Соотношение тождества и различия. - Минск, 1968.
73. Леви А.А., Михайлов А.И. Обыск. – М., 1983.
74. Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний следователем. – М.: Юр.лит, 1987. – 112 с.
75. Локар Э. Руководство по криминалистике /Пер. проф. С.В.Познышева и Н.В.Терзиева. Под. ред. С.П.Митричева. – М.: юрид.изд-во НКЮ СССР, 1941. - 544 с.
76. Лузгин И.М. Моделирование в расследовании преступлений. – М.: Юрид. лит., 1981. – 152 с.
77. Лысенко В.В., Мешков В.М. Дорожно-транспортное преступление: уголовно-правовая и криминалистическая характеристики. Роль и значение фактора времени в расследовании: Научно-практическое пособие. – Калининград: КЮИ МВД России , 2002. – 61 с.
78. Лысов Н.Н. Фиксация доказательств в уголовном процессе. Часть 1. – Нижний Новгород: Нижегородский ЮИ МВД России, 1998. – 121 с.
79. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – М.: изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2000. – 295 с.
80. Меретуков Г.М. Криминалистические проблемы борьбы с наркобизнесом организованных преступных групп. – М.: Академия МВД России, 1995. – 245 с.

81. Мешков В.М. Установление временных характеристик при расследовании преступлений: Уч.пособие. - Ниж.Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1993. - 57 с.
82. Мешков В.М. Получение временной информации в ходе вербальных следственных действий: Лекция. - Ниж.Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1994. - 46 с.
83. Мешков В.М. Основы криминалистической теории временных связей. – М.: Академия МВД России, 1994. – 128 с.
84. Мешков В.М. Основы криминалистической теории о временных связях. Изд.2-е., исправленное и дополненное. – Калининград: КЮИ МВД России, 1999. – 188 с.
85. Мешкова В.С. Криминалистическая характеристика организованной преступности и ее субъектов. – Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 1998. – 52 с.
86. Михайлов А.И., Юрин Г.С. Обыск. – М., 1971
87. Моисеева Т.Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. – М., 2000.
88. Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. – М., 1973. – 157 с.
89. Научно-практический комментарий Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». – Омск: Омская ВШ МВД России, 1996. – 84 с.
90. Образцов В.А. Основы криминалистики. – М.: Юрист, 1996. – 160 с.
91. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М., 1997. – 336 с.
92. Образцов В.А. Следственные действия. – М.: Юность, 1999. – 260 с.
93. Овечкин В.А. Общие положения методики расследования преступлений, скрытых инсценировками. – Харьков, 1975.
94. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1990. – 723 с.
95. Осипкин В.Н., Рохлин В.И. Доказательства. – Спб: СПб ун-т МВД России, 1998. – 32 с.

96. Осмотр места происшествия при расследовании отдельных видов преступлений. – Киев: «НВТ Травник», 2001. – 172 с.
97. Основы борьбы с организованной преступностью /Под ред. В.С.Овчинского, О.Э.Эминова, Н.П.Яблокова. – М., 1996. – 397 с.
98. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. – М., 1975. – 125 с.
99. Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2000 г.): Уч.пособие. - М.: ЮИ МВД России, 2002. - 88 с.
100. Печников Г.А. Проблемы истины на предварительном следствии. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2001. – 210 с.
101. Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика (Опыт применения научно-технических средств при расследовании отдельных видов преступлений): Пер. с нем. – М.: Юр.лит., 1985. – 304 с.
102. Порубов А.Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. – Минск: Амалфея, 2002. – 176 с.
103. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии. – М.: БЕК, 1998. – 208 с.
104. Рейсс Р.А. Научная техника расследования преступлений. – СПб., 1912. – 178 с.
105. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском и арбитражном процессе. – М., 1996. – 224 с.
106. Руководство по расследованию преступлений. – Харьков: Консум, 2001 – 608 с.
107. Салтевский М.В. Собираение криминалистической информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев, 1980. – 104 с.
108. Салтевский М.В. Криминалистика. В современном изложении юристов. - Харьков: ИМП «Рубикон», 1996. – 432 с.
109. Сегай М.Я. Методология судебной идентификации. - Киев, 1970.

110. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов /Под ред. В.А.Образцова. – М., 1999.
111. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус.яз., 1993. – 740 с.
112. Сорокотягина Д.А. Психология следственных действий. – Екатеринбург, 1995. – 198 с.
113. Строгович М.С. Признание обвиняемым своей вины как судебное доказательство. - М., 1982.
114. Суворов Ю.П. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения. – М.: «Экзамен», 2003. – 208 с.
115. Сучков Ю.И. Устная речь следователя при осуществлении допросов на предварительном следствии с применением звуко- и видеозаписи: Уч.-практ.пособие. – Калининград: изд-во КГУ, 1998. - 26 с.
116. Тилле А.А. Время, пространство, закон. – М., 1965.
117. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – Н.Новгород: Юр.лит., 1991. – 239 с.
118. Тыщенко П.П. Тактика и психологические основы допроса (опроса). - Домодедово. 1997.
119. Уголовный процесс: Учебник для студентов юрид.вузов и факультетов. /Под ред. К.Ф.Гуценко. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало-М, 2001. – 567 с.
120. Федоров А.В., Шахматов А.В. Оперативно-розыскная деятельность и граждане: Научное издание /Под ред. В.П.Сальникова. – СПб: фонд «Университет», 2001. – 172 с.
121. Филиппов А.Г. Первоначальные следственные действия по расследованию хищений государственного или общественного имущества, совершенных путем присвоения, растраты или путем злоупотребления служебным положением. – М., 1972.
122. Хлынцов М.Н. Проверка показаний на месте. – Саратов, 1971. – 119 с.

123. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. – М.: изд-кий дом «Мир безопасности», 2000. – 160 с.
124. Чих Н.В. Теоретические и практические проблемы расследования дорожно-транспортных преступлений. - Н.Новгород: изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2000. - 142 с.
125. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. - М., 1998.
126. Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. - СПб., 1992.
127. Энциклопедия юридической психологии /Под общей ред. проф. А.М.Столяренко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 607 с.
128. Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. – М.: ЮРИСТЪ, 2002. – 172 с.
129. Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник для вузов и юрид.факультетов. – М.: «ЛексЭст», 2003. – 143 с.
130. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика.. – М., 1929. - 312 с.

Статьи

131. Агинский В.П. Определение давности выстрела с помощью инструментальных методов. Заключительный отчет. – М.: ГУ «ЭКЦ» МВД России, 2002. – С. 12.
132. Ведерников Н.Т. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений //Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 74-77.
133. Викторова Л.Н. Фактор времени и его значение для раскрытия и расследования преступлений //Методика расследования преступлений. – М., 1976. – С. 116-120.
134. Гавло В.К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений //Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск, 1980. – С. 120-122.

135. Драпкин Л.Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений //Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. – Свердловск, 1978. вып. 69. – С. 16-18.
136. Кежоян А. Выход на место происшествия //Социалистическая законность. 1976. № 7. - С. 53.
137. Конин В.В. Профессиональная этика в деятельности адвоката //Федеральное законодательство об адвокатуре. Материалы международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 162-166.
138. Короленко Л.И., Соболев А.В., Чебышев В.А. и др. Установление давности выполнения рукописных текстов методом химико-спектрального анализа /Экспертная практика и новые методы исследования. Информационный сборник. – М., 1993. вып.8
139. Кузнецов И.В. Категории причинности и ее познавательное значение /Теория познания и современная наука. - М., 1967. - С. 3
140. Лившиц Е.М. Ложные показания свидетелей как способ сокрытия преступления: Способы сокрытия следов преступлений и криминалистические методы их установления. Сб.трудов. – М., 1984. – С. 66.
141. Лубин А.Ф. Структура базовой методики расследования преступлений //Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики: Учебник под ред. В.Д.Грабовского, А.Ф.Лубина. – Н.Новгород: Нижегородская ВШ МВД России, 1995. – С. 68-85.
142. Мамотюк М.Л. К вопросу о диагностике временных отношений в судебно-биологической экспертизе //Криминалистика и судебная экспертиза. - Киев, 1985. № 31. - С. 95-99.
143. Потапов С.М. Принципы криминалистической идентификации //Советское государство и право. № 1. 1940.
144. Пятницын К.Е. Анализ пространственно-временных отношений в процессе расследования /Криминалистические проблемы пространственно-временных факторов в методике расследования преступлений. - Иркутск, 1983. - С. 67-74.

145. Резник В.Ю. Актуальные проблемы участия адвоката, представляющего потерпевшего, в предварительном следствии //Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. - Екатеринбург, 2002. - С. 87.
146. Ханин В.Ф., Ханина Н.В. Выявление признаков инсценировки при производстве следственных действий //Вестник Калининградского ЮИ МВД России. № 4. – Калининград, 2003. – С. 15-20.
147. Чегодаев А.В. Особенности тактики осмотра места происшествия при инсценировке события квартирной кражи //Информационный бюллетень № 10. – М.: Академия управления МВД России, 2000. – С. 22.
148. Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент криминалистической характеристики //Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 34-40.

Диссертации, авторефераты

149. Волынский В.А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники: Автореферат дис....д.ю.н. – М., 2001. – 48 с.
150. Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования: Автореферат дис....к.ю.н. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2003. – 19 с.
151. Замылин Е.И. Психологические основы и тактика допроса в конфликтной ситуации: Автореферат дис.... к.ю.н. - Волгоград: Волгоградский ЮИ МВД России. 1998.
152. Кунин В.В. Криминалистические, технические и тактические приемы и методы исследования места происшествия: Автореферат дис.... к.ю.н. – СПб, 2001. – 24 с.
153. Ларин А.М. Доказывание на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Автореферат дис... к.ю.н. – М., 1962. – 24 с.
154. Логвинец Е.А. Проблемные вопросы использования судебной экспертизы в установлении временных связей: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 2000. - 18 с.

155. Лохов В.Л. Организационные и методические основы деятельности специалиста-криминалиста в предварительном следствии: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 1980. – 25 с.
156. Лысенко В.В. Собираение, проверка и оценка сведений о временных характеристиках дорожно-транспортного преступления: Автореферат дис....к.ю.н. – М., 2002. - 20 с.
157. Лысов Н.Н. Криминалистическое учение о фиксации доказательственной информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: Автореферат дис. д.ю.н, - М., 1995. – 48 с.
158. Пилявец С.В. Проблемы проведения проверки показаний на месте: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: Диссертация... к.ю.н. - Калининград, 2004. – 183 с.
159. Побережный С.К. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии: Дис....к.ю.н. – Калининград, 2000. – 225 с.
160. Фадеев В.И. Расследование инсценировки преступных событий: Автореферат дис.... к.ю.н. – Воронеж, 1998. – 23 с.
161. Чегодаев А.В. Установление в процессе расследования времени совершения краж: Автореферат дис. ...к.ю.н. – М., 2001. - 18 с.